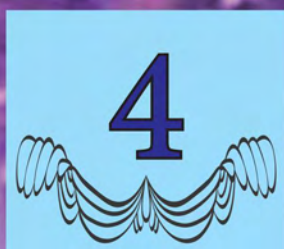

Серия «Серебро Слов»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

**Международный
литературно-художественный
альманах**

4

2015

*Да свершатся смелые планы!
Альманах талантам откроется!
И пусть книг армада построится
Именами новых титанов!*

*И зерно добра станет колосом –
Урожаем света и истины!
И мечтами светлыми, чистыми!
Да восславит мир наши помыслы!*
Э.Офледи

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Международный
литературно-художественный
альманах

ТОМ 4

Коломна
Издательский Дом
«Серебро Слов»
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С32

ISBN 978-5-906438-88-1

Серебряный дождь. Международный литературно-художественный альманах. Том 4. –

Коломна: Издательский Дом «Серебро Слов», 2015. – 128 с.: фото, ил.

Серебряный дождь произведений, – то грустный, то весёлый, – способен обновить внутренний мир человека, столь же многогранный и бескрайний (а может быть, и больше!), сколь мир внешний...

Шеф-редактор:

*Председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры РФ*

Л.К. Котюков

Главный редактор:

Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России

С.С. Антипов

Ответственный редактор и руководитель проекта:

Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России

Д.В. Минаев

Редакционный совет:

**Л.А. Дудин, Г.Б. Осипов, Э.В. Хандюков, И.Е. Витюк,
В.К. Лория, О.А. Новикова, Н.Ф. Дик**

Компьютерная вёрстка: А.А. Минаева

Корректор: П.О. Громова

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

E-mail: serebro.slov@gmail.com **Телефон:** 8 (926) 433-33-99

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

© Авторы, 2015
© Минаев Д.В., обложка, 2015
© Издательский Дом «Серебро Слов», 2015

Подписано в печать 21.01.2015
Формат 60х84/8. Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro. Тираж 500 экз. Заказ № 66

При использовании опубликованных в издании
материалов ссылка на альманах
обязательна!

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская область, г.Коломна,
ул. III Интернационала, 2а
Тел: 8 (496) 618-69-33, 8 (496) 618-60-16

Лев Котюков г. Москва

Лев Константинович Котюков – ныне один из самых известных поэтов в России. Он – автор более чем тридцати книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание в нашей стране и за рубежом.

Он первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией Международной премией имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а также лауреат ещё тридцати семи международных, всероссийских и региональных литературных премий.

Председатель Правления Московской областной писательской организации, Секретарь Правления Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России, Главный редактор журнала «Поэзия», академик Академии Российской словесности и ряда других академий зарубежья и России.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРА

... И во время вечера, когда диавол
уже вложил в сердце Иуде Симонову
Искариоту предать Его, Иисус, зная,
что Отец всё отдал в руки Его,
и что он от Бога исшёл и к Богу
отходит, встал с вечера, снял с Себя
верхнюю одежду и, взяв полотенце,
препоясався. Потом влил воды в
умывальницу и начал умывать
ноги ученикам и отирать полотенцем,
которым был препоясан.

Евангелие от Иоанна

Все сошлись навсегда в тесной горнице
И себя до конца обрели...
И преданье Святое исполнилось
На окраине вечной Земли.

И пред страшной, назначенной расстанью
Божий Сын наши души простил.
И омыл ноги первых апостолов,
И предателю ноги омыл.

И молчали пределы Небесные,
И таилась Луна в облаках...
Но Земля содрогнулась пред бездною,
И вскипела вода в родниках.

Никого, никого в тёмной горнице,
Все себя до конца обрели...
Всё свершилось, но всё не исполнилось, –
И доносится хрип из петли...

ВЛАСТЬ СЛОВА

Всё смертное – в недрах творенья
Сжирает забвения ржа...
Но в громокипящем горенье –
Во мне – не сгорает душа.

И всё повторяется снова,
И в сердце, как в небе, светло...
И Слово вмещается в Слово, –
И всё, что вне Слова, – ничто!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ НЕБЕСНОЙ

... Горе живущим на земле и на море!
Потому что к вам сошёл диавол
в сильной ярости, зная,
что немного ему остаётся времени.

Откровение Иоанна Богослова

Наступает пора отмщения –
Всяк себя проклянет, прозрев...
Ни прощения, ни спасения –
Только ярость и Божий гнев.

И ни убыли, и ни прибыли –
На последней дороге в ад,
И во времени царь погибели
Покорит стоэтажный град.

И воздастся всем полной мерою,
В звёздных топках сгинут миры,
И вовек не открыть Америку –
В тусклой бездне чёрной дыры...

МОЁ МОЛЧАНИЕ

Незримы – ангелы стихий,
И ангелы любви – незримы,
И тишина в полях глухих
Объята сумеречным дымом.

И на обрыве тишины –
Молчу, боясь вспугнуть мгновенье...
И нынче сердцу не страшны
Невыносимые виденья.

Молчу, страдая в тишине,
Но на груди не рву рубаху,
И воля Божья, как во сне,
Влечёт меня во тьму без страха.

Но страшно жизнь навек забыть
В юдоли вечной и незримой, –
И в Слово силушь воплотить –
Миг тишины невыразимой.

Мерцает ранняя звезда,
Как вещий знак, как обещанье...
И остаётся навсегда –
В словах моих – моё молчанье...

ПЛАЧ СТРАДАЛЬЦА*(После операции)*

До предела всё ослабло!
 Жалок в немощи своей...
 Но упорно снятся бабы,
 И не снятся, хоть убей!

Наяву куда-то тащат,
 То в постель, то в кабинет...
 И плевать, что доходящий,
 И плевать, что силы нет.

Им всё мало, мало, мало!
 Их давно уже не счесть...
 А казалось: жизнь пропала.
 А казалось: вышел весь...

Думал: стану третьим лишним
 И писать не буду в стол.
 Но галдят: «Да нет, не вышел!
 Просто сразу не вошёл...»

Вот такая незадача,
 Не обидишь никого,
 И во мне по-женски плачет
 Всё мужское естество.

Но в плачевном состоянии –
 Остаётся только жить!..
 И бессмысленны страдания,
 И любовь не победить!

ЛИЦО ДУШИ

Не всё моё – в земном... Но эта жизнь – во мне!..
 И всем дано прозреть навек в незримой тьме.

Но в терниях сует, в пустой тщете страстей –
 От века не прозреть лицо души своей.

И я один во тьме под чёрною Луной,
 И крестные древа сомкнулись надо мной.

Сомкнулись надо мной пред бездной тишины,
 И льётся через край седая кровь Луны.

Об этом я не раз во сне стихи слагал,
 Но с каждой строкой себя не узнавал.

Но вновь торю строку, в незримой тьме прозрев, –
 Про чёрную Луну, про крестный путь дерев.

Но одного боюсь, прозрев в чужой глуши,
 Что обознаюсь я, признав лицо души...

ГЛАГОЛЫ ВОД*(Из старого письма)**Памяти Александра Вампилова*

...И душу вновь, как в дни иные,
 Томят глаголы вод немые.

Томит собрата грустный жребий
 На рубеже тысячелетий.

И я как будто виноват,
 Что сгинул в нежити собрат.

И виноват за то, что строки –
 Мои – жестоко одиноки.

А он, глядишь, давно в раю –
 И вряд ли вспомнит жизнь мою.

Но ухожу я от беды, –
 Вон – на воде мои следы!..

И словно годы золотые –
 В душе глаголы вод немые.

И словно Неприступный Свет, –
 Немая тьма хранит от бед.

ВИДЕНИЕ ПРОРОКА

Восстанет прах в седой пыли
 Под небом праотцов...
 Роса растений и Земли
 Исторгнут мертвецов.

И золотом вскипят поля,
 Где хлеба не дано...
 И в Небо прорастёт Земля,
 Как Божие зерно...

В ЛУННОЙ ТЬМЕ

I

Все мы тени в неземной поэме, –
 И словам в душе моей невмочь...
 И почти остановилось время,
 И почти недвижна эта ночь.

Но приходят небеса в движенье,
 И к бумаге тянется рука...
 Но боюсь спугнуть стихотворенье,
 Как с Луны ночного мотылька.

II

В лунной тьме – так неверно сознание,
 И неверны слова в лунной тьме...
 И, как тайна, родное дыханье –
 Растворяется тихо во мне.

И в себе, как в чужом, повторяясь,
 Воскресаю за чёрной луной,
 И в дыханье родном растворяюсь –
 С лунной тьмою, как свет неземной.

* * *

Эй, хватит в дверь ко мне ломиться!
 Да шли б куда подальше все!
 Когда душа – как в клетке птица,
 А сам – как белка в колесе.

И ничего уже не мило,
 И свет как бритвой по глазам,
 Когда вся жизнь, как в стог – на вилы,
 Которые подставил сам...

* * *

Ангел Божий – как бесплотный луч,
 Тайный вестник божьего молчанья.
 Он нисходит с занебесных круж,
 И не зрим телесными очами.

Сколько раз, теснимый волей злой,
 Он спасал любовь мою над бездной!
 Но любовью обделён земной
 Ангел мой – хранитель мой Небесный.

г. Москва

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И.А. Бунина. Автор семи книг. Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской Словесности, член Союза журналистов России и Союза литераторов Европы.

Начинаем без страха и мести,
И кто надо – получают по полной,
Мчи вперёд, если нужно –
«под двести»,
И гордись своей жизненной школой!

Проступает духовная смерть
В идиоте, что внешним кичится,
Потому так приятно смотреть
На простые счастливые лица!

Леонид Дудин

п.г.т. Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Родился в деревне Харитонов Починок Костромской области. Служил в Группе советских войск в Германии в должности командира взвода разведки, старшим офицером батареи. После – учёба и окончание Военной инженерной академии имени Петра Великого.

В качестве представителя Главного управления космических средств работал на предприятиях, занимающихся освоением дальнего и ближнего космоса. За большой личный вклад в развитие космонавтики отмечен многими правительственными и общественными наградами.

Работал главным редактором газеты «Наши вести» и Белоозёрского телевидения, первым редактором газет «Вертикаль», «Округа».

Пишет стихи и прозу. В последние годы увидели свет книги: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..», «Белоозёрский. Очерки истории», «Цветы Болгарии. Венки сонетов», «Гвардии генерал Соколов».

Действительный член Академии Российской словесности, член Президиума Академии, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю. Лермонтова, И.Д. Сытина, Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, многих региональных и областных.

Член правления Московской областной организации Союза писателей России, руководитель Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова.

Редактор газеты «Воскресенск литературный».

Ветеран Военно-космических Сил.

Почётный гражданин Воскресенского района, Первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

* * *

Светлой памяти брата Сергея

Я лежу под корнями
Белоствольных берёз,
Орденами, ремнями
В землю чёрную врос.

Все прошедшие беды
В изголовье со мной.
Надо мной День Победы
И простор голубой.

Лейтенант, мой начальник,
Боевой командир,
Ты сегодня печально
По земле не ходи.

Ты не видел, как пуля
Цель в турели нашла...
Тихо сердце кольнула
И навывлет прошла.

Ты был выброшен резко
Из кабины своей
Вместе с огненным креслом
Нас намного левей.

Мы с расстрелянным Илом
Через пару секунд
Топь болота прошли
И осели на грунт.

Ты искал нас, я знаю,
Зря искал нас тогда, –
Не осталось за нами
Никакого следа.

По всей смертной науке
Жизнь сгорела дотла,
И лишь ягодой-клюквой
Капля крови всплыла...

Я лежу под корнями
Белоствольных берёз.
Орденами, ремнями
В землю чёрную врос.

Мне не спится ночами,
А всё грезится мне –
Бой идёт нескончаем,
Небо в белом огне.

Я пытаюсь подняться
И вступить снова в бой...
Не цепляются пальцы
За крючок спусковой.

А разрывы грохочут,
Достают до нутра
От рождения ночи
До рождения утра.

А когда я опомнюсь –
Слышу стон журавлей,

Робкий пеночки голос
Да вздыхания шмелей.

Скромный цвет голубики
Согревает меня...
Мне не жаль быть убитым
Ради светлого дня,

Ради главной победы
Во спасенье людей,
Ради чистого неба
Над Отчизной моей.

ПОГОНЫ

Светлой памяти
Э. Киселёва

Когда я под Красное знамя
Из дома служить уходил,
Отец мне на добрую память
Погоны свои подарил.

Он с ними в большие атаки
Бесстрашные роты водил,
Стоял у пылающих маков
Над плитами братских могил...

И если придётся мне где-то
В боях справедливых не встать, –
Погоны прошу моим детям
В победный салют передать.

НА РОДИНЕ

1

Легко полевая тропинка
Бежит, раздвигая стерню,
К торжественно-чинным
Починкам
С домами – один к одному.

Отцы их рубили как надо,
Добротно рубили сыны
Из самой звенящей
и ладной
Высокой столетней сосны.

Несложные телеантенны,
Линуя пейзаж новизной,
Над шифером крыш
постепенно
Сливаются с голубизной.

Здесь нет на весёлых
калитках
Тяжёлых и скучных замков.
Дома и светлы, и открыты,
Как души моих земляков.

Мне эти дома с малолетства
Понять до конца помогли,
Что нет драгоценней
наследства,
Чем чувство родимой земли.

2

Стоит у высокого тына,
Как памятник, тихая мать
И самого младшего сына
Сквозь солнце не может
узнать.

Но вот покачнулась легонько,
Вздохнула чуть слышно:
сын...
Ведро, прозвенев о щебёнку,
Скатилось в горячий песок.

3

Не плачь, негасимая мама,
Ты видишь, я жив, невредим,
Хотя было риска не мало,
Чтоб стать не однажды седым.

А как же иначе, без риска,
Когда наших дней паруса
Стоят на ракетах иглистых,
Летающих за небеса.

Но знай, ничего не случится...
Недаром небес голубей
Горят боевые петлицы
На серой шинели моей.

Как вечно, и были, и будут!-
Калуга, Рязань, Кострома...
И встреч долгожданное чудо,
Входящее в наши дома.

(1982)

МАТЕРИ

День за днём в окошко смотришь
На холмистую дорогу, –
Обещал приехать нынче
На побывку младший сын.

Но дорога одиноко
В даль свою бежит чуть слышно
И теряется в проёме
Елей, сосен и берёз.

Все глаза ты проглядела,
Иссушилась до травинки –
Грусть одна по дому бродит,
Но зачем тебе она?

«Не сходить ли к Александре, –
Знаю, тихо рассуждаешь, –
Посоветует, что делать,
Всё же старшая сестра.

И к тому же Александра
В третьем годе побывала
У своих ребят далёко –
Не в самой ли чуть Москве».

И, накинув полушало,к
Как была – во всём домашнем
Ты на Германов Починок
Понесла свою печаль.
.....

– Знаешь, Марья, не представлю,
Чем могу тебя утешить,
Посидим давай, рассудим,
Почему его всё нет.

Он не мог забыть дорогу,
Он не мог забыть поляны,
О которых напевала
С колыбели ты ему.

Он не мог забыть большие
Росы в утренних сияньях,
День и ночь твои тревоги,
Рук твоих не мог забыть.

А сейчас иди до дому
Да управься по хозяйству,
И пройдут между делами
Беспокойство и печаль.

– Да и то, пожалуй, верно, –
Ты, сказав, пошла за двери,
Как сестре, и показалось –
В направлении домой.

Но свернула ты с дороги
На саму на Лихотинку,
Где грохочут самолёты
И гудит аэродром.

Через поле, перелески
Ты спешишь навстречу небу
И несёшь в себе надежду,
Думы разные несёшь...

Может, там о сыне скажут?

ДЯДЯ ВАНЯ

Светлой памяти моего дяди
Ивана Николаевича Дедюхина...

Воды твоей солёность
Равна солёности крови.

В. Лукашевич,
«К Балтийскому морю»

Дядя Ваня пляшет резко,
Сотрясая отчий дом,
Лампа прыгает в подвеске,
Ходят стены ходуном.

– Ты, братишка дорогой,
Давай поделимся с тобой:
Плуг тебе и борона,
Мне винтовка и война.

Я мальчонка. Всей печали
Ещё толком не пойму,
Знаю только – провожали
Дядю Ваню на войну.

Дядя Ваня ладно скроен,
Ярких, северных, кровей,
Он изменит скоро, море,
Вкус солёности твоей.

Дядя Ваня пляшет пылко,
Тесноват бушлат на нём...
Буквы в ленте бескозырки
Разгораются огнём.

Расстегнулся нараспашку:
– Эх, солёная, пошла!.. –
И бесстрашная тельняшка
Избу молнией прожгла.

Баянист исходит потом,
Словно в полдень от косы,
Задыхаются в работе
Вологодские басы.

– Ты играй, не задыхайся,
Черномеховый баян,
Ты, девчонка,
не влюбляйся –
Нынче на море туман.

Дядя Ваня крепко сбитый,
Дяде Ване двадцать лет...
Сорок лет как он убитый,
Дяди Вани больше нет.

Мать выносит бескозырку
В день рождения его,
В букве «Ф» чуть видно
дырку –
В полгорошины всего...

(1982)

Владимир Лория

г. Москва

Владимир Лория – поэт, член Союза писателей России, лауреат премий: Я. Смелякова (2010), Лермонтовской «Герой нашего времени» (2011), областной премии им. Е. Зубова (2014)

КОСОВО ПОЛЕ, 15 ИЮНЯ 1389 ГОДА

Утро незрячее. Косово поле
Будто седое от выпавшей доли.
В этом пространстве, в его колыбели
Сербы рождались, мужали, выросли.
И не жалело ни хлеба, ни соли
Странникам страждущим Косово поле.
Но не друзьями явились сельджуки –
Сабли кривые, упругие луки.
И землепашцы, сменив свои роли,
Воинством стали на Косовом поле.
Бубны гремели в предутренней рани,
Лавой свирепой шли агаряне.
Врезался в гущу их, в ад рукопашный,
Обилич Милан – детина отважный.
Кровью забрызганный, смяв всю охрану,
В главный шатёр он ворвался к султану.
Вскрикнул Мурад, скосоротаясь от страха,
Серб его душу отправил к Аллаху.
Пухом пасхальным украсились вербы
Там, где когда-то сражались сербы.
Смерть предпочли они жизни в неволе.
Саблями турецкими скошено поле.
Тяжкая грёза терзает до боли:
С Лазарем князем я в жертвенном поле.
Утро июньское, страшное утро,
Я среди ратников сербских как будто...

* * *

Далёкое время: кусты ежевики,
Медовые травы волос твоих диких.
Тебе с укоризной шептали дубы –
Попытка и есть соучастник судьбы!
Но мимо судьба пролетела, коснувшись
Волос твоих диких, едва оглянувшись.
День был, словно ландыш, пахуч, серебрист,
И свеж был напев у скворца и цветист.
Дрожали на листьях небесные блики,
На травах медовых волос твоих диких.

* * *

Девушка шептала голосом медовым
В парке ставропольском, вкрадчиво, с тоской,
Как сама Пресыса*, задыхаясь словом,
Что стремглав бежала ночью колдовской.
И в моих объятьях вздрагивала нежно.
Грудь её тугую облегал сатин.
А в глазах тревожных теплилась надежда,
Что внезапный ветер вовсе не сатир.
Под бездонным небом осени погожей
В сумраке мерцало на руке кольцо
Девушки из Минска, крайне не похожей
На вокруг живущих под одно лицо.
Я тогда впервые услышал про Лорку
Из особо чутких одарённых губ...

* Пресыса – героиня знаменитого романсера Ф.Г. Лорки

А луна всходила апельсина коркой,
Чуть шумел листвою лермонтовский дуб.
Испытал восторг я или потрясенье,
Разве это чувство выразить в словах...
Девушка из Минска и испанский гений
С той поры остались жить в моих стихах.

КАМОЭНС

Мне помнится, когда в слепом напоре,
Обрушивая ярость на песок,
Как сумасшедший, бесновалось море
И, обессилив, падало у ног.
Войдя в зеленоватый вал по поясу,
Который был прохладен, горьковат,
Я вдруг представил, как погиб Камоэнс –
В жестоких волнах сотни лет назад.
Он взял с собой в пучину тонкий свиток
Стихов последних – смутно помнил я.
И мне хотелось, надевая свитер,
Поэта жизнь украсть у забвения.

* * *

Запорошено звёздами небо.
Синих крон чуть заметная дрожь.
И совсем этой ночью нелепый,
Ниоткуда вдруг взявшийся дождь.
Магнетизм уходящего лета,
Ностальгии горящей вино...
А корпускулах тусклого света
За ветвями мерцает окно.
За стеклом чьё-то жаркое тело
В блеске женской шальной наготы.
И мальчишка стоит онемелый,
И в руке его мокрой цветы.
Он мечтает в том доме согреться,
Он взывает к судьбе – позови!
Торопливое торканье сердца,
Торопливая жажда любви.
Дождь прошёл, и упругие розы
Источают к утру аромат...
Соловиного посвиста отзвук
Ты хранишь ещё, старый мой сад.

* * *

Дождя серебряные нити.
Под шум его приснилось мне
Одно забытое событие
В минувшем невозвратном дне.
И горько думать утром ранним,
Что вдруг, пригрезившись во сне,
Ты стала лишь воспоминаньем,
Жемчужной капелькой в окне.
И тёмные светлеют стены.
Гляжу в пространство, недвижим,
И вижу – тают постепенно
Твои глаза в дожде, как дым.

* * *

Как светел город был тобой –
Звонкоголосый майский улей...
Во тьме осиротелых улиц
Теперь брожу ночной порой.
Мелькнёт случайный свет авто.
Безмолвье. Ночь. Часа четыре.
И не подскажет мне никто,
Где ты сегодня в новом мире.
В тебе и в памяти тону.
Он был тобой – безмерно дорог,
Опустошённый ныне город,
Весь погружённый в тишину.

ВАЛЕТТ

У стен Мальтийской цитадели,
Над бирюзой морских глубин,
Усопшего из бронзы тело,
Лежит на камне паладин*.
Почивший в бозе с Божьим Словом,
Хранит он остров много лет,
Магистр ордена суровый,
Великий воин ла Валетт.
Здесь в ярости госпитальеры,
Стеная, узили глаза.
Настой из доблести и веры
Был их единственный бальзам.
Мечи просились сами в руки –
Был флот султана посрамлён...
Теперь тоска, и тишь, и скука
Томят замшелый бастион.
Дух рыцарский давно утрачен.
Висят доспехи напоказ...
Но брезжит лик благой во мраке,
Господь спасёт ещё не раз.

* * *

Запорожскую рубаху
Сшила мать сама отцу.
Удальцу из Саджевахо**
Как была она к лицу!
И осталась мне в наследство;
Я нашёл её, надел –
В зеркалах мелькнуло детство:
Дрозд неистово запел,
А в саду глухом, заросшем
Плыл меж веток махаон...
Всё, что будет, – станет прошлым, –
Бытия таков закон.
Ведь об этом фуги Баха,
Грусть Пьяццоллы, наконец...
Я прижал к губам рубаху
И заплакал, как юнец.

ЗНАЧОК

Меняли монеты на марки,
А марки затем на значки.
И не было лучше подарка –
В коробке от спичек сверчки.
Я помню базар небывалый
В той радужной юной поре:
Мальчишки – купцы и менялы –
На школьном майдане-дворе.
Достался значок мне в придачу –
Терновый венец и с мечом.
Не знал ведь, какую удачу
Я вытянул в жребии том.

* Скульптура Великого магистра Мальтийского ордена госпитальеров Жан Паризо де ла Валетт.

** Саджевахо – городок в Западной Грузии.

Я чистил его, и, как иней,
Мерцал он по тонкой дуге.
Как поздно узнал, что святыню
Держал я, наивный, в руке.
Пропал он в те школьные годы,
Но будто в фантомный огонь –
Значок «ледяного похода»***
Мою обжигает ладонь.

ДУРА

Кобыла по прозвищу Дура,
Каурая с проседью масть.
– Ты этим безжалостным утром
Не дай мне навеки пропасть!
Трещали, как выстрелы, сучья,
Стонал на ветру сухойстой.
И с рубленой раной поручик
Прижался к загривку щекой.
Шептал он, теряя сознание,
Впадая в предсмертную тьму:
– Ты, Дура, – моё упование...
И лошадь внимала ему.
И вынесла с честью героя,
Поручик вернулся к своим.
В раскатах последнего боя
Растаял, как облачко, Крым.
Привычка – вторая натура,
На фронте писал и в бистро...
Кобыла по прозвищу Дура
Спасла золотое перо.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

Кто о чём – щебечут о разном.
И в кафе, как богемы бренд,
В ореоле густом соблазна
Парижанка несёт абсент.
Я вернулся сейчас с погоста,
О несбывшемся мыслей рой.
Я махну, по-русский просто,
Эту рюмку за упокой.
Там, в земле, все друг другу ровня,
С эскадроном спит батальон...
Чуть мерцает свеча в часовне,
Будто брошенный медальон.
И никто им не правил тризну,
Лишь разросшийся шепчет сад:
«Предала вас навек отчизна,
Самых верных своих солдат».
Оскорблённые русским миром,
Погребённые в общий ряд...
Стынет роза на камне сиром,
Лепестки на траву летят.

НАБОКОВ

И уже Пегас под утро цокал,
И зажгётся радугой витраж.
Отражался в перламутре стёкол
Родины заманчивый пейзаж.
И порой блистала, будто никель,
Гладь реки в рассветной синеве.
Ястребиной кровью земляника
Там была разбрызгана в траве.
Трепетную бабочку-Одетту
Луч ловил во всей её красе.
Над тропинкой золотого лета
Кочевало облако-безе.
Мир дремал в истоме и бессилье,
С гением грядущим не знаком.

*** Ледяной поход – героический переход крохотной Добровольческой армии с Дона на Кубань зимой 1918 года.

Бегал мимо стреловидных лилий,
Мальчик впечатлительный
с сачком.
А потом мятеж и счастьем баста...
Берега России далеки.
Творчество – великое лекарство
От душевной боли и тоски.

ВЕНЕЦИЯ

В это можно не верить,
Но который уж год
По ту сторону двери
Чья-то тайна живёт.
Мглистой ночью гондола
Лишь причалит к крыльцу,
Флейты нежное соло
Зазвучит на плацу.
Ляжет мягкость ладони
На зелёный металл...
Может, сам Альбинони
Здесь на Пасху играл.
И тишайшее слово
Вдруг вспорхнёт из окна...
Может, был Казанова
Здесь хмельным без вина.
Дремлют в мраморе звери,
Барельефно грозя –
По ту сторону двери –
Жизнь тревожить нельзя.

ПАРАМАРИБО

Мой друг детства и юности
Колян (Костянов) внешне был
удивительно похож на актёра
Булдакова.

С лицом актёра Булдакова,
С открытой, детскою душой,
Друг пел загадочное слово...
И где такое он нашёл?
Метели шевелилась грива,
Звенели нежно снегири...
Он с чувством пел: Парамарибо,
Мой город утренней зари!
И было всё в напеве ново.
Я песней был заворожён:
В ней трепет жаркий босановы
И вздохи пенистые волн.
Кораллов хрусткие осколки,
Зыбучий огненный песок
И шорох юбки у креолки,
Её дразнящий голосок.
В лагунах радужные рыбы...
А здесь в прудах лишь пескари.
А он всё пел: Парамарибо,
Мой город утренней зари!
Он мир до серости тоскливый
Хотел оставить и уплыть
В простор далёкого мотива,
Но засосал российский быт.
Не отзвучала жизни рында,
А смерть с косю у двери.
Он пьяным пел: Парамарибо,
Мой город утренней зари!
С простецким видом Булдакова,
С широкой царственно душой,
Он счастья детского подкову
В короткой жизни не нашёл.
В венке душистым розмарина
Душа его досель парит,
А там, внизу, Парамарибо
Сияет в яхонтах зари.

Денис Минаев

г. Коломна, Московская обл.

КАК В КОЛОМНЕ РОДИЛИСЬ ДВА ЭССЕ

Красивый старинный город Коломна. Июнь 2013 года. Мы с семьёй недавно переехали сюда на жительство.

В один из тёплых вечеров я, как обычно, сидел за компьютером и работал. Моя супруга Анастасия Александровна уютно расположилась в зале и перечитывала собрание сочинений Антона Павловича Чехова. В какой-то момент она подошла ко мне с открытой книгой и, ткнув пальцем в текст, сказала: «Прочитай вот этот абзац».

Я заинтересованно переключился на книгу:

«Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами», – гласил текст.

– Интересно-интересно, – воскликнул я, одновременно разыскивая в книге название рассказа. – Лажечников... Иван Иванович... Великий романист времён Пушкина, прославивший Коломну...

Нашёл. Название – «Невидимые миру слёзы».

С этого момента мне стало интересно, а отражён ли этот с первого взгляда незначительный эпизод в трудах современных коломенских авторов, ведь творчество и биографию Ивана Ивановича Лажечникова коломенцы знают неплохо, стараются освещать и гордятся знаменитым земляком.

К сожалению, никаких упоминаний о том, что Чехов в своём рассказе вспомнил славного коломенца (пусть даже и просто его портрет) я не нашёл. Это не сильно меня расстроило, так как я думал, что, возможно, этот эпизод просто ускользнул от глаз современников-писателей из Коломны, и этот недолгий взгляд не сложно исправить. А исправить его, мне казалось, необходимо, тем более что спустя некоторое время я нашёл ещё один рассказ Антона Павловича с упоминанием портрета Лажечникова – «Неудача». А это было уже не случайным совпадением героя портрета, а осмысленной автором деталью рассказов.

Как же я был разочарован, когда некоторые ведущие писатели Коломны (опустим их имена) ни на каплю не заинтересовались этой информацией, которую я с удовольствием выдал им. Наверное, сбывшиеся их серьёзные труды были намного выше мелочи, которую я предлагал им осветить в небольшом эссе.

С того момента я всё же не оставил мысли обобщить об этой «мелочи» читателю, в первую очередь – коломенскому читателю. Но специфика моей работы отодвинула это желание на некоторый (мне казалось, неопределённый) срок.

Прошёл год. За это время мне посчастливилось познакомиться и сдружиться с другими талантами литературной Коломны. И вот час икс настал. Всё произошло спонтанно и легко.

Ежемесячно небольшая группа коломенских пи-

сателей, прихватив и меня, ездила в соседний город Воскресенск на заседания местного литобъединения им. И. И. Лажечникова. Руководитель Воскресенского ЛИТО Леонид Анфиногенович Дудин прекрасно поставил проведение этих заседаний, и поэтому коломенские писатели с удовольствием посещали данные мероприятия и старались их не пропустить.

И вот однажды по дороге в Воскресенск, в разговоре с Галиной Валентиновной Самусенко (коломенчанкой, по-этом, прозаиком), я озвучил описанный выше факт упоминания портрета Лажечникова в рассказах А. П. Чехова. К моей радости, это, так же, как и меня в своё время, заинтересовало собеседника. В итоге, ссылаясь на нехватку времени, я попросил Галину написать о своих размышлениях на данную тему.

Некоторое время спустя мы вновь ехали в Воскресенск и уже с удовольствием читали распечатанное на листах эссе. Потом обсуждали его, спорили, с чем-то не соглашались, но всё же радовались рождению нового интересного произведения.

В этот раз в делегации коломенцев оказался и талантливый прозаик, эссеист Сергей Владимирович Калабухин. В тот же день на обратном пути последним из всех писателей я завозил на машине домой именно его. Мы продолжали обсуждать эссе Галины. Сергей, опять же к моей радости, тоже заинтересовался «вопросом портретов» и высказал много мыслей и дополнений, которые, как мне показалось, терять было нельзя.

– А напишите-ка, Сергей Владимирович, и Вы статью или эссе по этой теме, – предложил я, предвкушая рождение нового, такого же, как и у Галины Самусенко, интересного произведения...

И вот сейчас мне приятно представить читателю два прекрасных эссе, написанных коломенскими писателями Галиной Самусенко и Сергеем Калабухиным о «незначительной» значимой «мелочи» – упоминании Чеховым имени прославленного коломенца Ивана Ивановича Лажечникова.

15-16.11.2014 г. Коломна

Галина Самусенко

г. Коломна, Московская обл.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПОРТРЕТЕ

Моему другу Денису Минаеву

Сразу хочу предупредить тебя, уважаемый читатель, что строчки, которые ты читаешь в этот момент, ни в коей мере не претендуют на какую-либо научность и не являются, упаси Господи, никаким литературным изысканием. Это всего лишь небольшое размышление на тему двух рассказов Чехова.

Есть у Антона Павловича два коротеньких рассказа, написанные в разные годы, но тем не менее, соединённые одной маленькой деталью, а именно – упоминанием портрета моего знаменитого земляка Ивана Ивановича Лажечникова. Почему Антон Павлович вставил эту деталь в свои рассказы, и почему портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-нибудь другого известного писателя упоминается в них?

Так давай, друг мой читатель, поразмышляем с тобой на эту тему.

Вот эти два рассказа: «Невидимые миру слёзы», написанный Чеховым в 1884 году и впервые опубликованный 25 августа 1884 года в №34 журнала «Осколки», и «Неудача», написанный в 1886 году и впервые опубликованный 11 января 1886 года в №2 того же журнала под названием «Сорвался!»

Как известно, Антон Павлович Чехов был большим мастером конструирования комических ситуаций. Благодаря этому его рассказы просто искрятся юмором, и, читая их, совершенно невозможно удержаться от смеха. Достигал он комического эффекта самыми разнообразными приёмами, мы не будем рассматривать их все, они много раз описывались специалистами, остановимся только на тех, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего размышления.

Итак, открываем рассказ «Неудача»: молодой учитель объясняется в любви девушке, в этот момент её родители, подслушивающие под дверь и мечтающие поскорее сбыть своё чадо с рук долой, врываются в комнату с образом в руках, чтобы благословить молодых. Бедный молодой человек понимает, что он погиб. Но, на его счастье, мамаша впопыхах схватила со стены вместо иконы портрет писателя Лажечникова. Родители стоят сконфуженные, учитель бежит.

Смешно? Очень. В чём же комичность ситуации? Как раз – в этом перепутывании. Но как можно перепутать портрет с образом? Нет, конечно, если бы действие происходило в двадцатом веке, этому можно было не удивляться – на стенах квартир советских интеллигентов висели картины с иконами вперемежку, но представить себе, что в девятнадцатом веке в мещанском или купеческом доме светские портреты находились рядом с иконами, просто невозможно. В этом рассказе Чехов являет себя мастером создания правдоподобных ситуаций, заметь, читатель – правдоподобных, а не правдивых. И в этом ему помогает портрет Ивана Ивановича Лажечникова, помещённый фантазией писателя в со-

вершенно неподходящее для него место.

А вот и второй рассказ – «Невидимые миру слёзы». «...Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, наволял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами». И снова в описании интерьера зала присутствует портрет писателя Лажечникова, причём наряду с репродукциями, видами Венеции и портретом безымянного, зато с удивлёнными глазами, генерала.

А затем подвыпившие гости в ожидании позднего ужина, глядя на портреты, заводят разговор: «Гости стояли перед изображением генерала, глядели на его удивлённые глаза и решали вопрос: кто старше – генерал или писатель Лажечников? Двоеточиев держал сторону Лажечникова, напирая на бессмертие, Пружинский же говорил:

– Писатель-то он, положим, хороший, спору нет... и смешно пишет и жалостно, а отправь-ка его на войну, так он там и с ротой не справится; а генералу хоть целый корпус давай, так ничего...»

Абсолютно бессмысленный разговор, пьяный бред, а как смешно... И здесь, и в первом отрывке Чехов применяет приём соединения несоединяемого, или смешения разнородных признаков – портрет какого-то генерала с очень удивлёнными глазами или рассуждение о старшинстве – один напирает на бессмертие, а второй – на умение командовать. В результате получается очень комично.

И снова портрет Ивана Ивановича Лажечникова помогает автору создать комическую ситуацию в рассказе.

Так почему же всё-таки Чехов вставил в свои рассказы портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-то другого известного или знаменитого писателя?

Да потому, что в те годы имя «русского Вальтера Скотта» гремело по всей России, и было у всех на слуху, его знали и в столицах, и в захолустьях, романами Лажечникова зачитывались, и не одна столичная или уездная барышня проливала горькие слёзы над трагической историей любви Волынского и Мариоризы.

Знаменитый критик Виссарион Григорьевич Белинский высоко ценил дарование Лажечникова. После выхода романа «Ледяной дом» он назвал автора «лучшим русским романистом». Александр Сергеевич Пушкин в своём письме к Ивану Ивановичу от третьего ноября 1835 года пишет: «...многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык». Когда в 1858 году в Россию приехал Александр Дюма, он перевёл на французский язык, кроме стихов некоторых русских поэтов, и «Ледяной дом» Лажечникова. Известный литературовед-пушкинист Борис Львович Модзалевский в своей работе «Пушкин и Лажечников», опубликованной в 1925 году, писал: «Лажечников должен считаться родоначальником русского исторического романа; в этом отношении он занимает почёт-

ное место в истории нашей словесности, и имя его может быть поставлено наряду с Пушкиным, если последнего считать родоначальником нашего художественного романа. Успех в современном ему образованном обществе романы Лажечникова имели чрезвычайный, по выражению одного критика – жгучий, – и похвала Пушкина, высказанная по адресу романов Лажечникова, не фраза; их долго читали и перечитывали с наслаждением; поэтому прав был Лонгинов (известный библиограф), когда говорил, что имя Лажечникова «не умрёт в летописях нашей литературы, в которые навсегда занесены: «Последний Новик», «Ледяной Дом» и «Басурман»».

И неудивительно, что имя генерала на портрете в квартире Ребротёсовых никто не знает, а то, что портрет именно писателя Лажечникова, ни у кого не вызывает сомнения.

Наконец, именно в 1884 году сочинения Ивана Ивановича Лажечникова были переизданы в очередной раз.

Но, наверное, утомила я тебя, мой читатель, своими рассуждениями. Давай-ка лучше перечитаем ещё раз рассказы Антона Павловича Чехова да посмеёмся вместе с ним над незадачливыми его героями.

А что касается моего земляка Ивана Ивановича Лажечникова, то я горжусь тем, что не только жизнь свою положил он на алтарь Просвещения, но и после смерти литературными трудами своими и чеховскими рассказами, пусть даже в образе своего портрета, продолжает служить Её Величеству Русской Литературе.

05.11.2014 г. Коломна

Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская обл.

ПОРТРЕТ ЛАЖЕЧНИКОВА

Мы перестали вешать на стены портреты. Смотришь старые советские фильмы, читаешь книги тех времён – на стенах комнат обязательно висят семейные фотографии, портреты вождей и писателей, почётные грамоты, репродукции картин. Позднее их сменили фотографии кинозвёзд и постеры рок-групп. Сейчас исчезают со стен квартир не только портреты классиков литературы и фотографии предков. Сами стены уже не видны за коврами, «стенками», шкафами и прочей мебелью. Только за стёклами книжных полок можно увидеть небольшие фотографии Сергея Есенина, Владимира Высоцкого или ещё какой знаменитости. А когда интернет-библиотеки и электронные книги окончательно вытеснят бумажные издания, портреты поэтов и писателей исчезнут и с этих «витрин». Видимо, последним их прибежищем останутся стены музеев, многих оставшихся библиотек и школьных классов литературы. Наши потомки перестанут узнавать писателей в лицо, даже классиков, так как их портреты не будут ежедневно попадаться им на глаза. И люди станут чуточку беднее в культурном плане, чем их «тёмные» предки. Мы сами уже стали беднее! Сейчас объясню, почему я так думаю.

Возьмём, к примеру, Антона Павловича Чехова, творчество которого некоторые исследователи называют энциклопедией русской жизни. Чехов проехал всю Россию из конца в конец, аж до самого Сахалина, побывал во многих мужицких избах, помещичьих домах и дворянских усадьбах. И что интересно – на стенах везде висели не только иконы, но и портреты царей, генералов, общественных деятелей и известных писателей! И, конечно, мы вправе предположить, что и у самого Чехова дома тоже висели на стене чи-нибудь портреты. С большой долей вероятности я даже могу назвать имя Ивана Ивановича Лажечникова, моего земляка, коломенца, первого русского романиста, которого современники называли «русским Вальтером Скоттом».

Откуда у меня такая уверенность? Представьте себя на месте Чехова: вы пишете рассказ, в котором по сюжету присутствует висящий на стене портрет писателя. Будете ломать голову, чьё имя назвать, или просто бросите взгляд на стены собственной комнаты? Если перед вами портрет Александра Пушкина, вряд ли вы напишете о Михаиле Лермонтове. Да, это – всего лишь предположение. Но есть и материальное доказательство. Вот отрывок из путевых заметок Чехова «Из Сибири»:

«Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай...»

От образа в углу тянутся по обе стороны лубочные картины; тут портрет государя, непременно в нескольких экземплярах, Георгий Победоносец, «Европейские государи», среди которых очутился почему-то и шах персидский, затем изображения святых с латинскими и немецкими подписями, поясной портрет Баттенберга, Скобелева, опять святые...»

А вот описание комнаты трактира, предназначенной для проезжающих, в рассказе Чехова «На пути»:

«...над столом, кладя красное пятно на образ Георгия Победоносца, теплилась лампадка. Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность в переходе от божественного к светскому, от образа, по обе стороны угла, тянулся ряд лубочных картин. При тусклом свете огарка и красной лампадки картины представляли из себя одну сплошную полосу, покрытую чёрными кляксами... и можно было видеть, как над головой спавшего мужчины вырастали то старец Серафим, то шах Наср-Эддин, то жирный коричневый младенец, таращивший глаза и шептавший что-то на ухо девице с необыкновенно тупым и равнодушным лицом...»

Как видим, Чехов в рассказе почти с документальной точностью описывает реальную обстановку комнаты для проезжающих. Образы святых, картины, портреты.

Вот ещё один отрывок. Рассказ Чехова «Мужики»:

«В избе было чисто, все стены пестрели от картин, вырезанных из журналов, и на самом видном месте около икон висел портрет Баттенберга, бывшего болгарского князя».

Тут стена тоже пестрит от икон и картин. Чехов увидел в реальной жизни на стене в мужицкой избе среди прочих портрет Баттенберга и вставил его в рассказ. Не стал заменять болгарского князя русским.

А портрет Ивана Ивановича Лажечникова упоминается по крайней мере в двух рассказах Чехова! Не думаю, что это случайное совпадение. Следовательно, этот портрет либо неоднократно встречался писателю в чужих домах, либо висел в его собственной комнате, а может, было и то и другое.

Рассмотрим эти рассказы. Первый из них называется «Неудача». Сюжет его прост: Илья Сергеевич Пеплов и жена его Клеопатра Петровна, стоя за дверью, подслушивают разговор своей дочери Наташеньки и учителя уездного училища Щупкина. Они ждут благоприятного момента, чтобы ворваться в комнату с иконой в руках и тем самым заставить Щупкина жениться на Наташеньке. Ведь после благословения образом потенциальный жених не сможет отвертеться от свадьбы. И вот такой момент наступает – Щупкин добивается у Наташеньки разрешения поцеловать ей ручку. Далее происходит следующее:

«И, не медля ни секунды, Пеплов распахнул дверь.

– Дети... – забормотал он, воздевая руки и слезливо мигая глазами. – Господь вас благословит, дети мои... Живите... плодитесь... размножайтесь...

– И... и я благословляю... – проговорила мамаша, плача от счастья. – Будьте счастливы, дорогие! О, вы отнимаете у меня единственное сокровище! – обратилась она к Щупкину. – Любите же мою дочь, жалейте её...

Щупкин разинул рот от изумления и испуга. Приступ родителей был так внезапен и смел, что он не мог выговорить ни одного слова.

«Попался! Окрутили! – подумал он, млея от ужаса. – Крышка теперь тебе, брат! Не выскочишь!»

И он покорно подставил свою голову, как бы желая сказать: «Берите, я побеждён!»

– Бла... благословляю... – продолжал папаша и тоже заплакал. – Наташенька, дочь моя... станю-вись рядом... Петровна, давай образ...

Но тут родитель вдруг перестал плакать, и лицо у него перекошило от гнева.

– Тумба! – сердито сказал он жене. – Голова твоя глупая! Да нешто это образ?

– Ах, батюшки-светы!

Что случилось? Учитель чистописания несмело поднял глаза и увидел, что он спасён: мамаша впопыхах сняла со стены вместо образа портрет писателя Лажечникова. Старик Пеплов и его супруга Клеопатра Петровна, с портретом в руках, стояли сконфуженные, не зная, что им делать и что говорить. Учитель чистописания воспользовался смущением и бежал».

Известный социолог, публицист и литературный критик Николай Константинович Михайловский в своей статье «Кое-что о г-не Чехове» писал:

«Сотни раз в наших юмористических газетах фигурировали родители, «накрывающие» таким способом жениха (способ этот эксплуатировался отчасти и гр. Толстым в «Войне и мире»: этим спо-

собом князь Василий Курагин преодолевает нерешительность Пьера Безухова). Но г-н Чехов ввёл в эту избитую тему новый, оригинальный, смехотворный эффект: портрет Лажечникова вместо образа. Эффект совершенно неправдоподобный, хотя бы уже потому, что образа у нас вешаются совсем не там, где может висеть портрет Лажечникова; но эта маленькая несообразность не только не мешает читателю смеяться, а ещё подбавляет весёлого настроения...»

Конечно, Николай Михайловский, как и все мы, судил в данном случае по себе и людям своего круга. В больших столичных домах комнат больше, и стены их гораздо обширнее. В них есть места, где можно отдельно разместить иконостас и картины. Не то что в мещанских квартирах захламленных уездных городов и, уж тем более, в крестьянских избах. В вышеприведённой цитате из путевых заметок Чехова прямо написано, что в комнате ямщика образы святых висели на стене вперемешку с портретами. Но даже если согласиться с Михайловским, то упрекать Чехова в недостоверности ситуации всё же не стоит. У анекдота и сатиры – своя специфика. Тут достоверность зачастую уступает место юмору. Можно вспомнить, например, миниатюру Михаила Зощенко «Доброе утро», вошедшую в репертуар Аркадия Райкина. В ней изображён начальник, воюющий с утренними опозданиями на работу сотрудников учреждения. Причём оказывается, что сам этот начальник, боясь опоздать, в спешке пришёл на работу в пиджаке и туфлях жены! Всем нам понятно, что спутать мужские вещи с женскими практически невозможно, но публика в зале «не замечает» подобную несуразность и весело хохочет над недотёпой-начальником, блистательно сыгранным Аркадием Райкиным.

Второй рассказ Чехова, в котором фигурирует портрет Лажечникова, называется «Невидимые миру слёзы». Сюжет его в данном случае не важен. Сразу перейду к интересующей меня теме – портрету Лажечникова. Итак, дело происходит, как пишет Чехов, «в нашем вонючем Червянске», то есть – в глубоком захолустье. Поздно ночью из местного клуба выходит подвыпившая компания, состоящая из местного воинского начальника подполковника Ребротёсова, инспектора духовного училища Двоеточиева и помощника исправника Пружина-Пружинского. Как это часто у нас бывает, друзьям «не хватило», а все соответствующие заведения давно закрыты. И вот подполковник приглашает всех к себе, чтобы ещё немного выпить и закусить из его домашних запасов.

«Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами».

Икон, как видим, на данной стене нет, но и «соль» данного рассказа в ином. Пока Ребротёсов разбирался с недовольной поздним застольем женой, его друзья разглядывали портреты.

«Гости стояли перед изображением генерала, глядели на его удивлённые глаза и решали вопрос: кто старше – генерал или писатель Лажечников? Двоеточиев держал сторону Лажечникова, напирая на бессмертие, Пружинский же говорил:

– Писатель-то он, положим, хороший, спору

нет... и смешно пишет и жалостно, а отправок его на войну, так он там и с ротой не справится; а генералу хоть целый корпус давай, так ничего...

Удивительно то, что в каком-то «вонючем Червянке» не только читали книги Ивана Лажечникова, но и сразу же узнали писателя по портрету! В отличие от генерала, чьего имени ни автор, ни персонажи рассказа ни разу не называют. И хоть генерал, конечно, лучше управится с ротой или корпусом, но вот бессмертие – отдано писателю Ивану Ивановичу Лажечникову! И мне тем более приятно, что имеющий мировое признание классик русской литературы Антон Павлович Чехов, очевидно, не только читал романы Лажечникова, но и признавал за ними литературное бессмертие! А ведь никто не мешал Чехову вместо Лажечникова назвать имя Пушкина, Лермонтова или Достоевского, портреты которых наверняка были более распространены и известны читателям того времени.

Кроме упомянутых в рассказах портретов, есть ещё одна ниточка, связавшая Чехова с Лажечниковым. Сохранилось письмо Е. Ф. Висса, председателя правления Коломенской общественной библиотеки имени И. И. Лажечникова, и А. Хабарова, секретаря, от 23 декабря 1898 года к А. П. Чехову:

«С января 1899 года открывается в г. Коломне общественная библиотека в память писателя И. И. Лажечникова, уроженца г. Коломны. Как большинство русских общественных библиотек, Коломенская учреждается исключительно на частные пожертвования <...> не найдёте ли Вы возможным в столь трудное для библиотеки время пожертво-

ванием своих трудов помочь возникновению такого учреждения, которое по существу своему, с одной стороны, имеет важное просветительное значение, а с другой – является достойным памятником того работника на ниве русской литературы, с именем которого связано нарождающееся учреждение».

1 января 1899 года А. П. Чехов написал в письме к своему другу в Троицкие Борки (ныне: Луховицкий район, недалеко от Коломны) писателю Петру Алексеевичу Сергеевскому:

«...у меня нет ни одной книги, вместо книг посылаю записки. Получи и отправь в Коломенскую библиотеку, а книжку с автографом вышлю как-нибудь после».

Упомянутые записки были адресованы в книжный магазин «Нового времени». К сожалению, сейчас ни одной книги с автографом Чехова в коломенских библиотеках нет.

Книги Ивана Лажечникова есть и на полках коломенских магазинов, и в библиотеках, но вот многие ли их читали? Все ли читатели узнают автора по портрету? А ведь речь не о каком-то «вонючем Червянке», а о родине писателя – подмосковной Коломне! Вот почему мне кажется, что исчезновение со стен портретов нас обедняет. Иконы во многих домах уже вновь заняли своё место в «красном» углу, может, и портреты когда-нибудь вернутся? Пусть в виде какого-нибудь суперсовременного 3D-панно, но всё же вернутся?

Коломна, ноябрь 2014 г.

Марина Гридько

г. Воскресенск, Московская обл.

«Кто любит меня – за мной!»

Образы прошлого оказываются иногда реальнее настоящего, бегут впереди нас, окружают великолепием очаровательных подробностей, зовут заглянуть в глаза вечности...

Самые близкие мне люди – родители – были проводниками в мир общения с бесконечно прекрасными людьми, делали для меня особые подарки в виде поездок и встреч, которые незабываемы. Как старалась моя мама брать меня с собой везде, не смотря на то, что это, вероятно, обременительно. Она училась заочно в вузе и привозила меня в Москву в гости к подруге, у которой был сынок, мой ровесник пяти лет от роду. Его папа был высокопоставленным чиновником, а мама занималась сыном, мужем, домом, была добра и «обворожительно хороша». На праздники в их щедром доме собирались друзья, и в их круг входил тот, о ком мне хочется написать особо.

Смешное детское воспоминание было связано с рассказанным ему на ухо стихотворением Маяковского про «листочки новые». Знаменитый гость тогда строго спросил меня: «А сама-то стихи сочинишь?» На что я ответствовала достойно: «Конечно». Мой ответ он пересказал в качестве анекдота в тот день собравшимся за праздничным столом и напомнил о нём при наших редких встречах. Я запомнила его тембр голоса и заразительный смех навсегда.

Получить в детстве творческое напутствие из уст знаменитого человека! Понимание значения этого события во взрослом состоянии реанимирует творческий подъём: «и стоило жить»...

Благодарствитель мой – великий человек, поэт, писатель, общественный деятель, несомненно, повлиявший на образ России в конце XX века. Биография его – житие, не иначе! Первооткрыватель тем и проблем, которые бурно обсуждались всем поколением. Говорят, что его «оригинальность» заметил Черчилль в строе кремлёвских гвардейцев. Давлатов утверждал, что это был Хаммер, напугав в годах его службы, но суть не в том... Настоящий русский богатырь, синеглазый и румяный, был уже сложившимся поэтом. Владимир вобрал в себя всё самое настоящее русское, владимирское корневое, родившись десятым ребёнком у матери Степаниды Ивановны.

Известна история о любви поэта с первого взгляда к девушке Розе – выпускнице медицинского вуза. Случайная встреча в маленьком северном посёлке имела продолжение длиною в жизнь, такое повторить желали романтики 60-х годов. А как было воспринято 43-дневное путешествие Солоухина с женой по родной Владимирской земле! Многие отцы семейств мечтали пройти по своим просёлкам вместе с близкими, чтобы впитать «русский дух». Не всем известна «научная проработка» похода, Владимир Алексеевич зиму провёл в Ленинской библиотеке, чтобы познать всю полноту истории малой Родины. Увлекающийся и увлекающий за собой писатель. Разоблачитель кумиров. Подвижник. О нём всего не высказать, все определения тесны.

Слова его песен душа знает с детства, они сами архетипическим образом возникают в сознании.

Благодаря Солоухину сложилась новая «философия патриотизма», бережно обнимающая всё самое ценное и полузабытое в русском православном достоянии, в бытовой народной жизни. Он горячо и страстно потребовал от современников повысить меру ответственности за сохранение всего пласта отечественной национальной культуры нескольких столетий. Люди не могли не отозваться, потому что с Солоухиным вместе многое стало им по плечу, он повёл за собой думающих и равнодушных.

Легендой стал жизненный эпизод, когда он, явившийся инициатором и вдохновителем восстановления храма Христа Спасителя в Москве, в беседе с Патриархом Всея Руси Алексием II сказал, что, мол, «вот достроим храм, так можно и умирать», на что получил возражение Святейшего: «Раз так, то мы и спешить достраивать не будем».

Но самое интересное для меня связано с неким мистическим обращением к правде его литературно-публицистических находок. Всё вычитанное у Солоухина так или иначе отзывается в моей жизни неожиданными откровениями. Некоторые его строки приобрели характер пророчеств или жизненных девизов.

В тот день он шёл по новому Арбату, и я видела его издалека: красивый, высокий, крепкий, с только ему присущей убедительностью каждого шага и взгляда.

– Мама, посмотри, там идёт Солоухин, – сказала я, робея.

– Вот радость-то какая! Как давно мы его не видели, – заулыбалась мама. Солнце выглянуло, и заискрились под ногами льдинки.

Мне в тот мартовский день было велено закутаться в пуховый шарф, и я, не сомневаясь, что знакомых мне не встретить, согласилась на такой немодный вариант утепления. Было очень холодно, а предпраздничная суета в столичных магазинах выглядела как закамуфлированное желание людей в первую очередь согреться. Мне было 13 лет, и я была «непокойным подростком». Я сдёрнула шарф с головы, помня чувство юмора того, кто шёл навстречу. Мама властно вернула всё на место... а он приближался всё быстрее и уже махнул приветственно рукой.

– Ларочка, здравствуй! Неужто это Моришка так выросла? Покрыла-то голову как, чисто наша володимирская! – сказал он и засмеялся. Несколько минут азартно говорил об общих знакомых, о предстоящем празднике и покупках «своим девочкам», о массе каких-то важных вещей. А я смотрела на него и удивлялась – не насмотреться!

– Мориша, ты стихи-то пишешь? По-прежнему? – весьма ожидаемо для меня начал расспрашивать он. На нём была короткая распахнутая дублёнка, восхищавшая каким-то дремучим мехом, добавлявшим всему его облику какую-то особую мужскую солидность и надёжность. Мохеровый пёстрый шарф и пыжиковая шапка делали его моложе. Необычно очерченный рот улыбался.

– Да, по-прежнему, Владимир...

– Алексеевич! – подсажала мама и добавила, что стихи пишет, но «в ущерб математике».

– Математика подождёт. Стихи важнее. Талант – ведь он отпускается избранным. Пиши, Моришка, пиши, не бросай это дело! – сказал он так быстро и солидно, что даже некоторые прохожие обернулись на нас и, как мне показалось, кивнули.

– Спасибо Вам за добрые слова. Мы Вас очень

любим и песни Ваши с удовольствием поём! – спешила сказать мама.

– И стихи знаем наизусть... Очень нравятся стихи о волках нашему отцу, – осмелела взволнованная комплиментами я.

– А тебе-то что нравится, деточка?

– «Кто любит меня – за мной!» – о Жанне Д'Арк!

В его лазоревых глазах как будто бы пронеслись огни походных костров, пёстрые конницы, неимоверно прекрасные женщины, и было искренне жаль, что ничего уже не повторится...

– Если удастся увидеться с NN, обязательно передам для вас свою новую книжку. Желаю вам и далее хорошеть, девицы! – ласково прощался Солоухин, уже смешиваясь с толпой, но явно затмевая всё и всех...

Несколько раз я видела его издали на поэтическом вечере в Лужниках, в театре на Таганке с супругой, в КДС на концерте. Всегда охватывало щемящее чувство родства с ним в отыскании предельных истин, смотрела с улыбкой в его широкую спину и желала ему быть здоровым и счастливым. Так и сбывалось, но, увы...

Он умер в апреле 1997 года, его первым отпевали в восстановленном храме Христа Спасителя. 2014 год – год 90-летия со дня рождения Владимира Алексеевича Солоухина. Помнить писателя – это читать его. Что лично я и делаю, восхищаясь смелостью и глубиной мыслей. Спасибо, что довелось его лично знать и видеть.

Елена Хмырова

г. Воскресенск, Московская обл.

ЛЕВИТАЦИЯ

Камень оттолкнулся от воды и полетел...

Вот что значит взять из явления малую часть. Это противоречит законам физики – камень летать не может, разве что сверху вниз. А вот если запустить гальку под нужным углом к воде и придать ей необходимую начальную скорость, она будет прыгать по гладкой водной поверхности, пока не пойдёт ко дну.

Теперь представим себе небольшой организм, который или живёт доли секунды, или не видит всего процесса из-за маленького поля зрения, или не вовремя переместился в другую точку пространства. Для него, наверно, камень успешно летает.

Ладно – микроорганизм. Вот несколько человек – смотрят на предмет, а видят каждый своё. Это давно известный факт, но большинством не осознаётся. А если бы и осознавался, то, по вышеперечисленным причинам, всё равно по-разному. К тому же каждый неосознанно домысливает увиденное и принимает свой вывод как непреложный факт.

Мужчина вышел из церкви и подал нищенке неприлично большую банкноту.

Первый свидетель: «Какой добрый человек!»

Второй свидетель: «Неспроста, грехи, небось, замаливает. Преступник, наверно».

Третий свидетель: «Вот зараза, на публику работает!»

Четвёртый свидетель: «Несчастье у человека, видно...»

Пятый свидетель: «Лучше бы мне дал, если лишие!»

Шестой свидетель: «Слепу, видать, не то сунул».

Видели одно и то же, а рождается определённая позиция, которую каждый при случае будет отстаивать. Поэтому институт свидетелей в судах так ненадёжен, а деваться некуда.

Индивидуальность сожрёт и переварит факт – и выдаст результат, не всегда благоухающий, и камень благополучно воспарит без крыльев. Зато все мы разные, и это прекрасно! Что-то ведь должно же быть прекрасно.

О, БЫЧОК...

Роскошный, пышный, удивительно красивый куст безмятежно наслаждался щедрой лаской жаркого солнца. Есть на свете такое растение – табак. Но простое счастье длилось недолго. Сорвали, безжалостно высушили и измелчили незадачливую красоту. А потом – долгое путешествие, фабрика, и наконец великое изобретение человечества – сигарета – заняло достойное место в сплочённом паечном коллективе. И Курильщик уже тянет к ней свои жадные пальцы. Великий момент – из искры наконец возгорелось пламя, настал миг долгожданного блаженства, струится благовонный дым...

Вся полная ярких красок жизнь, весь долгий путь к достойной цели прошли, должно быть, перед валяющимся в прозаической грязи, исполнившим свой нелёгкий долг окурком.

Если существование – непрерывное стремление к совершенству, то, очевидно, это оно и есть – совершенство. Впрочем, точки зрения могут быть и иными...

Татьяна Алексеева

г. Остров, Псковская обл.

Алексеева Татьяна Александровна, 63 года. Родилась в Кировской области, но уже больше тридцати лет живу в городе Остров Псковской области.

Член Российского межрегионального Союза писателей, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.

Основная творческая направленность – поэзия. В прозе делаю первые шаги.

БОЯРИНЦЕВЫ (главы из повести)

1

Развернув жёлтый флажок, она терпеливо ожидала приближения поезда. Поезда ходили редко и не по расписанию, часто опаздывали. А часов в доме не было, да и откуда им было взяться у переездной сторожихи, когда и дома-то своего не было, а всего лишь вот эта казённая переездная будка, которую выделило им железнодорожное начальство. Как-никак, а они оба с мужем служили на «железке»: он – смазчик вагонов на станции, а она вот – на переезде. Ох, сколько их, этих переездов, было до Вятки, до губернского города! Этот вот стоял на 120-ой версте к востоку...

Возле ног, на откосе насыпи, зашевелился и тоненько пискнул маленький свёрточек: своего первенца, Нюрочку, она брала с собой – боялась оставлять одну в сторожке. Зимой-то ещё можно будет, а летом пошаливали беглые. Как только сходил снег, они и бежали. Чаще это были политические. Они спокойные, не обижают. А от уголовников можно ожидать чего угодно. И всё-таки, по давно установившейся, взявшей невесть откуда традиции, на столе всегда стояла крынка с молоком, а рядом, в белой тряпице, лежал хлеб – для них, для беглых.

Устинья усмехнулась своим воспоминаниям. По весне, вернувшись в сторожку, она обомлела, увидев, что из-под ситцевой занавески, которой был отгорожен закут за печкой, торчат босые ноги. Сердце ушло в пятки от страха, но, переборов эту оторопь, она спокойно (откуда только смелость взялась?) сказала «в никуда»:

– Ну ты, не балуй тут, поешь – и уходи. Молоко и хлеб на столе, суп – в печи. Да убери за собой.

И добавила с вызовом:

– А я тебя не боюсь!

И, подхватив двухмесячную дочку, вышла из будки. Часа два просидела на задворках за поленницей дров, а когда вернулась, в доме был порядок: значит, политический бежал...

Но вот и поезд. Мирно проплыли вагоны с белыми занавесками на окнах. Промелькнули в окнах нарядные барышни и дамы, напомаженные усатые и безбородые мужчины в дорогих костюмах. Это она сама решила, что в дорогих. А как же иначе? Только люди состоятельные могли ездить по «железке». Впрочем, однажды, вскоре после свадьбы, и её Олёша взял с собой молодую жену в Вятку, на ярмарку. Иустина помнила, что раньше, когда были живы ро-

дители, на ярмарку ездил её отец со своим товаром. Всю зиму он мастерил и ладил гармошки: тальянки и концертино, – а весной отвозил их в Вятку. От чего он умер, она не знала, а через год, когда ей было двенадцать лет, вслед за отцом ушла и мать. И пошла Устинька Варакина в служанки. Сначала к местному помещику, а после – к батюшке. Старательную и чистоплотную девушку не обижали, тяжёлой работой не загружали.

На летние вакансии из Глазова приезжала поповна, гимназистка. В жаркие летние дни она ходила в купальню на берегу Чепцы и всегда брала с собой Устиньку. Мылась, каждый раз распечатывая новый кусок душистого туалетного мыла, а после, собираясь уходить и показывая розовым пальчиком, говорила:

– Устинька, возьми это себе.

Поповна была медноволоса, с нежной, какая бывает только у рыжих людей, кожей и – что удивительно! – без веснушек. Устинья любила причёсывать её тяжёлые, в руку толщиной косы...

Нюра снова тоненько пискнула, и Устинья, одёрнув себя: «Размечталась!» – подхватила дочку и пошла в сторожку. Особых дел не было пока, но и без работы она сидеть не умела. До вечера далеко, её Олёша не скоро вернётся со станции. Приговаривая и напевая детские потешки, пока ещё непонятные полугодовалой дочке, перепеленала и накормила Анютку, смотревшую на Устинью чёрными влажными весёлыми глазёнками. Но после еды, возле тёплой маминной груди, она быстро уснула. Осторожно переложив ребёнка в зыбку, женщина, тщательно вымыв руки и надев белый фартук, села вязать кружева. Вязание у неё было безупречно чистым, поэтому не было необходимости стирать его перед тем, как продать. Крахмал с ниток не смывался, и скатерти получались плотные, тугие. Работу Устиньи ценили, заказов хватало, а приработок в скромном хозяйстве никогда не бывает лишним. Бояринцевы давно мечтали о своём доме, и вот подвернулся случай купить его на разъезде Черноус; жить на разъезде было удобно во всех отношениях: он находился всего в десяти верстах от станции Зуевка, где Алексей работал смазчиком вагонов, поэтому добираться до службы было быстрее и проще. Теперь супруги подкапывали деньги на его приобретение. Хотелось жить пусть и не богато, но своим домом. Завести хозяйство. Детишек хотелось, сколько Бог пошлёт. Оба с детства сироты, они строили семью любовно и бережно, помогая друг другу и советуясь во всём, хотя и внешне, и по характеру были совершенно разные. Алексей Евдокимович – рослый, статный, с пшеничными, слегка вьющимися волоса-

ми, с пушистыми усами – всем видом своим олицетворял спокойную уверенность и надёжность. Не в пример ему, Иустина Георгиевна была хрупкая, щупленькая, с чёрными волосами и чёрными же, вечно смешливыми глазами. Лёгкая и проворная, она могла без усталости работать на огороде и по дому.

2

В окна тускло светил поздний ноябрьский рассвет, поэтому на выступе русской печки стояла керосиновая лампа-трёхлинейка, неярко освещая кухню. Дополнительное освещение давал огонь, пляшущий в топке русской печи. Но дрова уже почти прогорели, и к тому времени, пока ещё раз – последний – подойдёт тесто, которое поднималось в квашне, в печи останутся только угли. Часть теста уже была выложена на большую разделочную доску, рядом с которой стояла глиняная чашка с подмороженной и растаявшей рябиной. Устинья обминала пышное мягкое – живое, как она говорила, – тесто, постепенно подмешивая в него яркие горько-сладкие ягоды. Сегодняшний хлеб захотелось испечь не простой – с рябиной! Смуглые, обнажённые по локоть руки, ловко сновали над столом: работа была привычна и доставляла радость. Хлеб Устинья пекла через день и всегда, кроме свежеспечённого хлеба, старалась порадовать мужа и детишек чем-то вкусным. Детей уже было двое, а к лету снова ожидалось пополнение. Старшенькой – черноглазой Нюре – весной исполнилось пять лет, Серёженьке недавно было три года. Дочка уже считалась большенькая, иногда Устинья привлекала её к работе по дому, помаленьку учила вязать крючком, пришивать пуговицы. Да и Сергея приучала делать что-то посильное: принести или подать мелкие предметы. Самой любимой работой детей было собирание щепочек для растопки самовара. Мать давала им в руки маленькую корзинку и отправляла на улицу (семья уже год жила в деревне Черноусы – купили всё же Устинья с Алексеем дом!). Теперь у них был не только свой дом, но и хозяйство: в хлеву хрюкал поросёнок, уютно хрустела душистым сеном корова, а по двору расхаживал десяток курочек...

Но вот и печка поспела – выстоялась от сильного жара, можно и хлебы сажать. Длинной кочергой Устинья выгребла на загнётку – в угол шестка – горячие, но уже потухшие угли, а затем помелом – куриными крылышками, насаженными на длинный черенок, – чисто-чисто промела кирпичный под* печи. Слегка смазать маслом хлебную лопату, подхватить на неё хлебы и осторожно загрузить в печь – дело быстрое. Закрыв чело заслонкой, женщина перекрестила устье печи со словами: «Господь, благослови!» – и пока пеклись хлебы, принялась стряпать пирожки: сегодня они с варёной морковью и слегка обжаренной свёклой. Устинья улыбалась: вот приедет с поездки Олёша и порадует сладким пирогам. Алексей Евдокимович признавал только свой хлеб, испечённый женой. Муку для хлеба и выпечки выбирал всегда сам – только пшеничную и хорошего качества. Ржаной – чёрный – хлеб не пекли. А ещё всегда сам покупал в Вятке мануфактуру – ситцы – для семьи. Покупал всегда мерным лоскутом, то есть остатки от целой штуки – так было дешевле и разнообразнее. Приезжал из очередной поездки,

* Хлеб выпекался не на противне, как пекли маленькие пирожки, а прямо на кирпичах – НА ПОДУ. Отсюда и название – ПОДОВЫЙ ХЛЕБ.

получив жалованье, и выкладывал на стол гостинцы:

– Вот тебе, Устя, шей себе и семье всё, что нужно.

3

Так, за привычными делами и хлопотами по хозяйству, пестованием детей прошли зима и весна. Наступило лето с его неугомонным ритмом жизни: посадка огорода, прополка, полив грядки. На носу был сенокос, а Устинья со дня на день должна была родить. За день до предполагаемых родов заботливый муж, не доверяя местной повитухе, привёз со станции акушерку, что стоило ему немалых денег!..

Н а с т а л срок родин. Устинья на сей раз легко разрешилась от бремени – девочкой! Беда была в том, что родилась она мёртвая – не кричала и не дышала. Акушерка, взяв новорожденную за ступни и держа её вниз головой, сильной ладонью шлёпала малышку по синеватой попке. Шлёпала до тех пор, пока ребёнок не закричал. Все вздохнули с облегчением. Но акушерка разочаровала родителей:

– Девочка не жилец. Поторопитесь окрестить, чтобы не померла некрещёной.

На другой день Алексей привёл в дом местного священника отца Евлампия (церкви на разъезде не было, таинство крещения пришлось совершать дома). Бояринцев торопил батюшку поскорее выбрать имя: не всё ли равно, если дочке не суждено жить? Но тот был непреклонен:

– Нет уж, Евдокимыч, пусть дитя с красивым именем предстанет перед Всевышним.

Девочку нарекли Антонина. Прошло два дня, три, неделя – ребёнок жил! И только маленькие синяки на попе, оставшиеся от широкого золотого обручального кольца акушерки, напоминали о том, что девочка была не жилец! (Забегая вперёд, скажу, что прожила эта девочка до восьмидесяти пяти лет!)

4

Прошло ещё три года. Старшая – Нюра – была определена в начальную школу, расположенную в станционном посёлке в десяти верстах от разъезда. Родители, сами совершенно неграмотные, не хотели такой же участи детям. Решение принимал отец, Алексей Евдокимович. В Черноусах, где они жили, грамоту знали только лавочники, купец, мельник да батюшка. Сам Бояринцев выучил толь-

ко две буквы, вернее, их начертание, чтобы ставить свою подпись в ведомости при получении жалованья: «А» и «Б» – свои инициалы. Иустина – три буквы: «У», «А», «Б», тоже только начертание. Это для того, чтобы вышивать инициалы на льняных полотенцах, концы которых, по древней традиции наших пращуров, вышивались замысловатой русской вязью, содержащей тайный смысл. Русское узорочье содержит в себе целый рассказ о женщине, которая его вышила: о её семейном положении, о том, сколько раз она рожала, – и служит, кроме того, оберегом дома и семьи. Но постепенно из памяти народной стёрлось сакральное значение русской вышивки, поэтому она стала просто украшением полотенец, скатертей, мужских и женских выходных рубах. Устинья вышивала просто так, потому что это было заведено в каждой семье. К тому же это было красиво – вышитые полотенца!..

Вот и решил глава семьи: сколько бы детей ни было – всех непременно выучить грамоте. На первых порах девочке было трудно, ученье давалось не просто. Иногда, забыв какую-нибудь букву, она бежала к дочке лавочника, жившей через три дома, спросить, как эта буква читается. А пока возвращалась обратно, держа пальчик на трудной букве, забывала её и с плачем снова возвращалась к соседке. Но постепенно девочка вошла в колею и училась довольно успешно. Так успешно, что через четыре года выдержала приёмные испытания и поступила в Глазовскую уездную гимназию.

...Устинья металась в послеродовой горячке: весной, когда стала пробиваться первая трава, родила она девочку, которую называли Евгения. Ребёнок заходился в крике, требуя еды, но кормить её грудью в бессознательном состоянии мать не могла. Алексей целыми днями находился на работе, Аня днём – на уроках в начальной школе. Дома оставались только трёхлетняя Тоня и пятилетний Серёжа. Да приходила соседка подоить корову, отвести её в стадо и покормить ребятишек. В остальном дети старались справляться сами. Нюра старательно мыла пол в доме, вспоминая, как мама учила её тщательно промывать плитку: «Мужик умылся, а бороду вымыть забыл!» Или ещё вот это: «Тряпку сильнее отжимай, вытирай суше, а то муж будет горьким пьяницей!» И обязательно чисто-чисто мыла порог: «Придёт жених свататься, посмотрит, что порог не мытый, развернётся и уйдёт». За чистотой посуды следили младшие: хоть и была она глиняная да деревянная, но любая посудинка обиход любит! Серёжа мыл, Тоня вытирала, перекинув через плечо посудное полотенце. Нюра как-то заметила это и сказала, подражая интонации матери:

– Тоня, не вешай полотенце на плечо – волосы могут попасть на посуду!
И добавляла:
– Мама тоже не разрешает.
К вечеру, когда из школы возвращалась старшая сестра, двоим младшим становилось и легче, и ве-

слее. Соседка научила кормить маленькую Женю через рожок и строго-настрого наказала малышам, что давать ей можно только разведённое коровье молоко. Но однажды Тоня, решив, что этого девочке явно недостаточно, нажевала сушки и натолкала её в рот недельной сестрёнке. Финал угадать нетрудно – девочка умерла...

Устинья, то приходя в себя, то снова проваливаясь в черноту забытья, смутно понимала происходящее: ребёнка похоронили без её участия. Но так уж устроен мир – всё проходит, рубцуются раны, за повседневными заботами и хлопотами память стирает печальное прошлое, да и некогда особенно было предаваться унынию.

5

Хозяйство в семье Бояринцевых потихоньку увеличивалось, в семье появился достаток. Вот уже и вторую коровку стали держать в лето, а после Покрова забивали и корову, и поросёнка – запасались на всю зиму мясом: часть Алексей сам коптил, остальное заворачивали сначала в холщовую ткань, потом в клеёнку, отправляли в ледник и засыпали льдом. Так оно могло не испортиться всю зиму и почти всё лето. Там же, в леднике, сохранялось сливочное масло. Дома, в подполье, хранились овощи, стояли корчаги с яйцами: пересыпанные солью, они выдерживали до весны, до того времени, пока курочки снова начинали лучше нестись. В чулане, в большой кадучке – квашеная капуста; с наступлением холодов она замерзала. Устинья сечкой рубила её, приносила в дом – оттаивала. Там же, в чулане, лежали целые круги мороженого молока – запас на то время, пока корова не отелится. Ох и вкусно было, когда она приносила домой такой круг, наскребала сечкой молочную льдину, а потом взбивала до образования пены мутовкой! Такое взбитое молоко подавалось к блинам и оладьям. Не ленилась Устинья заготовить грибов да ягод: лес-то – вон он, рукой подать! Огороды задами выходили прямо к молодому ельничку, где рыжиков в урожайные годы было видимо-невидимо!

Достаток семьи виден был не только в разносолах. Первым его признаком в то время была красивая никелированная кровать с изогнутой спинкой и с шишечками на четырёх уголках перил. Стояла кровать в горнице, в переднем углу, под образами. Но спать на ней разрешалось только хозяину семейства. И это считалось непреложным правилом! Поэтому Устинья спала с детьми на полу, а её дорогой Олёша – на кровати. Вслед за кроватью в доме появилась ножная швейная машинка «Zinger»: обшивать растущее семейство вручную стало трудно, поэтому Алексей Евдокимович как мог облегчал труд жены.

Несмотря на то, что жили Бояринцевы в деревне, их быт и убранство дома не были деревенскими: его скорее можно было отнести к мещанскому городскому быту. Вот уже и грубая глиняная и деревянная посуда исчезла из обихода, уступив место недорогому фарфору и фаянсу фабрики Кузнецова. Огромная

монополия целой династии Кузнецовых выпускала посуду для разных слоёв населения, поэтому люди среднего достатка вполне могли позволить себе купить красивую и сравнительно дешёвую посуду.

Появилась в доме редкостная диковинка – граммофон! Такой штуки не было даже у местного батюшки. Алексей Евдокимович выписал эту «музыку», как окрестили граммофон жители деревни, из самого Санкт-Петербурга вместе с комплектом пластинок. Часто по воскресным дням, а особенно по большим праздникам, он заводил свой граммофон. Послушать это диво частенько заходил и отец Евлампий.

Пост в семье Бояринцевых никогда не соблюдался – так повелось с тех времён, когда Иустина и Алексей жили в услужении у священника. Насмотревшись на поповскую «праведную» жизнь, они не придерживались церковных канонов. Алексей всегда говорил: «Да чтобы мои ребята голодали?! Ешьте, дети, ничего не бойтесь: попы тоже не больно-то постятся!» Но, тем не менее, ВЕРА как таковая жила в их сердцах, поэтому к Пасхе, к Христову дню, в доме было особенно чисто прибрано, а стол ломился от яств.

Как я уже говорила, церкви в их небольшой деревне не было, до станции, где служба проходила в соборе, расстояние немалое – около десяти вёрст, поэтому батюшка ходил из избы в избу, поздравляя всех со Светлым Христовым Воскресением. По русскому обычаю прикладывался, конечно, к рюмочке, угощался-разговлялся и благословлял дом и семью. Двери в каждой избе в ожидании его появления держали открытыми настежь. А надо заметить, что весна в Вятском краю была отнюдь не тёплая, поэтому печки с утра топили жарко, чтобы не выстудить к ночи.

Батюшка же, дойдя до дома Бояринцевых, надолго задерживался там, слушая граммофон и поглаживая отяжелевшее пузцо. Тем временем бабы, в чьих домах он ещё не побывал, на чём свет стоит ругали Алексея (да и отца Евлампия заодно!) – избы-то выстывают:

– Опять Олексей свою музыку завёл, теперь и батюшку не дождёсси!

6

Устраивал иногда Алексей для своей семьи настоящие праздники. Что ж, деньги позволяли, нарядная одежда была справная – почему бы и не вывезти всю семью, скажем, в Вятку? Сказано – сделано! В воскресный день все поднялись рано, даже самая младшая Тоня не капризничала и легко встала ещё до свету. Алексей с женой были уже одеты. На нём – новая, вышитая Устиньей, рубаха-косоворотка, светлый костюм-тройка, из маленького кармашка жилетки свисает цепочка серебряных часов, хромовые сапоги начищены до зеркального блеска. На Иустине – платье из плотного шёлка в неширокую полоску, отделанное знаменитыми кружевами валансьен. Платье заканчивалось коротким шлейфом. Платьица из такой же ткани были и на дочках.

На Серёже – тоже вышитая рубашка, подхваченная в талии пояском, сплетённым из ниток в тон вышивки, который заканчивался двумя кистями.

Алексей оглядел своё семейство и остался доволен.

Ехать от разъезда Черноусы до Вятки было, по теперешним меркам, не столь и далеко – всего-то чуть более ста вёрст, но, учитывая скорость тогдаш-

них поездов и многочисленные остановки, дорога занимала около пяти часов. И всё же Алексей Евдокимович не захотел везти свою семью третьим классом – ехали вторым, уплатив за каждый билет более 50 копеек серебром!

Семейство чинно, – а дети не без робости! – погрузилось в вагон. Иустине было не внове ехать «железкой», а у ребятшек глаза округлялись от увиденного великолепия! На диванах, спинки которых откидывались вверх, образуя второй ярус, – бархатная обивка; крохотный столик покрыт белой, вышитой русским орнаментом, накрахмаленной салфеткой; красивая обивка стен. Было от чего разгореться детскому любопытству. Купе вагона второго класса не были отделены от длинного коридора дверьми; дверь была посреди вагона, разделяя его на две зоны: для курящих и не курящих пассажиров. Алексей Евдокимович хоть и курил трубку, но, уважая жену и детей, билеты купил в ту часть вагона, которая не была предназначена для курильщиков.

Детские ножки осторожно и чуточку боязливо ступали по ковровой дорожке, постеленной в проходе – было непривычно: дома-то были только домотканые половики! Девочек – особенно Нюру – восхищали лёгкие занавески на окнах и тяжёлые ночные бархатные портьеры с красивыми шёлковыми кисточками. Серёжа – мальчик же! – с нескрываемым любопытством рассматривал, как всё устроено-обустроено. Но, приученные вести себя спокойно и без шалостей, они старались говорить шёпотом, забросав родителей массой вопросов: а что? а почему? а для чего? Родители терпеливо поясняли, удовлетворяя чрезмерное, но понятное детское любопытство. Нюра, на правах самой старшей и будучи более шустрой, раньше всех пробралась к окну, но Устинья, сделав ей коротенькое внушение, усадила туда самую младшую – Тоню. Напротив сестёр чинно и степенно, подражая отцу, устроился Серёжа. Родители сидели с краю и, улыбаясь, наблюдали за радостью детей. Настроение у всех было приподнятое, и даже бессонная ночь не сказалась на оживлении.

Ребята, приплюснув носы к стеклу, смотрели, как мелькали за окном вагона деревья, кусты, лужайки, деревеньки... Алексей удовлетворённо поглядывал на них, тихонько переговариваясь с женой. Первая не выдержала и уснула Тоня, вскоре стал клевать носом и Серёжа, а вслед за ними, оставшись одна и заснув, уgomонилась и Нюра. Алексей улыбался: укатали сивку крутые горки! Муж с женой тихонько переговаривались, и вдруг Алексей уловил смешливую искорку в глазах Устиньи.

– Ты о чём?

– Ой, да, Олёша, вспомнила сейчас нашего кума Егора! Помнишь, когда он приезжал, то попросил тебя «железку» ему показать?

Алексей сдержанно улыбнулся, спрятав под усами улыбку, только глаза выдавали его весёлость. Кум приехал из дальней деревни провести крестников. Под вечер, после радушного приёма и обильного угощения, кумовья, обнявшись, пошли смотреть на поезда и железную дорогу. А что это такое, Егор знал только по рассказам Олёши, и уж больно хотелось ему посмотреть на это диво! Вышли к железнодорожному полотну, и, пока не было поезда, кум Егор очень обстоятельно, по-мужички прицениваясь и прикидывая так и эдак, разглядывал рельсы, шпалы, видневшийся вдали семафор. Но вот вдали показался поезд, Алексей отвёл Егора подальше от насыпи – издали лучше видно будет. Мимо мужика,

изумлённого этой техникой, прокатились вагоны пассажирского поезда, светящиеся окна которого повергли его в окончательный восторг!

– Ой, кум! Деревня!

– Что – деревня?

– Кум, да это же целая деревня на колёсах! – восхищённо говорил Егор...

Вот и посмеивались Устинья с мужем, вспомнив своего гостя...

С той поры в нашей семье при покупке какой-нибудь необыкновенно красивой вещи повелась эта своего рода поговорка: «Ой, кум – деревня!»

Память о той поездке запечатлена на двух фото, сделанных в Вятке и бережно хранимых в семейном архиве. На одном – вся семья, на другом – только дети. Картонные уголки от времени чуточку поистрепались, но изображение – чёткое. А ведь этим фото более ста лет!..

7

Однажды, вернувшись со станции после службы, Алексей увидел притихших и нахмуренных ребятшек и Устинью в необычно низко повязанном белом платочке – глаза прятала.

– Ребят, Устя, а что случилось-то?

– Да вот не знаю даже, как и сказать, – замылась жена в замешательстве, которое по тону показалось мужу наигранным. – Понимаешь, сняла с сегодняшнего молока сливки, думала сметанки подкопить побольше да масло сбить, а смотрю – сливок-то и нету! Дети не рассказывают, уж не знаю, что и думать: кошка, что ли, съела? Дак не могла она достать – высоко было.

– Устинька, да ты не горюй, мы это быстро узнаем, а затопи-ка ты лучше печку; как нагреется – посадим всех детей на шесток и посмотрим: из кого масло выпотится – тот и сметану съел! – Алексей прятал в усах весёлую усмешку.

Устинья, быстро разгадав мужа, сделала вид, что засуетилась в поисках растопки, что вот сейчас печку и вправду затопят, как вдруг дом огласился безутешным рёвом:

– Ма-ам, па-ап, не надо печку, не надо на шесток... Это я сливки съела-а-а-а... – в голос ревела старшая, Нюра.

Родителям, конечно, не жаль было съеденных сливок, но сам факт, что кто-то съел их без спроса, не подумав обо всей семье, а главное – и не созная в этом, – насторожил родителей. Ребёнок, совершивший проступок, должен быть наказан. Несколько позже, когда детей в семье уже стало пятеро, приходилось иногда урезонивать расшалившуюся ребятню скрученным в жгут кухонным полотенцем. Такое случалось не часто, но всё же случалось. Устинья, занятой хозяйством, не было времени разбираться, кто прав, кто виноват, – пусть сами учатся выяснять отношения на словах, а не на кулаках. Поэтому полотенце пускалось в ход чисто символически: тебе пять лет – вот тебе пять ударов, а тот постарше, должен быть поумнее, но спор не прекратил – его семь раз шлёпнуть. Однажды соседка спросила:

– Гёревна, как ты с эстолькими робятами-то справляешша? Небось, поколачивашь?

– Да что ты, Ивановна, столько ребят поколотить – руки обобьёшь! – смеясь, отвечала та.

Алексей Евдокимович тоже не отстранялся от участия в воспитании детей. Мальчиков приучал к мастерству: молоток, напильник и другие инструменты, которые хранились в слесарном ящичке

отца, были их любимыми игрушками. Принимали дети посильное участие в заготовке дров на зиму: у Сергея уже хватало силёнок, чтобы помочь отцу пилять их. Колол Алексей сам, а девочки под наблюдением Устиньи выкладывали поленицу.

Существовало в семье одно непреложное правило: никогда не наказывать ребёнка в день рождения! Правда, именинник никогда особенно-то и не пользовался такой поблажкой. Но больше всех – и в праздники, и в будни – шалила Нюра. Была она вся в мать: худенькая, смуглая, черноглазая и такая же смешливая. И хитрющая, как лиса! В те дни, когда у главы семейства был выходной (график у смазчика вагонов был скользящий), за столом собиралась вся семья. Устинья с Алексеем всегда рады бывали этой семейной близости, лица светились улыбками. Настроение всеобщей благодати передавалось и детям, и вот тут-то сами по себе (и как только это случилось, «тормоза», что ли, отказывали?) происходили шалости. А зачинщиком была, конечно, Нюра! Спрятавшись за большим самоваром, стоящим посередине стола, покрытого скатертью из тонкой холстины, она корчила уморительные рожицы младшим детям. Те, не выдержав, хихикали и получали удар по лбу деревянной ложкой, которую всегда наготове держал отец, вертикально зажав в кулаке. Больно не было – было обидно! Но жаловаться друг на друга и указывать пальцами на истинного виновника в семье было не принято, поэтому «нарушитель» молча потирал ушибленный лоб. А Нюра, опустив долу хитрющие глазки, слегка посмеивалась. Родители, конечно же, знали, откуда ветер дует и кто зачинщик, но молчали: не пойман – не вор, а малышей приучали к выдержке.

КРАСНЫЕ НИТИ СУДЬБЫ

Как-то на одном из эзотерических сайтов довелось мне вычитать очень интересную вещь. Оказывается, в мире нет ничего случайного, всё заранее предопределено и предрешено. Кем? Догадаться. Конечно, сам человек – если он личность, разумеется, – тоже не последнюю роль играет в своей Судьбе. Но здесь уже включается право Выбора. Только существует между событиями и встречами нечто такое, чему подчас человеческий Разум не может найти объяснения. Взять хотя бы, к примеру, случайность или неслучайность встреч. В статье на том сайте говорилось о том, что между людьми существуют невидимые красные нити, которые протянуты от человека к человеку. Они могут быть короткими и слегка извилистыми, могут быть длинными и невероятно запутанными, все в петельках и узелочках, как иногда бывает со старыми, не до конца использованными нитками мулине, забытыми в шкастолке рукодельницы. Но они непременно приводят тебя к сердцу нужного и дорогого тебе человека. Потому что так предначертано Судьбой. Потому что это – неизбежно. И никому третьему не дано такой силы, чтобы разорвать эти красные нити. Так было и со мной.

...Самым хорошим и весёлым летним месяцем у нас, школьников, был август. И не потому, что мы горели желанием поскорее сесть за парты, а потому что к середине августа наша дворовая ватага была в полном составе. Кто-то возвращался из пионерлагеря, кто-то – из бабушкиного заточения в дальней деревне, а то и вообще из другой области, кто-то

приезжал (несказанное счастье!) из путешествия к морю, на которое родители целый год копили деньги...

И как бы ни было хорошо и интересно там, откуда все вернулись, родной дом, двор и наша компания были самыми желанными! Мы в эти последние дни лета ещё больше сплывались, ещё шумнее становились наши игры, более смелыми взглядами обменивались мальчики и девочки, стараясь отойти в сторонку (не уединиться, Боже упаси!) ото всех и перекинуться парой-тройкой фраз, ничего не значащих для других, но необычайно важных для двоих!

Так было и тем летом, когда я перешла в восьмой класс, а он – в девятый. Я никуда и никогда не ездила: в пионерлагерь почему-то мама не отпускала, да у нас как-то и не поднимался этот вопрос, а ехать далеко у мамы не было средств. После развода родителей семейный бюджет хромал на обе ноги. Да и в музыкальной школе задавали очень большую программу на лето, заниматься надо было ежедневно, чтобы руки не «задеревенели». Конечно, возраст и меня звал куда-то в неведомое, в интересное, особенно когда девчонки приезжали и очень бурно делились впечатлениями. Но после того как семья сократилась, я научилась сдерживать и скрывать эмоции, вовремя «прикусывать язык», ничем не выдавая свои чувства и желания. Забегая вперёд, скажу, что эта черта, выработавшаяся у меня в тот период, очень помогла мне в дальнейшей жизни.

Помогла она мне и тем памятным летом. Я была безумно рада, когда из пионерлагеря приехал Вовка! Ну Вовка и Вовка, мальчишка, каких множество. И ничего в нём такого не было. Только нас соединяло что-то особенное, большее чем просто соседские отношения. Во-первых, дружили наши мамы, а значит, и мы часто бывали в доме друг у друга. Во-вторых, это только мне ещё в раннем-раннем детстве, когда нам было-то всего по четыре-пять лет, он сказал: «Ты будешь моей дамой, а я – твоим рыцарем, и я буду тебя защищать!» А в-третьих... а в-третьих... А в-третьих-то и не было ничего! Ну подумаешь, что он всё время оказывался там, где была я... И что? Ну подумаешь, что он как-то робко сторонился меня, когда я катала в колясочке соседского малыша? Ну подумаешь, что у меня сердце срывалось с места и начинало колотиться где-то в горле, а не в груди?! Всего этого никто не видел и не знал. Даже подруги. Потому что я сама ещё не знала, отчего это происходит.

И вот как-то тёплым летним вечером, когда солнце уже почти закатилось за горизонт, Надя – девочка из соседнего дома – решила открыть мне «тайную тайну»! Она ездила в тот же пионерлагерь, что и Вовка, только была в другом отряде. И вот, почти вплотную приблизившись к моему лицу и внимательно глядя своими зеленовато-жёлтыми глазами, сказала:

– А Вовка-то в лагере за одной девчонкой «бегал»!

– Ну и что? – с замиранием спросила я.

– И она за ним – тоже!

– Ну и что? Разве он не может кому-то нравиться?

– Хм, так он же – очкарик!

– Я тоже. И что? – во мне закипала обида. Руки были заложены за спину, и пальцы крепко-крепко

стиснуты в замок. Но Надя не унималась:

– Так про них даже частушку сложили:

Жила в городе одна парочка:

Вовка – муж, жена – Тамарочка.

– Надя, а тебе-то что? Он может понравиться кому угодно!..

Я сдерживалась из последних сил, но душа ёжилась, сжималась и куда-то пряталась далеко-далеко, чтобы никто не сумел её поранить!.. А красная ниточка, протянутая между ним и мной, вдруг стала улизывать и запутываться...

Прошло немногим более полугода, когда Вовкина семья уехала в другой город.

Его родители созвали всех соседей на прощальный ужин, мама моя тоже собралась идти. Я, привыкшая к тому, что она везде брала меня с собой, выпалила, как само собой разумеющееся:

– Я с тобой!

И вдруг услышала невероятное:

– Нечего делать! Сиди дома!

Больше мне она ничего не объяснила, а я уже и не посмела спрашивать её ни о чём...

И снова красная ниточка заузилась ещё больше, а потом и вовсе потерялась на дне большой шкастунки, и отыскать её не было никакой возможности – так она запуталась среди ниточек других цветов! Правда, через небольшой отрезок времени мне показалось, что где-то в утробе огромной шкастунки промелькнул её след, но – нет. Показалось...

А ещё месяца через два я пришла домой к своей однокласснице, девочке, жившей от меня через два дома. Светка была хамовита и драчлива с самого детства, от её кулаков даже мальчишки не раз ревмя ревели, поэтому в наши коллективные игры она принималась с неохотой. Но мы подросли, Светка перестала драться, правда, характер, тем не менее, оставался всё таким же. Родители купили ей пианино – девочка пошла в музыкальную школу. И вот на пианино-то я и увидела крохотный алюминиевый меч в чёрных кожаных ножнах – Вовкин меч! Мне ли было его не узнать – ведь все Вовкины поделки были мне знакомы! И выдержка мне изменила, да и не мудрено: мне было только пятнадцать лет! Вопрос вырвался сам собой:

– Откуда это у тебя?! – и я сразу же осеклась, сообразив, что выдала себя с головой.

– Вова подарил перед отъездом. Я же ходила к ним прощаться! – и, поняв, что она может меня добить, сказала:

– Тебе очень нравится этот меч? Тогда ты можешь приходить и смотреть на него сколько хочешь!

Я под благовидным предлогом поспешила уйти домой...

С тех пор прошёл не один десяток лет. Красная ниточка вспоминалась всё реже и реже, найти её было вообще невозможно, да и цвет, наверно, уже изменился за столько-то лет! У меня появилась полноценная семья – муж и две дочки, затем внучка и внук. И вот, разбирая как-то мамину шкастунку со старыми запутанными нитками мулине, я неожиданно наткнулась на ярко-красную, почти новую шелковистую нитку – ровную, не спутанную, не заузлившуюся! А чуть позже нашла своего дорогого друга детства – того самого Вовку!

Владимира-Красно-Солнышко. Княже, как я зову его теперь!

Выходит, эзотерика – это не ложь? Не сказка?..

Галина Аляева

г. Красногорск, Московская обл.

ПОПУТЧИЦА

Обрамлённая грязным снегом дорога, проложенная много десятилетий назад, извивалась и пряталась за крутыми поворотами, открывая водителю лишь маленькую часть своего змеиног тела. На такой дороге нужно быть особенно внимательным – она умеет преподносить сюрпризы.

Заснеженный лес притягивал взгляд и словно просил – не оставьте мои зимние наряды незамеченными. Под тяжестью серебра, щедро рассыпанного по ветвям, сосны и ели распушились, отчего каждое дерево, словно разодетая красавица, знавшая о своей привлекательности, кокетливо сияло в холодных лучах солнца, а солнце – родоначальник земной красоты – по-отцовски ласкало их.

Берёзки, которым нелегко было держать на тонких руках дары снегопадов, старались не отставать от хвойных подруг. Одна из них, самая смелая, бесстрашно наклонившись над дорогой, звенела снежинками: «Посмотри, какая я красивая в зимней шубке. Полюбуйся, как она мне идёт!»

Иногда дорога-змея, ловко вывернувшись из-за крутого поворота, врезалась в указатель, на котором чернело название деревеньки из десяти дворов. Дома с покосившимися крышами и заборами, чуть-чуть видневшимися из-под снега, смотрели на мчавшиеся мимо машины пустыми глазницами. Попадались деревни и побольше. Тут уж и дома, и заборы были солиднее, но главное – за окнами теплилась жизнь.

Проезжая мимо одной такой деревни, Иван увидел женщину с ребёнком на руках. Она стояла на краю дороги, одной рукой прижимала к себе младенца, другую выкинула вперёд, прося редкие машины остановиться. Рядом с ней стояли две сумки.

Иван не любил попутчиков и почти никогда не брал их, но эта просительница была так жалка и беспомощна на заснеженной обочине, что он притормозил. Подавая назад, он увидел, как женщина, подхватив сумки, сделала несколько шагов, остановилась, поставила ношу в снег и заспешила к машине.

Сначала Иван услышал молодой, почти детский голос, затем увидел юное создание, лет восемнадцати, не больше.

– До Берёзкино не довезёте?

– А где это?

– Отсюда километров шестьдесят. Сорок пять по трассе и минут пятнадцать в сторону.

Иван ответил не сразу, юное создание умоляюще попросило его:

– Пожалуйста, вы нас хотя бы до развилки доведите. Пожалуйста, – её голос дрогнул.

– Садись, – согласился он, и повторил: – Садись.

По возрасту девушка годилась ему в дочери, и он вполне мог бы обращаться к ней на «ты», но пискнувший в одеяле младенец напомнил – перед ним не просто девушка, а молодая мама.

Он вышел, подержал на руках ребёнка, пока попутчица садилась в машину, принёс тяжёлые сумки, не спеша обошёл машину, по каждому из колёс постучал ногой, подышал морозным воздухом.

Некоторое время попутчица ехала не шевелясь, она откинула край одеяла с личика младенца и застыла.

Иван же, когда разрешала дорога, с любопытством рассматривал её в зеркало заднего видения. Скромная деревенская девчонка, не испорченная городскими соблазнами. Две едва видимые морщинки на переносице, тёмные круги под глазами, припухшие веки, потухший взгляд – всё говорило о том, что у неё неприятности, и Ивану стало жаль её.

«Девчонка на дороге не от сладкой жизни», – подумал он.

Вскоре, осторожно положив младенца на сиденье, она заветренной рукой сняла вязаный берет, поправила коротко стриженные русые волосы. Затем расстегнула пальто. Плечи и грудь девушки были закутаны серой шерстяной шалью.

«Точь-в-точь, как у моей матери», – отметил Иван.

Младенец, перестав ощущать родные руки, заплакал. Она приподнялась, откуда-то из-под шали вынула бутылочку с молоком и, когда брала ребёнка на руки, охнула. Её лицо, с которого румянец почти сошёл, оголив бледность, исказилось от боли.

– Что случилось? – тревожно спросил он.

– Повернулась неудобно, – виновато улыбнулась она и отвела взгляд.

Иван понимающе кивнул.

– Что ж вы в такой мороз в дорогу собрались? Да ещё с младенцем на руках. Неужели некому было проводить?

Он ждал ответа, но уловил лишь едва слышимое почмокивание младенца.

Иван не унимался:

– У вас мальчик?

– Девочка, – ответила та и, посмотрев на малыша, улыбнулась так, как могут улыбаться только матери, смотрящие на любимого и желанного ребёнка.

– Девочка – тоже хорошо. Сколько ей?

– Пять с половиной.

– Ух ты! Совсем невеста, – пошутил он.

– Что вы!.. – девушка опять улыбнулась, и Ивану показалось, что в машине стало светлее от сияния голубых глаз.

Миновав очередной крутой поворот, Иван вновь обратился к попутчице:

– В Берёзкино у вас кто?

– Мама.

– А отец?

– Конечно, и папа тоже.

– Вот радость для них будет. Они знают, что вы к ним едете? – не дождавись ответа, Иван посмотрел на девушку и увидел бледное с синими прожилками на висках, мрачное лицо.

– Мама, конечно, будет рада. Папа?.. Не знаю. Он

строгий очень. Спросит – зачем заявила? Раз выскочила замуж, то и сиди рядом с муженьком. Отец был против нашей свадьбы. Говорил, что Сергей мне не пара.

– И что? Время показало, что не пара?

В салоне стало тихо, девочка, опустошив бутылочку, затихла, лишь мотор монотонно гудел. Иван по растерянному и грустному лицу попутчицы понял, что она готова расплакаться.

– Тебя как зовут? – спросил он, перейдя на «ты».

– Ольга.

– У меня тоже дочь. Наверно, младше тебя, месяц назад исполнилось семнадцать. Тебе сколько?

– Девятнадцать.

– Почти ровесницы. Зря сомневаешься – отец будет рад.

– Не знаю, он очень строгий. Вдруг скажет – езжай назад к мужу...

Она потупилась и чем-то напонила ему дочь. Она вот так же молчит и хмурится, если её что-то беспокоит.

Когда машина пересекла границу крупного населённого пункта, Оля попросила:

– Около магазина остановите, пожалуйста.

– Около какого магазина?

– Как посёлок проедем, он будет с левой стороны.

– А поворот на Берёзкино там же?

– Чуть раньше. Просто там автобусная остановка, – сказала она и стала собираться. Застегнула пальто, надела берет.

– Говоришь, скоро поворот. Налево или направо? – уточнил он.

– Направо.

Действительно, вскоре он увидел указатель, на котором значилось: «Берёзкино-17».

Не раздумывая, Иван повернул направо. Ольга забеспокоилась:

– Ой, куда вы?

– В Берёзкино. Что с ребёнком мёрзнуть на дороге? А для меня семнадцать километров пустяк.

– Но назад ведь тоже надо ехать.

– Не бойся, – рассмеялся он, – у вас не останусь.

– Я не боюсь, что у нас останетесь. Просто у меня денег мало.

– Тебе никаких денег не хватит рассчитаться.

– Как так?

– А вот так! – улыбнулся он, и в зеркале заднего видения увидел, что голубые глаза тоже улыбаются.

– Ты берет-то сними, и малышку распакуй – будете выходить, прохватит.

Машина подъехала к указанному Ольгой дому, Иван вышел первым, помог выйти попутчице, и она опять ойкнула.

– Что случилось?

– Меня Серёжа поленом ударил.

– Как так?! – изумился Иван.

Ответить она не успела.

– Дочка?! Алёнка?!

По утопанной узкой дорожке в одной майке и домашних тапочках на босую ногу бежал лысоватый упитанный мужичок, за ним в накинутой на плечи шерстяной шали – дородная блондинка.

Ольга безотрывно смотрела на спешащих, и её глаза наполнялись слезами. Когда мужичок поравнялся с ней, она громко, навзрыд заплакала, уткнувшись ему в плечо. В его глазах Иван увидел столько боли и тревоги, что отвернулся и стал заниматься сумками.

Когда он вновь посмотрел на Ольгу и её родителей, увидел: блондинка семенит к дому, осторожно прижимая к груди младенца, за ней идут мужичок и Ольга. Она продолжает плакать, тихо и жалобно, он прижимает её к себе так, что почти несёт, и приговаривает:

– Дочурка моя. Маленькая моя. Ничего, ничего, поплачь. Алёнка моя, милая...

Иван, взяв сумки, пошёл следом. В дом он не стал заходить, оставил сумки на крыльце.

Вскоре машина мчалась по трассе, загоняя под колеса чёрный асфальт. Зимнее солнце спряталось за верхушками леса. Лесные заснеженные красавицы быстро погружались в темноту, превращаясь в ночные диковины. Дорога-змея, почувствовав приближение сна, хитро петляла. Иван следил за коварной дорогой и что-то насвистывал.

Наталья Бедная

г. Краснодар

Наталья Владимировна Бедная – литературный сотрудник журнала писателей России «Невский альманах»; автор книг стихов «Сирень в снегу», «Шелест листвы», «Поцелуй дождя»; член Московской областной организации Союза писателей России; кандидат Интернационального Союза писателей.

* * *

Первый дерзкий снег
свершил ночной набег,
Пробежал мороз по мне украдкой.
Но любовь моя – и есть мой
оберег,
Для тебя я остаюсь загадкой.
Колкий снег в лицо.
А в сердце теплота.
Я спешу согреть твои ладони.
И не надо слов. Напрасна суета.
Небо для меня –
твой взгляд бездонный.

* * *

Ты и боль моя, и радость,
Ты мой крик и тишина,
Горечь дней,
порою сладость...
Прощена?
Не прощена?
За моей души терпенье,
Ожиданье вновь и вновь,
За доверие, сомненье...
Верно, это всё любовь.

МОЕМУ ДЕДУ

Набивая трубку табаком,
Дед смотрел чуть дальше
горизонта:
За холмы, поросшие леском,
На ожившие картины фронта.

Выдыхая полный горя дым,
Не давал своим слезам он волю.
По войне прошёл дед молодым,
Каждый шаг остался
в сердце болью.

* * *

г. Краснодару

Улицы города, не убегайте! –
Шаг ускоряя, упрямо прошу! –
Встретиться с прошлым,
Воспрянуть мне дайте:
Юных свиданий скамейку ищу.
Город становится лучше и лучше,
Старые здания не узнаю:
Ярче подсветка, и краски погуще,
Только не видно скамейку мою...

СОН

Необъятное поле ромашек во сне,
Облака над цветами застыли.
Показались небесные ангелы мне –
В серебристом сиянии плыли.
Мой венок из ромашек
под ликом луны
Взяли ангелы и закружили.
И, наверно, вернутся
опять в мои сны –
На подушку цветок обронили...

МАМЕ

Мороз крепчал –
за минус двадцать пять,
А ты приехала ко мне в больницу.
И не хватало сил шубейку снять,
Но радостью светились наши лица.
И нам не надо было много слов,
Вокруг дышало нежностью
пространство.
Миг счастья вырвали у холодов –
Улыбка мамы – лучшее лекарство.

НАВАЖДЕНИЕ

Облака над зимней рощей плывут,
Ускользая тенью в тишине,
И невольно за собой меня влекут
По дорожке, словно бы во сне.
Вот русалочка из камня на пруду
Прикрывает первым снегом наготу.
Стайка лебедей у кромки льда,
И небесным зеркалом вода,
В ней ловлю я отражение цветов –
Дивных лилий –
переливных облаков...
Даришь ты такой же мне букет.
Наважденье?!
А быть может, нет...

* * *

Ускользает наш праздник
позёмкой.
Долго помнить я буду о нём.
Обжигает мороз. Мы у ёлки
Старый год провожаем вдвоём.

Ветки в блёстках сверкают огнями.
Нужных слов ты не можешь найти.
Как вернуть понимание меж нами?..
Дай с тебя я смахну конфетти.

НЕПОКОРЁННАЯ

Болезнь забирает все силы земные.
Но веру в любовь у меня не отнять!
И каждое утро туманы ночные
Уходят.
И солнце в ладонях опять.

Наталья Брылёва

г. Кораблино, Рязанская обл.

К нарождающейся почке,
К завершающей всё точке,
Люди, эры канут вдаль.
Будет плющ на стенах виться,
Дрогнут детские ресницы,
Капля жизни источится,
Источится много раз.
Промелькнут эпохи, лица,
Чтобы снова возродиться
В ненаписанных страницах,
Всё свершится, но без нас...

* * *

Ах, какая малость –
Слабость и усталость!
Жалит чья-то жалость
Взглядом из окна.
Тучи распластались,
Осень мне досталась,
Желтизна да алость,
А была ль весна?
Ветер, что ли, воет,
Сердце, что ли, ноет,
Словно кто зовёт...
Серой пеленою
Дождь стоит стеною,
ЛитиЕ стальное
От небесных вод.
Зябко, очень сыро,
Сумрачно и сиро,
Холод лезет в дыры,
Смертная тоска!
В тёпленьких квартирах
Тешат люд кумиры,
Что в экранном мире
Веселят пока.
Плащ давно промочен,
Грязью оторочен,
Дело ближе к ночи,
Выбраться бы мне.
Вымоталась очень,
Путь и день закончен,
Не осталось мочи,
Вот и свет в окне...

У ДВЕРИ

(Вот стою у двери и стучусь...)

За спинами вёрсты,
Пустыни и льды.
А счастье так просто,
Вне слов, суеты.
Уютно быть рядом,
Спокойно с тобой.
Мне много не надо,
Прошу, дверь открой.
Тепло в твоём сердце
Ищу и покой,
Пусти погорельца
На долгий постой.
Устав не нарушу,

Я буду тиха,
В груди твоей слушать
Биенье стиха.
Целителем стань мне,
Быть слабой позволь,
Про горькие будни
Забуть и про боль.
Я вылечусь вскоре,
К родным берегам,
К несбывшимся зорям,
Приснившимся нам,
Однажды, поверь мне,
Сорвёмся в полёт,
Но жаль, что от двери
Не помнишь ты код.

* * *

После дворцов –
Да в коммуналку,
В костный остов,
Формы так жалки.
Были лучи –
Волосы стали,
В тёмной ночи –
Звёздные дали.
Что же потом?
Нет былой мощи,
Где же мой дом?
Вдохи на ощупь.
Кожа груба,
Муки рожденья.
Что за судьба?
Рок притяженья.
Бог стал бомжом,
Вывернув душу,
Хрупкий излом –
Кости наружу.
Есть ли предел?
Цепи, оковы,
Крестный удел
Снова и снова.
Чей я азарт
В партии вечной?
Пат или мат,
Долг человеческий.
Клетки, доска –
Правила строги,
Режет тоска,
Вески уроки.
Но иногда
Огненной пылью,
Ветром обдаст
Память о крыльях.
И нищета,
Боль и разруха
Тают тогда
В пламени духа.
Опыта суть –
Жизнь не напрасна.
Молнии путь –
К огненной плазме.

* * *

Если б на денёчек
Пробудиться мне,
Где услышу: «Доча!» –
Явно, не во сне.
И встряхнув бывалый,
Но родной портфель,
Нет, не опоздала б
В школу я теперь.
Поскакала б в «классики»,
Съехала с перил,
Подмигнула классикам,
Взгляд чтоб не корил
Их с портретов важностью,
Строгостью. Спешу:
Что-нибудь однажды я
Тоже напишу.
Пусть за косы дёргает
Юрка, как всегда,
Я такая строгая,
Делом занята,
И теперь, внимательно
Выслушав урок,
Подвела бы тщательный
Прошлomu итог.
Хулигану Петке я
Снова б задала,
Хоть в засаде встретить меня
Он из-за угла.
С ним бы поборолась я
Под ребячий гам...
Только на три голоса
Слышу слово: «Мам!..»

* * *

Капли жизни, капли жизни,
Не отмерено и лишней.
Где-то там по воле вышней
Всё рассчитано за нас.
И от крика и до мига,
От орфеев к эвридикам,
До тоскующего блика –
Вышних сил святой заказ.
Снова грянет залп сражений,
Воплей до изнеможений,
Гул вулканов, извержений,
Кружит времени спираль
От засохшего листочка

Татьяна Бутяйкина

г. Воскресенск, Московская обл.

ИСКУССТВО НАЧИНАЕТСЯ В САДУ

* * *

В нашем саду весна и, как всегда, цветёт сакура, распускаются тюльпаны, шафраны, гиацинты. И каждый раз, гуляя по саду, ждёшь чего-то, боишься уйти, пропустив какой-то волшебный миг. Я знала, что должно было случиться чудо! В нашем саду теперь живёт искусство. Может быть, оно всегда здесь было? Просто ждало своего часа, своего дня и того человека, который бы увидел, почувствовал, что именно здесь и должен возникнуть Театр. Когда в Театре спектакль, сад кажется таким светлым, радостным, праздничным. В нашем саду снова слышны молодые голоса артистов, желанные звуки музыки, а зрители выходят из Театра после спектакля счастливые и радостно вдыхают чистый и наполненный ароматом цветов и весны воздух.

Миллионы раз спрашиваешь себя: «Неужели тебе не хочется проникнуть в этот новый мир, узнать тайны Театра, остаться в нём, спрятаться в темноте и наконец увидеть, где же начинается искусство?» Но нет... Театр, как и сад, открыт для всех, но хранит в себе много загадок, пытаюсь разгадать которые, ты каждый раз получаешь новый ответ.

ВЕЧЕР В С.А.Д.У

– Когда гуляешь по Ботаническому саду впервые, надо быть очень внимательным, иначе можно заблудиться, – сказал мне экскурсовод. Но я всё же решила остаться и ещё немного походить по саду одна.

Весна в саду – это чудесное время! Жизнь здесь как будто начинается заново. Ты становишься свидетелем её рождения. Несмотря на то, что в саду было много людей и они о чём-то говорили, смеялись, фотографировали первые цветы, я слышала только тишину сада и ощущала покой, гармонию в душе.

– Природа, скажи, откуда в тебе столько красок? Как в тебе всё так прекрасно! – хотелось кричать мне.

Вот смотрю на магнолию... Она нежно-белая, такая тонкая и ранимая. Её называли «Звёздчатой». Да, действительно, похожа на звёздочку. Интересно, умеет ли эта магнолия светиться в темноте? Ветер так безжалостен к её лепесточкам, он тербит их, гнёт. Ветер, перестань, пожалуйста, не надо больше... Разве ты не видишь, какая магнолия хрупкая и беззащитная? А может быть, это ты так её любишь? Любовь ведь всегда разная. Бывает, что ради любимых всего себя человек готов отдать и всё сносить, терпеть он будет и любовь свою никогда не забудет. Любовь не только холодит, в душе дрожит и кожу мелкими мурашками покрывает, не только лепесточки гнёт, но и потом любовь тебя бросает.

Хотя это только выдумка моя. Мне это только кажется. А между тем, похоже, заблудилась я, и все ушли из сада. Куда же мне идти? И ветер что-то разыгрался, шею сильно холодит и волосы мне все взъерошил. Куда бы спрятаться от ветра мне? Войду в оранжерею. Пригнув голову, придерживая чёл-

ку, берусь за ручку двери и вхожу. Какое оживление! Вот куда все скрылись!

– Вы в оранжерею или на спектакль? – спрашивает меня высокий седой дядя, которого я поначалу немного испугалась, но в голосе его чувствовалась доброта и радушие. Безумно хотелось соврать и сказать, что я пришла на спектакль. Но когда ко мне обращаются тепло и по-доброму, я теряюсь и говорю всё как есть. Седой дядя отошёл от меня. Сколько времени прошло, а я до сих пор не знаю его имени.

К моему удивлению, я оказалась в театре. Раньше мои друзья и знакомые говорили, что у меня богатое воображение и что я мечтательница. Но отныне я в это не верю. Даже в самых необыкновенных мечтах я не смогла бы представить себе, что из оранжереи Ботанического сада можно попасть в театр. Меня очень заинтересовало всё происходящее, и я решила во что бы то ни стало остаться. Вспомнила, что мама просила меня позвонить и сказать, когда и на какой электричке я поеду домой. Но я не собиралась делать ни того, ни другого.

Делая вид, что мне нужно сфотографировать ещё несколько растений, я задержалась в оранжерее. Скоро стихли голоса зрителей, и в фойе погас свет. «Спектакль, наверное, уже начался», – грустно подумала я, решив, что ждать больше нечего. Билета у меня не было, поэтому оставалось только отправиться к выходу. И вдруг я услышала, как кто-то бежит по направлению к оранжерее...

Прежде чем продолжить рассказ об увиденном, следует заметить, что рядом с оранжереей, в которой я находилась, была ещё одна, вход в которую можно было увидеть через стеклянную дверь. В эту вторую оранжерею вела узенькая дорожка из трёх деревянных досок, а с левой стороны от этой дорожки слегка проглядывали растения.

...И я увидела двоих молодых людей – небольшого роста девушку в длинном платье и строго одетого юношу. Они завернули во вторую оранжерею и побежали по узкой дорожке. Я слышала, как девушка смеялась, словно ребёнок, они что-то говорили и продолжали бегать во вперёд, но назад по деревянным доскам. Затем парень и девушка куда-то пропали, и всё затихло... Я медленно вышла из оранжереи и направилась к выходу из сада.

Парень с девушкой, конечно же, оказались актёрами. А то, что я увидела, было частью театрального действия – так начинался спектакль «Аркадия», первая постановка молодого Театра С.А.Д....

ОН, ОНА И ТЕАТР

– Какой дивный сад! Когда я здесь, мне хочется думать только о хорошем, и все люди мне кажутся добрыми, светлыми, родными. Взгляни – все счастливы! – говорила Она, и глаза её действительно были наполнены радостью. Но по лицу и дрожащему, звонкому голосу девушки нетрудно было понять, что Она плакала в своей жизни так же часто, как и смеялась.

– Тебе нравятся эти тюльпаны? – снова заговори-

ла Она. – Они нежные и красивые. Их лепестки напоминают мне крылья бабочек, такие же кругленькие, с яркими полосочками. Кажется, будто кругом освещённая палящим солнцем зелёная трава, а на ней много-много разноцветных бабочек. Лепестки у тюльпанов как живые, особенно когда слегка вздрагивают при слабом ветерке. А тебе что здесь нравится? Почему ты молчишь?

Он подошёл к ней и тихо-тихо прошептал, прилизав губы к её ушку:

– Я вижу здесь только тебя...

Она порывисто взяла его за руку и сказала:

– Идём!

– Куда?

– Сейчас увидишь. Идём же! Скорее!

Она повела его по изгибающимся дорожкам сада, мимо главного, длинного пруда с чистой, прозрачной водой и небольшим фонтаном, а потом мимо Черепашьего бассейна. Впереди была оранжерея. Но, почти вплотную подойдя к ней, девушка неожиданно повернула направо.

– Смотри, – сказала Она. – Театр... С.А.Д....

– Настоящий театр в саду? – удивлённо спросил Он.

– Да... Ты только подумай: это же новая жизнь внутри жизни сада. Если бы здесь не было Театра, его непременно нужно было бы придумать. Давай зайдём внутрь.

Она и Он вошли в помещение. В фойе горел свет, но кругом было тихо.

– Аквариумы... Как я их люблю! – вдохновенно сказала Она. – Камушки, а вокруг них водоросли, напоминающие игольчатые звёздочки. Смотри-ка, рыбки, маленькие-премаленькие, почти с мизинец.

Она ходила и рассматривала аквариумы. Он медленно подошёл к ней и робко спросил, боясь потревожить её радостное, слегка возбуждённое состояние:

– А где же театр?

– Здесь, – улынувшись, ответила Она. – Вот за этой дверью. Там, наверное, сейчас идёт репетиция нового спектакля. Слышишь? Кажется, заиграла музыка... И все актёры в ярких, красочных костюмах. Может быть, они ставят какую-нибудь сказку?

– Но я ничего не слышу, – говорил Он, поводя плечами.

– А мы и не должны ничего слышать. Это можно только представить...

Она заворожённо смотрела на дверь, ведущую в зрительный зал, и неторопливо, полуслёпотом говорила:

– Рождение театра и нового спектакля происходит в полной тишине. Настоящее искусство не любит постороннего шума и громких слов. Днём любому человеку здесь всё кажется пустым, молчаливым и одиноким, но вечером Театр оживает, преображается, обновляется, пышно расцветает, словно сад весной. Все зрители и гости Театра становятся друг другу друзьями, они счастливы. Их душа ждёт чуда, волшебства, и оно совершается у них на глазах...

Он осторожно дотронулся до пальчиков её руки, нежно провёл по ладони. Она медленно повернула к нему своё лицо и увидела его глаза, светящиеся, может быть, от слёз, может быть, от счастья, а может быть, от предвкушения нового чуда...

– Я... давно хотел... тебе... сказать... – немного дрожа и запинаясь, произнёс Он.

– Что?..

Оба молчали.

Она взяла его руку, прижала к своей розовенькой щёчке, разгорячённой от волнения, и прошептала:

– Вот так...

7 мая 2014 г.

Надежда Вамуш

г. Москва

МОЙ СЛАВНЫЙ ДОБРЫЙ УГОЛОК

Есть среди болот, озёр Полесья мой славный добрый уголок,
Под сенью векового леса, у перекрёстка трёх дорог:
Тут деревенька ярче солнца сияет золотом песка;
Тут пьёт журавль ведром с колодца святую влагу родника.

Где Припять разливает воды весенним паводком под дом,
Где пролетели детства годы под тёплым маминым крылом.
Здесь всё знакомо: каждый кустик, за поворотом поворот,
Где с песнями, не зная грусти, жил добрый и простой народ.

В весеннем нежно-белом платье, в цветку черёмух и садов,
Раскинет радостно объятья мой край полями васильков.
Где клонит ветви скромно ива, полощет синеву небес,
А облаков седые гривы развесил на макушке лес.

Блестит излучинами, тая, речушка среди цветных лугов,
В полях ромашкового рая, меж двух холмистых берегов.
Есть среди болот, озёр Полесья мой славный добрый уголок,
Родное сердцу поднебесье и перекрёсток трёх дорог.

ОБНИМАЯ РУСЬ ЗА ПЛЕЧИ

Обнимая Русь за плечи, прописалось на дворе,
Вышло зимушке навстречу бабье лето в сентябре.
Расстелив лоскут парчовый, льнёт к душе земли теплом,
Раздарив лесам обновы, льёт дожди из рукавов.

Пронизав лучом ажурным ветви ели голубой,
Засияв листвою пурпурной, щеголяет над рекой.
Зазвенев сусальным златом, разукрасив клёна лист,
Расстилает плед богатый, покрывала на карниз.

Закружила птичья стая, собираясь в дальний путь,
Поднебесье окликаая, сеет в нивы зерна – грусть.
Холода не за горами, но вернутся вновь весной
Снова в лебединой стае дочки Родины святой.

Улетит и бабье лето на крылах гусиных стай,
Загрустят опять рассветы, разольются через край.
Расплескав печаль дождями, окропив слезами высь,
Воспарит над облаками стон прощальный с верой в жизнь.

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ДАМА

Величественна поступь светской дамы,
Усыпан охрою нарядный шлейф,
Палитра тонких сплавов амальгамы
Или простой девчонки смелый блеф?

Плывущие по небу пилигримы,
Осенних дней багряно-яркий флёр,
Повторы прошлогодней пантомимы,
Надменный, горделивый взор.

Причудливый орнамент арабески,
Переплетенье линий, завитков.
Пылают разноцветные подвески,
Как искры догорающих костров.

Пронизывая солнцем и сгорая,
Бросая в ноги жёлтый листопад,

В витринах позолоченного рая
Блуждает дама-осень наугад.

Романтикой пропитан воздух рыжий.
Развесив в парках яркий канделябр,
Любуясь иллюстрированием книжек,
Листает осень красочный сентябрь.

СБЕГАЕТ ЛЕТО

Качает солнце на верхушках лес,
Поёт теплу осеннюю осанну.
Льёт дождик серебро из рук небес
На красочную ягоду-полянну.

Прощаясь с нашей средней полосой,
Торопится согреть последним взглядом.
Плутает август месяц над рекой
И светится улыбкой ярких радуг.

Хоть серебрится иней на висках
И ночи всё становятся короче,
Заманит яблоком в густых садах
И сладким запахом медовых бочек.

Душистым хмелем вьётся у плетня
И уступать позиций не намерен,
Скворцов окрепших дружная семья
Засобиралась на курортный берег.

Грибные нити проливных дождей
Прошили землю частыми стежками,
Ватагой шумной светлых летних дней
Сбегает лето, не простившись с нами.

ЛЮБЛЮ ХРИСТОВЫ ОБРАЗА

Мне ни к чему сияние Нью-Йорка,
Американский мне претит менталитет.
Дороже васильковая сторонка,
Искристей милой Родины рассвет.

Я прикипела клеточкою каждой
К сосновым и берёзовым краям,
Мне утолит глоток водицы жажду,
Когда прильну к родимым родникам.

Мне ветер шелестит признанья в уши,
А речки манят к травным берегам,
Усталую израненную душу
Залечит елей смоляной бальзам.

Расскажет про любовь цветов ромашки,
С кукушкой годы насчитает лес,
И нет на свете высоты глубокой краше,
Чем синева и блеск моих небес.

Мне ближе и дороже звёзд мерцание,
Где разлился по небу млечный мост,
На русском я приемлю понимание
И образа люблю, где мой Христос.

И ВОЙТИ В ХРАМ СВЯТОЙ

Мне прильнуть бы всем телом к родимым краям,
Мне бы вмиг одолеть расстояния,
Мне бы к ранам души приложить рек бальзам
И войти в Храм святой с покаянием.

Мне б испить родниковой воды хоть глоток,
Мне бы с Родиной слиться дыханием,
Вновь макнуть свою душу в целебный исток
И войти в Храм святой с покаянием.

Мне б услышать церковей православную песнь
И принять благодать на ладони –
Мироточной иконы добрейшую весть.
Звон ловить от святой колокольни.

Мне б вдохнуть полной грудью весь запах земли,
Мне б на радуге взмыть до вершины,
Мне б услышать, что шепчут в лугах ковыли,
И от счастья порхать в небе синем.

Мне бы светом наполнить себя до краёв,
Мне бы Божью искру понимания,
Я, как Данко, отдать своё сердце готов
И войти в Храм святой с покаянием.

ПРОЩАЛЬНЫЙ БРИЗ

Сползла заря медовой яркой патокой
Каймою на земной карниз,
В охапку прихватив тепло закатное,
Летел над морем синий бриз.

Шурша по гальке пеною игристой,
Исполнив летний бенефис,
Бросал он волны за волной неистово
И бился о прибрежный пирс.

Прощалось море, провожая вздохами,
Вонзалась в сердце лентой грусть,
А ночью с плеч свалило с грохотом
Палитру чувств и гневный груз.

Вздымало лунный след на гребне времени,
Фырчало на девятый вал,
Казалось, вынырнет вот-вот из темени
И убежит на летний бал.

Сползла заря медовой яркой патокой
Каймою на земной карниз,
В охапку прихватив тепло закатное,
Летел над морем синий бриз.

РАССВЕТ

Я сегодня видела рассвет,
Он стелился кротко, невесомо,
Излучая нежно-алый свет,
Был, как совершенство, тихим, скромным.
Точно он пришёл из детства вновь,
Проскользнул по солнечной поляне.
Явно ощутив его любовь,
Вспоминала я о милой маме.
Он взглянул, и стало вмиг светло,
Благодать лилась в ладонь земную,
Льнул к душе земли своим теплом
И сливался с нею в поцелуе.
Так, рождая в мире чистоту,
Восходил осенней рыжей ранью,
Рассыпая свежесть, красоту,
Он творил изящно, гениально!!!

Сквозь туманы сеял луч зари,
Яркой и, казалось, высшей нотой
Зазвучал. И будто фонари
Разжигали в парках позолоту.
Так рождался новый светлый день,
Шёл, приветствуя людей улыбкой.
С лиц стирая серость, грусти тень,
Исправлял вчерашние ошибки.

РОДНИКОВЫЙ КРАЙ

Родниковый край, дол ромашковый,
Глубина лазурных озёр,
Красота души под рубашкою –
Нараспашку синий простор.

Околдована речкой синею,
Высотой бездонных небес,
Врачевал тоску сок рябиновый,
Заговор шептал знахарь-лес.

Пробивая путь сквозь туман в ночи,
Светит мне звезда в добрый час,
Окропят струей чистые ключи,
Снимут ласкою чёрный сглаз.

Приглашает вдаль стая белая
Воспарить над вешней землёй,
Подниму свой взгляд, стану смелая,
Поднебесья коснусь рукой.

Помоги мне Бог, защити крестом,
Покидаю я птичий двор,
Полечу на зов, размахнусь крылом,
Поднимусь выше снежных гор.

Родниковый край, дол ромашковый,
Глубина лазурных озёр,
Красота души под рубашкою –
Нараспашку синий простор.

СИМВОЛ РОССИИ

Опять дождь рассыпал разметки косые
На русую, светлую синь,
Листвой шелестит нам берёзка России
В веках не забытую быть.

Ты символ Руси – белоствольная дева,
Венок в берегах синих рек,
Ты музыка, трель, задушевность напева,
Вдоль дальних дорог – оберег.

В высокой макушке, в зелёной причёске
Кудрявится пышно листва,
В подножье ромашки цветеньем неброским
Вплетают в подол кружева..

Так пой, шелести по мотивам российским
«Катюшу», «Калинку» и вальс.
Води хороводы на травах росистых,
Пускайся под «Барыню» в пляс.

Надень сарафан васильковый народный,
И пусть нараспашку душа,
Зато величава, горда и свободна –
Славянской красой хороша!

Александр Висленев

г. Санкт-Петербург

УТРО

(на картину Врубеля М. А.)

Разливается утро лиловым
Цветом сна, уходящие реки
Между старым и незнакомым
Проникают в закрытые веки.
Там скрываются тонкие грани,
За рассветом спешат появиться,
Всех сплетений и испытаний,
И мгновенно готовы разбиться.
А пока это утро нетленно,
Не отпето чувство разлуки,
Зазвучат отголоски вселенной –
В волосах заплетаются руки.
Неделимы остатки земного.
Нам душою – птицей парящей –
Жить осталось совсем немного
Между прошлым и настоящим.

НА ТОЙ ЧАСТОТЕ

Задёргивай шторы и смеялся слезами!
Нас смыло лавиной бессмысленных чувств,
И этому счастью я верю глазами.

И этим секундам, сгоревшим дотла,
Что звуками вторили нашим движениям.
Смертельные раны делились на два,

Ведь всё сокрушительно рвётся наружу,
Цепляясь за каждый измученный нерв;
Другого от этого мира не нужно.

И пусть я ослепну, умру, испарюсь
Для видимой части сего населения,
Услышав твой голос, я вновь обернусь.

Чтоб слышать и слушать на той частоте
Биение каждого стука сердец
В моей одинокой ночной пустоте.

Ведь всё сокрушительно рвётся наружу,
Цепляясь за каждый измученный нерв;
Другого от этого мира не нужно.

МНЕ ЭТО МЕСТО КАЖЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Мне это место кажется последним.
Я не люблю прощальных сцен,
Потому что, оставаясь верным,
Не пожелаешь строгих перемен.

Мне б видеть, как смеются люди,
Истошно из себя кидая смех.
И сердцу подобраться к сути –
Как в глубину закрытых век.

С порога на другой порог ступая,
Немного зацепившись за косяк,
Я мир иной в себя пускаю
И задыхаюсь им взятая.

И выдыхаю вместе со словами,
Спускаясь с ними вниз.
Опять по лестнице направо
И все кривляния на бис!

А честным ведь даётся мука,
Зато, смеясь, уходят в такт.
Неудержима боль разлуки,
Всё неизнанку, будет так...

SCHERZO

Разрушь, мой свет, границы.
Я всё же пытаюсь стереть
Их взгляды, их небылицы
Всё душат, не дав улететь!

Теплом одари моё сердце,
Его я сожгу, не боясь,
В магическом темпе скерцо
Под ветер, танцующий вальс.

И чувственно сжатые руки.
Пусть звуки оглушат меня!
Я отдан глухим на поруки
За то, что я час без тебя.

За все мои четверти тона,
Небес сокрушительный смех.
Да голос, кричащий вне дома,
И ряд телефонных помех.

С рассветом! Замёрзшие лица!
Умыться дождём не спеши.
Проснулась уставшая птица
Дрожью ожившей души!

БРОДЯГА

На Фонтанке знакомой
У стен её крепких
Бежит за подмогой,
Взывая, крича,
Какой-то бродяга,
Один из тех светлых,
Один из тех светлых,
Кто рвёт сгоряча.
Спокойно все мимо
Проходят, кто пляшет,
И будто бы мимы
Рисуют пейзаж –
Ненужный бродяга
Руками всё машет,
Руками всё машет,
Как уличный страж.
Он знал, что не будет
Обратно ответа,
Пускай все осудят
И бьют его в пах!
Жена и бродяга,
Родная поэта,
Родная поэта
Умерла на руках!

ФАНТОМЫ

Звёзд миллионы,
в истоме фантомы.
Ты держишь руками
горные склоны.
Прижались к земле
и готовы молиться
за тех, кто успел
возродиться...

Иван Водяков с. Краснополье, Мордовия

Родился 15 мая 1972 года в селе Мордовские Парки Краснослободского района Республики Мордовия.

Закончил Краснослободский аграрный колледж по специальности «Агрономия».

Работал учётчиком тракторного парка, председателем наблюдательного совета, заведующим зернотоком СХПК «Красный пахарь» с. Краснополье, председателем Краснослободской МО ВОС.

Всю свою сознательную жизнь посвятил сельскому хозяйству, живя и работая в селе Краснополье.

Стихи печатались в районной газете «Красная Слобода», в сборниках: «Антология одного стихотворения о любви» (МРО ОООП «Литературный фонд России», Саранск, 2013), «Философия жизни» (Издательский Дом «Серебро Слов», 2014).

Я ВЕРЮ, ЗВЕЗДА ВОССИЯЕТ

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных
жителей земли...

Николай Рубцов

Поверь, придёт пора – средь звёзд на небе
Вновь смело вспыхнет яркая Звезда!
На ту Звезду над пажитями хлеба
Нам соловей укажет из гнезда.

Она сиять на небе будет вечно
Для нас с тобой, измученный народ:
Ты тяжкий труд вершишь, порой беспечно,
Но от сохи дошёл до «К-700».

Нам суждено по правой Божьей Воле
Растить с весны до осени хлеба,
Не чувствуя усталости и боли,
Отдав земле без ропота себя.

Наступит ночь – вновь воссияет ярко
ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ, наш освещающий луг:
И для тебя, крестьянина из Парок,
И для тебя, мой наилучший друг.

Сияй, сияй, гори, Звезда над полем!
От Бога излучая чистый свет,
Дари тепло широкому раздолью
На тысячу вперёд отрадных лет.

* * *

От дороги в сторонке сосёнка
Мне приветливо машет крылом.
На краю Краснополя избёнка,
То родимый мой старенький дом.

Здесь я вырос, мечтая о счастье
Для своих земляков и крестьян.
Но нагрнуло нынче ненастье
Обесценилась жизнь могикиан.

Как жестоко с людьми поступили,
А во имя чего? Не пойму.

Что за мару народу внушили,
Направляя на гибель, во тьму.

И в погоне за славой, за властью
Не считают погибших людей.
Мы плывём, покоряясь напастям,
На «Титанике» чьих-то идей.

ОТВЕТ НА БАНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Однажды спросил мой знакомый:
«За что вам даются стихи?»
На этот вопрос я, нескромный,
Ответил: «Они – за людские грехи!»

Банальный ответ, да и только,
Задал и ему я сложный вопрос:
«А как тебе пашется, Колька,
Земля, на которой ты рос?!»

Земля, уходящая прямо в небо,
Просторы полей без конца, без границ.
В надежде взрастить нам желанного хлеба
Испишешь плугом сотни тысяч «страниц».

Посеешь на поле овёс и пшеницу...
И сколько ты сил своих добрых отдашь?!
Поэт же напишет всего лишь страницу!..
И строчку за строчкой проводит монтаж.

Как много изводит бумаги
И мысли фильтрует чрез призму лучей,
И сколько же надо отваги,
Чтоб звонко звенели слова, как ручей!

Частенько у Бога ты просишь погоды,
А я же у Музы – новых идей,
Прошу вдохновенья на долгие годы
Для будущих творческих дней.

И так ослепительно слов этих действие,
Читая стихи, наслаждаясь игрой
Поэта, который пришёл, как нашествие,
И мир заслонил на мгновенье собой!

МОЁ СЕЛО

Мне долюшка досталась
Быть эхом деревень.
Моё село вписалось
В невзгоды перемен.
...Стоит оно, веками
Храня и множа быт.
Хозяйскими руками
Поныне хлеб растит.
И, глядя вдоль Вселенной,
Дела земли верша,
Село столицей сенной
Поднялось не спеша.

Прошли труды и годы
В борьбе за нашу жизнь.
Менялся лик природы,
Менялась даль и близь –
Село не пало духом
Под натиском машин, –
Но снова слышит ухо
Удар незримых мин...
Глядит печальным взором
И, с думой о былом,
Стоит село дозором,
Как встарь перед врагом.
И кто тебя услышит,
Из праха воскресит?..
Здесь всё на ладан дышит.
На ниточке висит.
Ты смотришь с замираньем
На Запад, на Восток –
Томимый ожиданьем,
Бросаешься в поток
С молитвой, с верой в Бога,
С надеждой на успех!..
К тебе одна дорога,
Зовущая нас всех!

ДОРОГА

Разметала нас дорога,
И, куда ни глянь, кругом
То овраги от порога,
То посадки за селом.

Та дорога, как основа,
Сёла делит пополам:
Вот Дубровки, Куликово,
Парки рядом... где я сам?

...Помню, ехал я учиться
Той дорогой с ранних пор...
И теперь ночами снится
Интернатский старый двор.

Поскитался я по жизни:
Был Ардатов, был Учхоз.
В Краснополье,
в Парках ближних
На работу взял колхоз.

И наказ мне даден строгий
В Краснополье был давно:
Раз уж выбрал ты дорогу,
Не сворачивай с неё.

И смотрю я из окошка:
В поле рожь стоит стеной,
Протекает речка-крошка,
Где овраг у нас большой.

Жить мне в этой глухомани,
Потому что я до слёз
Полюбил, когда в тумане
Золотится в поле рожь!

* * *

Может, в чём-то я не прав?!
Да, наверное, возможно.
Если что, меня поправь.
Впредь я буду осторожно
свои мысли излагать.
Звать своими именами,
чтобы не было меж нами
ни препятствий, ни преград.
Если что не так, скажи:
Мол, всё это не серьёзно
и в дальнейшем будет сложно...
Да, возможно, это так.
Только я не буду лгать,
слов на ветер не бросать.
Если надо замолчать,
замолчу, уйду навеки,
для того чтоб благодать,
к нам ниспосланная свыше,
посетила твою душу,
твоё сердце, твою крышу...
Лишь бы ты смогла летать,
повторяя днём и ночью:
– Ах, какая благодать! –
видя солнышко воочию!

* * *

Все мысли о тебе.
И ночью нет покоя.
Гадаю в полутьме,
Перед иконой стоя.
Терзает душу мрак.
Застыла ночь в проёме.
Средь этой пустоты
Всегда страдают двое.
И SMS летят
В пространство неземное:
Любовь – это добро?!
Но отчего же двое
Терзают по ночам
Сердца свои до боли?!
И падают к ногам
Листки бумаги белой:
Я всё тебе отдам,
Открою настежь двери!
Зайду я в Божий храм,
Где, стоя пред иконой,
За все грехи воздам
И душу успокою...
Любовь – это добро!
И лечит души наши.
Я знал это давно,
Но отчего ж тем паче
Страданиям нет конца –
От самого начала.
До смерти – до конца...
Любовь возьмёт своё –
И ей всё будет мало.

* * *

Неровное дыханье.
Не в меру пауза длинна.
Гляжу на расстояние,
А пред глазами пелена.

Сердце не стучит, как прежде.
Нарушен ритм,
И кровь бежит быстрее.
Душа стремится
Выбежать наружу,
И сердце хочет на свободу с
ней.
Они хотели б
Жить в иное время,
Не в этом теле,
Чахлом и больном.
Оно боится холода и зноя,
Не любит боли и страстей,
Желает радости, покоя...
А сердцу нужен
Вечный бой!
Душа, неугомонная
Такая,
Стремится всё
Нарушить жизни строй.
Ей подавай любовь и море,
И райский сад,
Где Ева
Дарует плод
Запретный свой.

* * *

Тихая улица.
Дом у пруда.
Солнце встаёт.
Не торопится...
Жизнь утекает,
Как в речке вода!

Здесь ведь когда-то
Играла гармоника.
Песни звучали
На разный мотив.
Строилась улица...
Дружно и весело
Было на улице
Нашей всегда.

Тихая улица,
Дом заколоченный.
Люди уехали
В город большой.
Нету села,
Ни названья,
Ни улицы...
Пустошь молчит,
Обросла лебедой.

* * *

Что, если ты душою не угасла.
Что, если ты всё думаешь меж тем:
Вдруг к нам любовь придёт, придёт внезапно
И вселится к нам в сердце насовсем?..
Знай: к нам она приходит босиком,
Чтоб одеваться в нас – изысканные платья, –
А души вывернуть и бросить нагишом,
Рвёт наше тело, сердце рвёт на части:
Судьба и жизнь ей вторят в унисон.

СЕРДЦУ МИЛЫЙ ГОРОДОК

Всё мне снится Ардатов тенистый:
Тихих улочек домики в ряд,
И Алатыря берег холмистый,
И весенний, цветущий наш сад.

Не жалею о том, что я прожил
Десять лет в интернатской среде:
Здесь учитель мне знания умножил,
Научил закаляться в труде.

Не заметил, как годы промчались...
Эх, вернуться б мне снова туда,
Где берёзы так мило шептались,
Со звездой целовалась звезда!

На душе моей снова истома:
Не забыть дорогие года.
Старый город, где всё мне знакомо,
Где в реке – ледяная вода.

* * *

Одинокaя светит звезда
Мне в окно, пробиваясь сквозь тучи...
Я вас помню, люблю, поезда,
Вы стучите, колёса, стучите.

Пусть колёс ускоряется бег,
На Руси я – простой человек.
Но за мною останется след –
Добрый след моей жизни навек.

Вам, колёса, беда не беда!..
Проживу с ускорением дней,
Как вы прожили жизнь, поезда,
Унося к звёздным далям людей.

ОН УЛОВИЛ...

Светлой памяти Юрия Скрипкина

Средь серости, невежества и дикости,
Где злата блеск слепит иным глаза,
Где нет предела злобе, пошлости –
Он жил, сиял нам, как ЗВЕЗДА!

Он уловил, поймал вибрацию...
Прочувствовал струю стиха.
Поэт прошёл свою дистанцию.
Достоинo. С Верой... Всех и вся любя!

Ушёл от нас в пределы вечности.
Там Райский сад и Божий Свет!
А в нашей жизни море чёрствости,
Цунами зла и ненависти взлёт.

И несмотря на все страдания,
На прах земли... и зло, жива ЛЮБОВЬ!
ДОБРО неисчерпаемо! Ведь с нами Бог!
И лишь одно неистово желание

В поэтах будит, будоражит кровь –
Одна ЛЮБОВЬ! Она на расстоянии
Рождаёт строки вновь и вновь!..
Так и его любовь! Его добра желания...

* * *

N. N.

Я знаю, ты не веришь в чудеса.
А веришь искренне в добро и счастье.
Так пусть твоя земная красота
Рассеет нам осеннее ненастье.

Ты не подумай, что твоя любовь прошла.
Нет. Нет! Она лишь на мгновенье
В берёзовой тиши сошла
От твоего случайного сомненья.

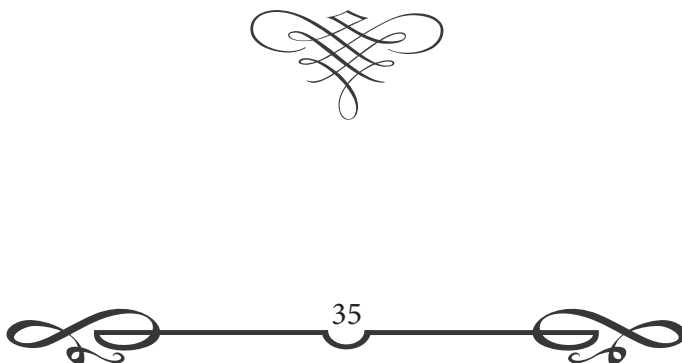
Твою любовь не омрачит молва.
Ей не нужны людские разговоры.
Она всегда с тобой! Она жива!
И нипочём ей сплетни и укоры!

И среди всей житейской суеты,
Среди коварства всё ж добро неистребимо.
Твоя любовь прекрасна, как и ты,
Летит на крыльях Серафима!

г. Москва

Жанна Германович

п. Ключи, Усть-Камчатский р-н,
Камчатский край

НА ГРАНИЦЕ МИРОВ

Пышет жаром могучая сопка,
Розовеет, густится туман.
А за кратер смешно и неловко:
Зацепился рожком хулиган –

Месяц юный с душою поэта
Жемчугами стихи рассыпал.
Звездопадом в ночи разодетой
Строки таяли, день утопал.

В хвойных дебрях янтарное небо
Расстило влюблённым постель.
Чудотворная нежная небыль
Разливалась пригоршнями эль.

Из глубин потаённое счастье
Наполняло мелодией лес.
На границе миров обвенчались
Дочь Земли и светило Небес...

Хлопья лавы, феерия света,
Испарился волшебный туман.
Но расскажут вселенские ветры,
Как чудесничал старый шаман.

ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

Надрывный визг измотанной болгарки –
Изглоданная ржавчиной судьба.
Зловонье пота, спирта и солярки,
Понурая, в рванине голытьба.

Приют души – прогнившая хибара.
Поодаль – деревенское жильё.
В соседях вислюхая орава
Да в лежбищах голодное зверьё.

Дымит костёр, озлобленные лица,
Облизанное копытю тряпье.
А мысль одна: скорей опохмелиться
Да выменять болванки на питьё.

Гниют, сопливят гадостные кучи,
Чихают в чавканье сапоги.
Мадам, тайком прихлёбывая «Gucci»,
Шарахалась под матерный загиб.

А дед, судьбой пришибленный, патлатый,
С обрюзгим и нахмуренным лицом,
Копал канаву ржавою лопатой,
Плевался, но держался молодцом.

Заслышав скрип рессор мусоровоза
И карканье летящих вслед ворон,
Помчались пораженные циррозом
К загруженной машине напролом...

Смердит и манит нищую ватагу
Помойка – хлебосольный полигон.
Имела я терпенье и отвагу
Грошовый собирать металлолом...

НЕМНОГО ТЕХ...

Немного тех,
Кому безразличен волка вой,
Кто мимо не пройдёт
Уставшего бродяги,
Кто в этой жизни болен не собой
И свой кусок последний
Отдаёт дворняге.

Да! Мало их!
Земля не запасла их впрок.
И в этом наша нищета сказалась!
Но будет, люди, вам урок,
Когда воспрянут те,
Кто вызывал у вас лишь жалость.

ЗДЕСЬ ИСТОРИЕЙ ДЫШИТ ЗЕМЛЯ

К 88-летию
Усть-Камчатского района

Говорят, что ещё рановато
Вести летопись – им не верь!
В этой дате – иная дата,
Слёзы радостей и потерь.

Говорят, тишина и усталость
Убаюкали наш уголок...
Ты не верь! Это им показалось!
Поцелуем туман обволоку...

Говорят, здесь лютуют зимы...
Камчадалам снега – постель!
Охраняют в ночи незримо
Исполины мою колыбель.

Говорят, здесь восход прекрасен!
Удивителен наш закат! –
Пепелинки вулканов красят
Веки звёзд, горизонта скат.

Кто-то скажет, в бурьяне тонут
Позаброшенные дома,
Что скучает волна в затонах,
Куролесят в сердцах шторма.

Ты не верь верхоглядному слову!
Об истории здешних мест,
О судьбе казаков суровых
Шепчет песнь водружённый крест.

Жаль, не сыщешь сегодня на карте
В вечность канувших деревень,
В них скучает пурга по нартам
В лисьей шапке, что набекрень...

ПРИШЛИ ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Пришли иные времена,
Закрита наглухо калитка.
Осталась в прошлом Зимина,
Стихи наивные в избытке.

Остались в прошлом письма –
Звенящей юности капели.
Тогда была я влюблена,
Снега на солнце голубели.

Пленила душу круговерть,
И будни правят монотонно.
Вчера написанное «Впредь»
Устало вторит баритоном.

Но сердце возвращает пыл,
А взгляд угрюм, но прямодушен!
Кровит поэзия-распил,
Хуля игру единодуший.

Сполна отчаянья хлебнув,
Пишу бесхитростно и смело,
Круша стихами тишину,
В умах засеваю умело.

Клинком багровая роса
Наотмашь бьёт проникновенно –
Судьбы безжалостный корсар,
Бунтарски вспарывает вены.

Настало время перемен,
Открыта в будущность калитка.
Людской беспечности взамен –
Лавина чувств, в переизбытке...

ТЯНЕТ ВОНЬЮ НАВОЗНОЙ МОЛВЫ

Ты не мил мне, ни капли не мил!
Лживым взором надежду давала.
Мало кто мою душу ценил,
Многих лишь от тоски целовала.

Распылив свою нежность во мгле,
Нелюбимых стихами ласкала.
Я искала на грешной земле
Чувств незримое покрывало.

Мне и жалость твоя ни к чему –
Переполнено сердце отравой!
Прислонившись к чужому плечу,
Так бесславно себя растеряла.

И не сыпь песен прямой любви,
Мной позналась лихая отвага –
Я вливаю в галдящие рты
Правды глгуче-ядрёную брагу!

Только всё ж опоили меня,
Обласкали, швырнули в канаву –
Тянет вонью навозной молвы,
Да галопом чернящая слава...

Я ОТЫЩУ СВОЮ ДОРОГУ

Пал закат янтарной грустью,
Тихо охают хребты.
Я в камчатском захолустье
Всё ищу его следы.

Дорог мне он, как и прежде,
Как ни отрекалась я.
Обручённая с надеждой,
Завлекаю тополя.

Верю я, что не напрасны
Капли слёз моих – чернила.
Для поэта распрекрасны
Жизни новые мотивы!

Я с разорванной душой
Выйду в поле, внемля Богу,
И в обнимку с красотой
Отыщу свою дорогу!

Я ЗНАЮ, ТЫ СЕГОДНЯ ТАМ

Я знаю, ты сегодня там,
Где пьют вино и распевают песни.
А я, блуждая по ночам,
Жду о тебе скуных известий.

Я знаю, ты сегодня там,
Где в танце кружится веселье,
Где общество загульных дам
Сулит лишь лёгкое похмелье.

Я знаю, ты сегодня там,
Где гомон, флирт –
неистово волнение.
Слоняешься по кабакам,
«Спасая» душу от забвенья.

Я знаю, ты сегодня вновь
Утонешь в ласках нелюбимой.
А взбудораженная кровь
Разбудит чувств поток незримый.

Я знаю, ты сегодня с ней
Бокал любви до дна осушишь,
А я, шатаюсь у дверей,
Топлю в вине
распластанную душу...

Но верю я! Я буду там,
Где ждут меня, моих известий,
Где рады искренне стихам
И безрассудству сумасшествий!

МЫ ВСЕ НЕМНОГО НЕ В СЕБЕ

*Посвящается поэту
Павлу Кобзеву*

Не каждому дано искрить
С души идущими стихами,
За нелюбовь – любовь дарить!
И осыпаться лепестками...

Изящным ангелом парить
И разговор вести с богами,
В мирах невиданных кружить
И целоваться с небесами.

Не каждому дано узреть
Оскал теней, поток видений,
Колючей ряби лихолетье –
Фонтан щемящих вдохновений...

Мы все немного не в себе –
Мы все больны шизофренией...
Спасибо, милый друг, тебе,
И да святится твоё имя!

26 – НЕ ЮБИЛЕЙ

Да, двадцать шесть – не юбилей
И не привет из детства.
И взгляд предательски взрослей –
Прощай, шальное малолетство.

Душа, устав, уткнулась в быт,
Бормочет опыт за плечами...
Я лишь мечтаю полюбить,
Да так, чтоб воспевали!

Я НЕ ПОГАСНУ

Что я творю?! –
Здесь смерть давно уже не
властна!
Встречая алую зарю,
Я шлю стихи тебе напрасно...

Мой друг!
Зарделась новая звезда:
Ей – Жанна – пламенное имя!
Наперекор всему живая,
Я не погасну с остальными!

Смахни слезу, застывшую во мгле,
Давно не излучавшей свет.
Наперекор себе и всем
Я жду лишь мимолётное
«Привет»...

Я ПОМНЮ, В ДЕТСТВЕ

Я помню, в детстве мы на горке
Играли, звонко так смеясь!
А снегопад кружил так ловко,
Под ноги нежно нам ложась.

Чисты мы были и открыты,
И мир, казалось, был добрей,
А в наших маленьких головках
Теснилось множество идей!

Нам щебет птах казался песней,
Ручей – безбрежною рекой,
И хмурый день
для нас был весел –
Всё заполняло нас собой!

На звёзды глядя изумлённо,
Мечтали каждый о своём.
Спешили стать, конечно,
взрослыми
И торопили день за днём.

Нас всё влекло, всё занимало,
Всё ранило наивные сердца!
И целого нам мира было мало –
Таким был ты, такой была и я.

Да, мы давно уже не дети,
Исчез задор, угасло озорство.
И оттого немного грустно,
Что детство милое прошло...

Ли́ка Градо

г. Гатчина, Ленинградская обл.

ЕСЛИ ТЫ – АНГЕЛ

Когда-нибудь ты вспомнишь, что тебя
Никто не ждёт...
На той доске почёта
Висит до дыр затёртый переплёт –
Житейской книги с прерванным полётом
В расчерченное небо...
На земле
Нет лёгких снов под шёпоты туманов.
И Бог не ходит бóсым по воде
Под возгласно-хвалебное:
Осанна! –
Твоё.
Стоит на цыпочках луна,
А ночь срывает луч последней песни,
Где ты из распростёртого окна
Выходишь...
И летишь без всяких если.

ИСТЕКЛО

Время истекло для нас обоих,
Время и стекло – хрустально-хрупки...
Обновленьем светятся обои
Старых стен, клеены зарубки
В доме с пряным запахом корицы.
Будоражит шлейф воспоминаний.
Он – не смеет взять и обнулиться,
И – встают события рядами:
Где дышали счастьем и не очень.
Следом в след, разрозненно и вместе
Привыкали, и ругались в клочья,
Но любовь сквозила в каждом жесте.
А теперь – увязли в равнодушье.
В нашем «мы» – былого притяженья
Больше нет... И дождик неуклюжий
Добавляет грусти к ощущениям.

УЗЕЛКИ

Без крыльев, знаю – нет большого смысла:
Мечтать, молотить в муку кубинский кофе
И ведра укреплять на коромысле
Пустые – просто снова став покорной
Судьбе. И не выдумывать начало
Конца, где тихо птахой умираю,
Ведь волны, на которых укачало,
Уснули. И в сомнениях одна я
Осталась. Под слюнявые напевы
Дождя – истошным криком заливаясь...
Узлы на память заплетаю нервно,
Внутри мне больно ощущать их завязь.

МЕЧТАМИ

Мечтали с тобою – дожить до ста,
А может, меньше?! –
В набросках мазками на ткань холста
Мужчин и женщин,
Сквозь жизнь проходящих вразброд, толпой –
Предельно близко,
В трамваях, ползущих с немой тоской.
Погодным флисом
Накроет утро сырой туман,
И небу ясно,
Что сорок лет мой самообман
В летальном танце.
Ни день, ни ночь –
Лет скользит поток
По брюхо в иле.
Мечты мечтами –
Сидят у ног в пустой квартире.
И снова голос из глубины
Предельно трубит,
Который раз, что не быть иным
С трусливым – ту би...
Плохая лодка,
Я – в ней игрок,
С пробитым днищем,
У прежней жизни беру урок,
Чтоб слыть отличным...

ПЕЧВОРК

Возникает внезапно оборванность,
И хоть волком вой,
Рви на лоскутки,
А сознание?
Заполнено хордами –
Шаг просрочен твой...
В половицах скрип
Явно слышен в избитой фантазии –
Мы построим дом,
Но одни ключи,
Где
В конце место девушкам в джазе
И
Слышен нервно: хлоп, –
А будильник? Пи... –
Бьётся громко в привычных конвульсиях.
Су-мас-шед-шая.
Что ты в ней нашёл?!
Возомнила, что может стать музою,
Главной жен-щи-ной
И нежней, чем шёлк.
Не бывает правдивой иллюзия.
Близок ло-ко-ток.
Не укушишь? А?
И поступки на дно тянут грузами,
Вызывая шок,
Да под белый флаг...

ОТВЕТНО-СКОРБЯЩЕЕ...

Эта тишина скорбная
Давит на виски...
Гордое
Зло танцует стёп.
Патовой
Кажется борьба.
В шахматном
Городе три дня траура...
Заживо.
Напалм в Тауэр –
В центре,
На родной площади,
Где брусчаткой мир мощный
Был.
Теперь – разлом, капище,
А в умах слезой –
Нам ещё –
Доползти,
Найти истину –
Кто же виноват в выстрелах...
И в остальном?..

ПОСТФАКТУМ

Фильм закончился: лента титров...
Маюсь маем и чем-то большим,
Окрыляюсь под трек «Энигмы»,
Но не вверх, а чтоб стало горше...

Что любовь твоя? Горстка пепла
На ладонях... Подул. Развеял....
Зеленела когда-то верба,
Но сломалась. Убийцы: время

И разлука. Ведь нет надежды
Там, у каждого груз с корытом.
Мотыльком я не стану, прежней,
Да и ты – будешь шито-крытым...

ПРИДУМАННОСТЬ

Я придумую:
Дождь,
Без которого засуха;
Несусветную рань,
Где так хочется выспаться,
Разгадав иероглифы чувственной
Азбуки,
И неважно,
Что с фресок посмотрят
Чуть искоса.
Под взъерошенным взглядом
Ссутюлюсь испуганно –
В мире взрослых людей
Радость – кажется слизанной.
Из пропущенных букв
Я составляю: БЕЗУМИЕ –
Удивительной жизни,
Что мною проиграна.
Откровенности взрыв.

Я по-детски,
Узорами,
Расплещусь тут и там,
Где попало...
И главное:
Утопая в зрачках этой
Пропасти с норовом,
Вспомню,
Что не однажды сюда уже
Падала.

ГРУСТНОЕ: ПОЧЕМУ?

Почему не летают люди? –
Оттого, что трусливей птиц;
Заменяют реальность студнем
Из восторженных небылиц.
Привыкая к тому, что тесно
В узких рамках весенних дней.
Ведь живут с теми, кто не к месту
И с годами – к ним холодней.
...Остывает меж нами лава,
Создавая стеклярус чувств.
Вот собрать бы роман по главам,
Где возможен с тобой союз,
И чтоб мир не казался бездной,
Не делился на от и... до.
А Сейчас – было самым честным.
Где есть я, где есть ты и дом!

ПЕРЕМЕНЫ

Человечьими грубыми играми полнится время цветное.
Я брожу по растрёпанным улицам, следом – луна семенит...
Наливаю в стакан молоко, словно сказочный Оле Лукойе, –
Забывая, что горькой иллюзией счастья по горло был сыт.

В джунглях города давят на хрупкую психику серые стены,
Дождик бисерно падает под ноги – пыль на века приглушив.
Убеждаю себя – отболит, перебесит во мне перемены,
И судьбы колесо повернётся, стирая обиды души.

БЕЗДУМНОЕ

Безумно, бездомно, безропотно играю с судьбой в поддавки.
Она с истерическим хохотом пытается делать шаги:
Сюда – чёрной пешкой на белое, а здесь – наступает ферзём;
Где Я – только видимость смелая под шквально-прицельным огнём...
Мне больно! – но звуки не слышимы. И крик, не родившись, угас,
Скребнутся сомнения мышками. А пульс марширует о плач
В бездушно-немом измерении, в стигматах исплаканых дум,
Где даже апрель по-весеннему играет сознательно в пул...

ВОПРОС

Аномально-восторженный март
За окном. Бубен солнца тревожит
Теплотой подзамёрзший асфальт
Городских тротуаров. Я кожей –
Ощуаю приметы весны
В цвете перворождённых проталин...
Но не в силах себе объяснить:
Почему стала встреча фатальной?..

ГЕРБАРИЙ ПУСТ

Гербарий отзвеневших отношений
Рассыпался по ветру шелухой,
Лишь капелька дождя, змеёй по шее,
Напомнила, что было хорошо

В некратных, незабвенных наших встречах,
Наполненных вином вечеров –
Был опыт уготованно-обещан
С прелюдией из нескольких ходов...

Николай Дик

г. Азов, Ростовская обл.

ПОЭЗИЯ УКРАИНСКОЙ ВЕСНЫ

Может, время поэтов прошло,
и майдана жестокая проза
все стихи превратила в угрозы,
а душевную дружбу во зло?
...Неужели под горькие слёзы
время добрых поэтов прошло?

А быть может, несчастный поэт
не дожил до весенней капели?
Разве этого люди хотели,
на майдане встречая рассвет?
...Неужели хохлом свиристея
можно дать на вопросы ответ?

Или, может, заморский мороз
отодвинул весенние сроки,
и теперь задушевные строки
под прицелом холодных угроз.
...Неужели в кровавой морозе
незаметно расстрелянных роз?

Всё возможно, когда за стеной
по Днепру,
как по сердцу когтями,
и помочь невозможно стихами
украинцам кровавой весной.
...Неужели чужими руками
управляют сегодня страной?

Как ни странно, надежда жива,
что затянутся раны когда-то –
вместе с Доном донецкая хата
вновь исполнит святые слова.
...Наша дружба
по-прежнему свята,
и любовь двух народов жива.

* * *

Запевайте хором песню,
горный Крым, Кубань и Дон –
наконец мы снова вместе
шлём России свой поклон.

Эй, российская держава,
принимай к себе в оплот
Севастопольскую славу –
черноморский русский флот.

Вместе будет интересней
жить в безоблачной стране,
прославлять казачьей песней
мир и дружбу на земле.

Увлечёт друзей Коктебель,
Роман-Кош и Аю-Даг
задушевною беседой
о приморских вечерах.

От Алушты до Джанкоя,
от Москвы до Сиваша
черноморского героя
славит русская душа.

Так живи, казачья слава,
на Урале и в Крыму,
многолика, величава,
неподвластна никому.

* * *

Судьбы нелепые причуды –
и нить разорвана в мгновенье.
Беда приходит ниоткуда
проклятием злого наважденья.

Всегда ко всем несправедлива –
на пару с горем неслучайно
к любым сердцам неумолима,
воспринимается печально.

Она врывается без стука
среди зимы и майской ночи,
и сердце матери разлукой
смертельно ранит
между прочим.

Цветы не в руки, а на крышку,
не юный смех, а расставанье –
ещё не выросший мальчишка
с собой уносит ожиданье.

И остаётся недопетой
о счастье песня перед солнцем
от той бессмыслицы нелепой,
что злой случайностью зовётся.

* * *

Чтоб наши потомки судили не строго,
что деды и прадеды были плохи,
давайте попросим прощенья у Бога
за все совершённые нами грехи.

За то, что уроки прошедших столетий
Европа готова пустить с молотка,
за то, что опять окровавлены плети
и снова со свастикой чья-то рука.

Но в каждой стране от врача до шахтёра –
обычные люди лелеют мечту
прожить эту жизнь без печали и горя
и внукам своим подарить красоту.

Пока не испорчены Дьяволом души,
пока состраданье осталось в груди,
давайте совместно в воде и на суше
кровавому злу не позволим пройти.

Александр Драло

г. Азов, Ростовская обл.

МОЁ ПРОКЛЯТЬЕ

Мне трудно быть самим собой:
Во тьму страданий погружённый,
Когда есть ты, а рядом он, –
Тону в пучине я бездонной.

И буйствует душа при встрече:
Ты вместе с ним, любовь моя.
Теперь его рука на плечи
К тебе так трепетно легла.

А скоро в подвенечном платье
Обет любви ты дашь ему,
И это большее проклятье –
Убитый горем, я уйду.

И будто вырезали душу:
Без чувств мне лучше жить теперь.
Но не посмею я разрушить
Ваш рай, пусть буду сожалеть.

Вы нежно таете в объятьях,
А я, с улыбкой на лице,
Прощаюсь с жизнью, издавая
Последний вздох в своей судьбе.

БЕЗ ТЕБЯ

На берегу безмолвного моря
В тусклый от серости, пасмурный день,
Там, где когда-то мечтали с тобою
Встретить в лазури бордовый рассвет,

Я вспоминаю, как было нам мало
Светлого времени быстрых секунд,
Как мы в объятьях вдвоём умирали,
Как по ночам не могли мы уснуть.

Кто же теперь проведёт через ночи,
Будет дарить снова время и жизнь?
Разве он тот, кто достоин и сможет
Лучик надежды в твой мир поместить?

Пусть ему будет ужасно и плохо!
Пусть его тянут за волосы вниз
Ложью умытые мира пороки.
Пусть он от боли, забытый, кричит!

Я упиваюсь от этого горя,
Если он лучше меня – я уйду.
Но не спеши приближаться к другому.
Не отдавай своё сердце ему...

ДУШЕ

Ты однажды проснёшься в постели одна
От того, что разбудит тебя тишина.
Ты захочешь укрыться своей простынёй,
Но уже не отыщешь её пред собой.

Ты прошепчешь молитву, но голос молчит,
Ты отчаянно вскрикнешь – не слышен твой крик,
Постучишь по стене, но безмолвна стена,
И к окну подойдёшь – будто нету окна.

Ты потянешься к свету – рассеется свет,
От бессилия рухнешь, но грохота нет.
Ты захочешь закашлять, но кашель затих,
Ты заплачешь, но слёз не увидишь своих.

Ты склонишься одна над зеркальным столом
И увидишь, что нет отражения в нём.
Отойдя в полумрак от него, не дыша,
Ты поймёшь, что уходишь: ты – просто душа.

Для тебя открывается новая дверь:
Ты уходишь от прошлых побед и потерь.
Покидая свой дом, ты прощаешься с ним,
Ты прощаешься с тем, кто тобой был любим.

И с собой ты уносишь частичку тепла:
За тобой все дороги сгорают дотла.
Ты уносишь добро, ты уносишь любовь,
Но одаришь ты ими рождённого вновь.

Может, это случится в каком-то году,
И однажды я где-то кого-то найду,
И, узнав среди прочих родные черты,
Я подумаю: это, наверное, Ты...

НЕБЕСНАЯ ЗВЕЗДА

За время долгих путешествий
Нашёл небесную звезду,
Которая потом с рассветом
Не смела уходить во тьму.

Она сияла ярче солнца
В разгар пылающего дня
И разгоняла тень притворства,
Спасая от беды меня.

Но время шло неумолимо,
И пылкий жар стал угасать.
Так постепенно истощила
Она былую благодать.

Прошли года... я вспоминаю
С слезами скорби на щеках,
Как та звезда опять сгорала,
Отдав себя в последний раз...

Ольга Дьякова

г. Москва

Ольга Владимировна Дьякова родилась в Москве. Окончила Тимирязевскую академию и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького.

Автор двенадцати книг. Лауреат премий журналов «Москва» и «Литературная учёба», альманаха «Московский Парнас», премии Козьмы Пруткова в жанре сатиры. Дипломант Горьковской литературной премии, лауреат Всероссийских литературных премий им. Н.М. Рубцова и им. А.П. Чехова. Лауреат литературно-общественной премии им. Владимира Маяковского. Награждена Чеховской и Лермонтовской медалями, дипломом 1-й степени «Золотое перо Москвы», орденом «В.В. Маяковский» и дипломом им. М.Ю. Лермонтова.

Награждена медалью Министерства обороны Российской Федерации «За укрепление боевого содружества», медалью «Патриот России», дипломом и грамотой Росвоенцентра при Правительстве Российской Федерации и Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также грамотой Культурного центра вооружённых сил РФ. Военные песни, написанные на стихи Ольги Дьяковой, звучат на радио и в концертных залах.

Член Союза писателей России.

* * *

Возьму в созвездии Стрельца
Стрелу в мерцанье.
Не с древа жизни, с деревца
Вкушу познание.

Не стану ничего желать,
Лишь то, что сможет
Мне дать судьбы всеисильной жадь
И день погожий.

Держу пригоршню скользких звёзд
В руках бессонно.
В зверином круге пронеслось
Копьё Ясона.

Мы носим память, словно крест,
Как чьё-то имя.
Идут Электра и Орест
В толпе с другими.

* * *

Ничто не предвещало мглы
В извечном ожиданье света.
Ловили острые углы
Тепло задумчивого лета.

Я сердцем слушала тебя.
Ночь вдохновенью подчинила.
И я заметила тогда
Звезды замёрзшие чернила.

На левой стороне луны
Тень тучи кружевной лежала,
Как будто крылья у пчелы,
В цветок вонзившееся жало.

Все переходы знала мгла,
К земле бездонный глаз
приблизив.
Но всё ж ослабить не могла
Души внезапные капризы.

Туманность Млечного Пути
Пространству тайну добавляла.
Но все границы перейти
Мне эта ночь не позволяла.

Небесных яблок не узреть,
Как не найти следов любимых.
Покинутый идёт на смерть
Лишь на полях непобедимых.

Что, если мёртвые молчат,
Уже не слыша наши мысли?
А зубы брошенных волчат
Сосцы созвездия изгрызли.

* * *

Всё верно, всё бесцельно,
Всё ярко на снегу.
Ветра в сугробах пенных
Не ропщут на судьбу.

Туда, где плавал Данте,
Мой устремился сон,
С пометкою – анданте,
В смещении времён,

Там встречи не случайны –
Навеки сплетены.
Открыты, зримы тайны
Холодной пелены.

Когда-то в захолустье
Под отблески лампад
Изнанкою искусства
Мне представлялся ад.

Ещё недвижны вёсла
И света ждёт певец.
Там высшие ремёсла
И счастье, наконец.

Мне повышает планку
Поэтов гордых рать.

Словесную чеканку
Я буду выбивать.

Ценой терпенья, страстно,
Войду к тем, кто незрим.
А слава – вид несчастья
И заблуждений дым.

* * *

Щетиной грусти обросли
Благие мысли.
И тучи, солнце прикусив,
Сильней нависли.

И состязались с нами вновь
Косые тени,
Решив опередить любовь
Прикосновений.

Земная рассыпалась ржа,
И жизнь кипела.
Ведь мысль в плену не удержать –
Она вне тела.

* * *

Есть истина простая,
И в простоте блаженство,
Свет мира созерцая,
Желать любовь одну.

Но грешник выставляет
Себя пред совершенством,
И праведник не вправе
Толкнуть его во тьму.

Кто может объяснить нам
Жестокосердность истин?
И погребальный мрамор
Не утоляет боль.

И мир, что нам не виден,
Но удостоен кисти,
В воображенье станет
Побегом от неволи.

* * *

На пятой линии Васильевского острова
Я стала первою твоей возлюбленной.
Час ожидания был острее острого,
Ты каждый раз шептал, что я неузнана.

Я приплыла из тонущего прошлого
И в Соловьёвский сад вошла, как в будущность.
На пятой линии Васильевского острова
Жила моей судьбы непредсказуемость.

Не пожалеть оставленного остова,
Я жизнь хотела растянуть до вечности.
На пятой линии Васильевского острова
Остался материк слепой беспечности.

* * *

Она проходила ожившей Венерой,
Она ревновала к весёлой дурнушке.
Закат походил на рисунок пещеры,
И скорая ночь расставляла ловушки.

Красивая женщина путала время,
Во сне уходя от реальности мира.
Ей снилась земля убиенного Рема,
А утро означилось русским ампиром.

Богини не плачут, богини не плачут,
Укрывшись в музейной пыли анфилады,
И смотрят, как прыгает солнечный зайчик
В чугунных цветах петербургской ограды.

* * *

Ночь промчалась звёздной колесницей,
Отсекая лунный водосток.
Юноша, склонившись над страницей,
Ловит строк божественный поток.

На дуэль товарища не вызвать,
Не повесить саблю у бедра.
Вдохновенный, раненный навывлет,
Гордый век, ты был ещё вчера.

Не горюй, поэт, мы в должном веке,
Кто сказал – всего достичь нельзя?
За тебя, за радость в человеке
Пушкин бил в пикового туза.

* * *

Не целуй меня, ветер зари,
С одичалою, дерзкою силой.
Знаю я – заключаешь пари
На меня ты с тоской терпеливой.

Долго бредила жаждою слов
Я, в твои палестины пускаясь.
А всемирного Логоса зов
Продолжал покорять древний хаос.

Не целуй меня, ветер, замри,
Не гони эти тучи с востока.
Мне достаточно русской хандры
И славянского вещего рока.

Дьявол выбросил обе руки –
Выбирай, что есть в правой и левой.
Что лукавые мне кулаки,
В нимб крестовый всмотрелась я с верой.

* * *

Качается в окне цветок луны,
Наитие свеченьем навевая.
В одежды ночи кутаются дни,
И снится – без тебя брожу одна я.

Зачем-то вместо пуговиц цветных
Пришила к отворотам платья звёзды.
Смогу ли удержать надолго их,
Ведь сны так мимолётны, несерьёзны.

В размытости немного забытья
Застыла мгла египетскою кошкой.
И под закат земного бытия
Судьба всё мельче достаёт матрёшки.

ПОРА ТОПОЛИНОГО ПУХА

В окне напротив вдальбливают гаммы.
Влетает пух и въётся по углам.
Ты ходишь по квартире, словно Гамлет,
В уме слагая строки эпиграмм.

Колеблются драконы занавесок.
Я неподвижна, затаив испуг.
Звук фортепьяно монотонно-резок,
Как те слова, что не слетают с губ.

Но в лёгком ветре чувствуется нежность
И отрешённость будничного дня.
И даже пуха медленная снежность
Полна глубокой тайны для меня.

* * *

Ночь зашили в шкуру волка,
Чтоб травить собачьей сворой.
И ветра, затвором щёлкнув,
Выносили приговоры.

Обозлившись, громко лая,
Надрываясь по отвесам,
Не смогла настигнуть стая
Ночь, владеющую лесом.

И в созвездье Волопаса
Мёрзли тучные стада.
Вспыхнул правый глаз Пегаса –
Началась стихов страда.

* * *

Скрылся, растворился поезд,
Уносясь за горизонт.
Ни о чём не беспокоясь,
Развернула полночь зонт.

Ветер, вьюг надев папаху,
Волочился по земле.
Рук усталых черепахи
Замерзали на столе.

Я сидела без движенья,
Глядя в точку полумглы.
А за окнами растенья
Тени бросили в углы,

Обступили постепенно,
Пальцы протянув ветвей, –
Счастье было совершенно
От застенчивых гостей.

Владимир Есин

г. Москва

Родился в Москве. Окончил Международный Независимый Эколого-политологический Университет по специальности филология.

Стихи печатались в журналах: «Москва», «Поэзия», «Литературная учёба».

Награждён дипломом и медалью им. М.Ю. Лермонтова.

Член Союза писателей России.

* * *

Мне плотником хотелось быть.
Давно познал я запах древа.
Мне надоело мир дробить
И ждать, чтобы явилась дева.

Я счастья вовсе не искал,
К тому ж не знал, что это значит.
И постепенно постигал
Ловца людей, что всё рыбачит.

Хотел бы очутиться вдруг
На косогоре, повороте
Дороги, делающей круг
К равнине, что рождает взлёты.

ОКТАБРЬ

Оранжевые листья
Уносит прочь вода.
С ветвей слетает быстро
Кленовая звезда.

Неласковые зори,
Холодные до слёз,
Как будто осень в споре
С тем, кто её принёс.

Покут ветра разлуки
Заученный мотив.
Твои я грею руки,
В них сердце опустив.

Промокшие скамейки,
И небо словно сталь.
И были листья клейки,
Да улетели вдаль.

* * *

Пусть осторожный пятится,
Я брошусь кувырком.
Ведь камушек, что катится,
Не обрастает мхом.

Пускай дорога налеddy
Ложится средь ветров.
Не быть трусливой падалью –
Вот заповедь богов.

Нет в выборе сумятицы,
Двуличье под замком.
А имя в списках значится
Идущих напролом.

* * *

Любовь – это резкость
Высокого звука.
Любовь – это вечность!
Где стрелы от лука,
Что ранили многих?
Лукавый ли спрятал?
Средь слухов убогих
Я вспыхну, как факел!

Не слушай серьёзно,
Кто славой увенчан,
Циничных мужчин
И проклявших их женщин –
На это у них
Были сотни причин.
Не слушай надевших
По многу личин.

Ты – нежное лето
В разгаре любви.
Плыви в море света
И мною живи!

НАШЕ ВРЕМЯ

Время – век-потрошитель,
Двуликий, кровавый.
Время – наш утешитель
И лекарь лукавый.

Жизнь – что ветер вдогонку
Иль сон спозаранку.
Время тянет в воронку
С души наизнанку.

* * *

Прости, что не видел я жизни,
Только вымыслы, вычисли,
Порою слова укоризны...
Тонкие прядки да круглые пятки,
Заученные афоризмы
И чьи-то глаза без загадки.

Прости, я бессовестно лгу.
Дожидаюсь тебя на углу,
Я согласен на примусы-минусы,
Я согласен на палтусы-плинтусы,
На истерические припадки
И даже на пышные грядки.
Я ревную, когда проверяешь
тетрадки.

КРИК

Я был раздавлен
и насквозь продрог.
Рука цеплялась в поисках опоры
За землю, что теперь
асфальт стерёг,
От глаз скрывая цвет её и поры.

Мне звуки улиц раздирали слух
И скрежетали в гоночной борьбе.
И к самому себе я был так глух,
Мой крик был не о смерти – о тебе.

* * *

Я не подл.
Я рисунок подлодки,
Куда не войти ни одной красотке.
Да, не войдёшь!
Ты заявляешь, что женщина –
ложь.

А я говорю: «Берегись,
Хоть рыжая прядь обращается
в рысь».

Да будь хоть змея,
Я – лев, пожиратель угля и огня.

* * *

Где печальный поэт,
Что дышал петербургским
туманом?

На ветвях листьев нет,
Одурманен я воздухом пряным.

Этот город мне – щит,
Разогнал моих мыслей мятежность.
Словно миром забыт
Буйный ветер,
зовущий в безбрежность.

Догоняй паруса! –
Вдруг услышу я голос далёкий.
Постигай небеса! –
Пропоёт мне певец синеокий.

Фёдор Зуев

г. Москва

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Жизнь вдруг меняется в свой час.
Прилив с песка следы смывает,
И память, возвращая нас
В далёкое, как льдинка, тает.
И мысли навевают грусть,
Твои слова – как холод на бумаге.
И я, не выдержав, сорвусь
В ночь, в никуда – от бездны в полушаге.

Из прошлого ворвусь я в завтрашние дни,
Семнадцать лет порвав, как старые газеты,
Над Тихим океаном Боингом храним,
Я, как перчатки, поменяю континенты.
И ничего не пряча за душой
В своей любви – ни зла, ни зависти, ни денег, –
Я этот полусонный океан большой
Пересеку, к тебе вернувшись в понедельник.

Я тороплюсь, и солнце за спиной
Спешит за мной, стремясь меня настигнуть,
Я время своровал, чтоб быть скорей с тобой,
Не ждать, не тосковать и не погибнуть!
За мной летят минуты и часы,
И вата облаков – как чистый снег у рая,
Как манну, жду бетонной полосы,
Судьбы иной не выбирая.

...Но вот земли «зелёный» коридор,
Со мной букет из роз калифорнийских,
Я мчусь в такси, как убежавший вор,
Не известив об этом твоих близких.
Не шутка – сутки времени разброс!
И, слов своих на ветер не бросая,
У главпочтамта с факелом из роз –
Стою и ожидаю, замерзая...

28.03.2009

НОЯБРЬ

Тревожит чувства утром ранним
Мне дым осеннего листа,
И травит душу запах пряный,
Деревьев влажных нагота,
И ожерелья паутинок,
Нанизанных хрустальных слёз,
И стройные тела осинок
За хороводами берёз.

Ноябрь вслед рукою машет,
Сорвав последние листы,
И с ними дни кружатся наши,
Хмельны, азартны и пусты.
Уходит осень с гоном крови
И каждой веточкой дрожит,
Когда вдруг к нашим изголовьям,
Пронзив насквозь, искра бежит.

И небо облаком обрушит
В упругий мох, в ковёр листы,
И созидание нарушит
Гусиный крик из синевы...
И отпечатком в подсознание
Навек оставит белый взрыв,
Свой терпкий запах завещанья,
Листвою влажною укрыв.

И, не прощаясь с зовом вечным,
В восторге страсти и любви,
Почти летящем, быстротечном,
И с буйством ноября в крови,
Мы, опрокинутые в небо,
Под крышу ватных облаков,
Как после бешеного бега,
Целуясь, цедим вкус глотков...

04.07.2009 – 22.03.2010

**Светлой памяти мамы моей
Зуевой Юлии Петровны...**

ВЕЩИЙ СОН

...Звёзд алмазы сыплет вечность,
И блесит в алмазах снег,
Льёт луна седую млечность,
Лошадей торопит бег.

Чу, дымком в степи пахнуло,
Вожжи трогает ямщик,
И кибитку покачнуло,
Кто-то в ней судьбу влачит?

Бег коней в пустыне сонной
Колокольчик веселит.
То ли ангел под попоной,
То ли демон крепко спит.

То ли юную невесту
Под венец спеша везут,
И мороз крещенский к месту,
И ленивый к месту кнут.

Над уральской белой степью
Песню выведет ямщик,
Кони, тронутые плетью,
Понесутся напрямик.

Ох, великая равнина,
Эх, острожная душа!
Деву сон почти покинул,
За виденьями спеша...

Ноябрь 2010 г.

Эльвира Зенина

г. Омск

ЦИКЛ СТИХОВ ПО УКРАИНСКИМ СОБЫТИЯМ 2014 г.

I. ОТПУСТИ МЕНЯ, ВОЙНА

К событиям в Украине

Отпусти меня, война...
Я устала это слышать,
да и срок на дембель вышел.
Отпусти меня, война?

Я устала сердце рвать
за мальчишек в камуфляже,
костерящих в «душу мать»
этих выродков продажных,
президентов-паханов,
кто, свою спасая шкуру,
шлёт парней на амбразуры
озверевших крикунов,
не спеша ведёт подсчёт,
прогибаясь к тем и этим:
где крупней добыча светит?
Тянут время... Кровь течёт...
Братьев кровь. Стоят одни.
Думским дела нет до Рады –
На крови Олимпиаду
открываем в эти дни.

Отпусти же ты меня,
боль за мир несправедливый!
Мне бы есть пюре с подливой,
всё поваря браня,
совершать бы променад,
посидеть у тихой речки...
Да стучит моё сердечко,
не приемля ни наград,
ни покоя сытой жизни.
Жжёт Клааса пепел* грудь
за братьев, за Отчизну,
за планету! Ни заснуть,
ни забыться в сладких грёзах,
словно горе всей Земли
в оголённый нерв – занозой!
Богородичные слёзы
через душу протекли.

* Иносказательно – напоминание о погибших и призыв к оптимизму. От выражения: «Пепел Клааса стучит в моё сердце» – «Легенда об Уленшпигеле» Шарль де Костер

Словно в том – моя вина,
что кричит с телеэкранов –
боль! Но я не в силах раны
залечить и встать за правых.
Я старею. Я больна.
Отпусти меня, война...

26.01.2014

II. АПОКАЛИПСИС

На славянской земле – пост.
По славянской земле – стон.
Встала гнида «СС» в рост,
Сатана вострубил в горн.

Над сожжённым живьём – рык.
На распятых орлах – кровь.
Разорвал небеса крик
сыновей, матерей, вдов.

Морем Чёрным кипит гнев.
Сгустком чёрным в груди боль.
Биты бубны тузом трэф.
Чёрный ворон пролил смоль.

Чёрный дьявол простёр длань,
сея смерть и вражду, мор.
Просыпайся же, Русь! Встань!
Белым ветром лети с гор!

Белобог – отворяй дверь!
Белый сокол – зови рать.
Время вышло, нельзя ждать –
У порога стоит Зверь.

5.03.2014

III. ОНА БЫ СКОРО СТАЛА МАМОЙ...

Она бы скоро стала мамой.
Уже закуплены пелёнки
и погремушки, но... не стала,
а криком до разрыва лёгких
взрывала небо: «Помоги-и-те-е!»
И сыла кровь у всех, кто слышал,
ища глазами – где? – да выше!
И крик затих... И мир увидел
блакитно-жовтий водружённый
фашистский стяг в победном мае...
А над землёй взлетал, рыдая,
невинный ангел нерождённый.

09.05.2014

IV. СЕГОДНЯ ТАКОЙ ВЕТЕР...

Сегодня такой ветер,
что клонит к земле кроны,
двора обнажил схроны,
калитку сорвав с петель.
Сегодня такой ветер!

Сегодня такой ливень!
Прорвало небес дамбу.
Не ссориться век нам бы,
славянам за пять гривен.
Сегодня такой ливень!

Сегодня такой случай:
впервые не вняв толку –
«Другую подставь щёку», –
Россия грозит тучам!
Сегодня такой случай.

Сегодня взошла сила,
что может, презрев вето,
загнать в паруса ветер
и к далям рвануть синим.
Сегодня взошла сила!

V. ОЧНИСЬ, РАССЕЯ!

Не победили мы фашизм
в том сорок пятом...
Осталось семя, поднялись
бандер внучата,
что убивали, жгли Хатынь
(забыть? – едва ли),
младенцев брали на штыки
и разрывали.

Осталась плесень, корень зла
за океаном.
Пуская споры, приползла
сюда, к славянам.

И учит дамочка с косой
бандитов рьяных
напасть в Победы день святой
на ветеранов,
напалмом жесть и убивать
кацапов гордых.
Забыла «королева-мать»,
что русский город
Великий Киев, и что мы –
народ единый!
Князьями мы разделены:
Мстислав, Владимир
и их потомки меж собой
страну делили,
но кровь – одна в Руси святой!
Да мы забыли...

И снова дочь идёт на мать,
отец на сына
калечить, мучить, убивать
свою ж дитину
в угоду супостатам – псам
заокеанским,
которым – словно соль в глаза
святое братство
народа Русов. Кровь славян
для них отравла!

Их ставка – на тупой таран,
на сектор правый
из отщепенцев и убийц,
банкиров, геев...
Кто прав, тот не скрывает лиц!
Очнись, Рассея!

Спаси, РУСлан, ЛЮД-МИЛЫЙ свой
от ЧЕРНО-МОРА,
что опоясал бородой
моря и горы,
народов разум помутил
и вверг в забвенье.

Ну сколько новых нам могил
для пробуждения?
Замучить скольких, скольких сжечь,
чтоб, взыв от горя,
решились бороду отсечь
и сбросить в море?

13.05.2014

ГОЙ ТЫ, РУСЬ!

Реформируют нас, форматируют
лизоблюды Прокрустовы.* Сколь ещё?
Так и будем Сиона сортирами?
РА СИАНИЕ мы или сборище?

Книги предков огнём уничтожены.
Наши **БОГИ** на нас смотрят **БУКАМИ**.**
Извращенцы попы в храмах божиих
«наставляют на путь» бабок с внуками.

* Прокруст – миф. персонаж, подгонявший людей под своё ложе, обрубая им ноги.

** БОГИ – 2-ая буква в кириллице, заменённая реформатора-ми на БУКИ.

Пусть навек преклонённоколенные
сгинут соколы под гоацинами.***
Добивают Расею трансгенами,
наркотой, алкоголем, вакцинами...

Пожирают окраины кладбища,
в сёлах окна давно заколочены.
Гой ты, Русь! Собирайся у капища!
На Болотной оставь заболоченных.****

Возрождай наших предков наследие!
Воскрешай родники генной памяти!
Приближается битва последняя.
Либо злу по Земле, либо нам идти.

17.01.2014

ВАРИАЦИИ НА -АЦИЯ

Эта в Евро-опу интеграция
русичей испортила как нацию.
Изменила нам ориентацию
из Творцов – в искателей наживы.

Подменила капитализация
общность – индивидуализацией.
Как бы нас, друзья, в канализацию
(вследствие предела флуктуации)*****
во спасенье душ от деградации)
не отправил многорукый Шива.*****

28.04.2014

*** СОКОЛ – священная птица Русичей. ГОАЦИН – птица, произшедшая от рептилий, считается «самой вонючей» в мире.

**** Болотная – протестная площадь в Москве.

***** Флуктуация (лат.) – колебания, отклонения.

***** Шива – третья ипостась Творца в божественной троице Брахма – Вишну – Шива, разрушительное начало во вселенной.

ТЫ...

Ты приходишь в виденьях ночи'
в разных обликах, ангел, мой Бог!
Назови хоть одну из причин,
почему наяву ты далёк?

Почему ни в одной из дорог
ты не вышел
на встречный маршрут,
если ты, как и я, одинок,
если знаешь, что я тебя жду?

Ты приходишь
в предутренних снах
и уходишь в туманы зари,
оставляя росу на глазах
и касаньем меня одарив.

Лишь касаньем! Но тысячи солнц
воскресают в угасшей душе!
Я хочу удержать тебя, сон!
На последнем застыв вираже,

возвращаясь на старый маяк,
оставляя в пространстве следы,
чтоб по свету нашла тебя я,
чтоб по следу нашёл меня ты,

чтоб однажды в объятьях ночи
мы очнулись с тобой наяву.
Но Луна, наш маяк, всё молчит.
Ты уходишь... И я не живу...

* * *

Что же ты, подружка,
нос повесила,
В «бабушкино» платье
нарядилась
И гостей не развлекаешь
песнями?
Говоришь, с годами изменилась?
Умерла душа от безысходности?
Годы не вини, не в них причина.
Женщина меняется
не с возрастом,
Женщина меняется с мужчиной.

31.01.2014

* * *

Иконам не нужны поклоны,
мы сами – плоть в живых богах.
Боготворите ту мадонну,
что с вашим сыном на руках.

18.02.2014

НЕДОТРОГА

Я не верила картинам,
где влюблённая в мужчину
дама с лёгкостью завидной
строит глазки, вздёрнув бровь,
обнимает, не тушуясь...
По секрету вам скажу я:
либо женщина фригидна,
либо это не любовь.

А любовь – она, я знаю,
точно молния пронзает!
И разряд прикосновенья
полыхает на щеках,
обжигает тело дрожью,
и порою невозможно
на какое-то мгновенье
удержаться на ногах.

А любовь срывает маски!
Если ты – повеса праздный
и в любовь играешь на спор,
завоюешь и предашь, –
для тебя я недотрога!
Не ходи моей дорогой!
Я всегда влюблялась насмерть,
хоть под пули, хоть в шалаш.

Евгений Иваницкий г. Фрязино

*Публикация в качестве приза
Дипломанту I Большого международного
поэтического конкурса "Восхождение"*

ПОКИДАЯ ВАВИЛОН

В непосильные дни, дни любви, бесконечной тревоги
Где тебя мне искать? Только в сон мой зайдёшь иногда,
Где ты робко ласкаешь смиренного единорога,
А под мочкою уха мерцает сережка-звезда.

Прохожу виноградник,
не здесь ли с тобой повстречаюсь?
Обовьёшь мою жизнь виноградною щедрой лозой.
Я иду мимо розы, и роза бутонем качает,
Чуть задетая каплей дождя, а быть может – слезой.

Вавилон зазывает, морочит, за полы хватает,
А над шумом и гамом – безмолвная кроткая высь.
Финикийские перстни, хитоны, шелка из Китая –
Как же много всего, без чего я могу обойтись!

Шестиглавые звери, сирийские ткани, агаты,
Голоса лжепророков, послушные звону монет...
Я хочу позабыть мутно-жёлтые воды Евфрата,
Эти дни без тебя, эту башню, закрывшую свет.

От навязчивой яви хочу – не могу пробудиться.
И в прикрытых усталых глазах – мельтешение лиц.
Город пуст без тебя... В небесах одинокая птица...
Город пуст, как пустые глаза вавилонских блудниц.

Белый агнец пылает в костре, поднимается пламя,
И... мрачнеют жрецы, изучая оттенки огня.
Я ловлю твоё имя в гудящем вечернем бедламе,
Я ловлю жадным сердцем, и нежность сжигает меня...

МАТЬ

Свирепая, бьются ветры, на развалинах гудя,
Раскачали грузный город в ледяной петле дождя.
Мать идёт, держась за сердце, среди обугленных машин.
Страшен хруст катучих стёкол из разгромленных витрин.
Прежний ветер, гнавший ливни над воюющей толпой,
Подустал, и новый свищет, ледяной сечёт крупой.
Там Петруша мечет камни, он всегда среди бунтарей.
Там в прожжённом камуфляже со щитом стоит Андрей.
От бутылки-зажигалки кто-то вспыхнул. Плачет мать.
Чёрный дым воюет с белым,
брат – на брата, рать – на рать.
Снова всё идёт по кругу. Не задался новый век.
Сапоги, ботинки, бурки с новой кровью месят снег.
Скоро сердце станет пеплом. Пышет пламя мятежа.
Сколько там по Фаренгейту, чтобы вспыхнула душа?
Между поднятых дубинок, пролетающих камней,
Ходит мать и в едкой гари ищет, ищет сыновей...

ЗАБЫТЫЙ

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну – и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.
Я вечно жду вас у порога.
Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я – кот любовного касанья,
Я – кот счастливого урчанья,
И ловля снов – моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого –
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого,
Поймите, это – западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё – кровавая полоска, –
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавальных
Не принесёт вам никогда.

КРАСИВАЯ ПАРА

Не ветер – само милосердие
Качает усталые клёны.
Слетают последние листья.
Смиренье в душе просветлённой.
Не надо учиться прощанью.
Давайте учиться прощенью,
Преодолевая земное
Двойной неразрывную тенью...
Уходит красивая пара.
Голубка кидается в ноги –
Так хочется крошек бессмертья,
И люди щедры, словно боги.
Какая красивая пара!
И в старости счастье возможно.
Но счастье держат под локоть
И крепко, и осторожно.
Пусть некуда торопиться
И надо беречь силы,
Есть время сказать: «Моя радость!»,
Услышать в ответ: «Милый!»
И можно болтать бесконечно
О внучке в немыслимой Польше.
Если любовь старше,
Нежности в ней больше...
Уходят счастливые люди,
Всё выше они, всё дальше, –
Над крышей негромкие речи,
Признанья, где нет фальши.
Летят над крестом золочёным
Церкви Бориса и Глеба.
Какая красивая пара!
И нам бы вот так – в небо.

ОБЕТОВАННАЯ

Ловлю твоё имя в обрывках речей Ханаана.
Подставишь ладони – то снег, то небесная манна.
Все слёзы, что вытер хамсин изнуряющим летом,
Как росы, опять проступают и тают с рассветом.
Потрескались губы... Земля, распалённая зноем...
Но я – где струя родника, где-то рядом с тобою.
Я там, где тебе доверяет, поёт – не боится –
Так близко на ветке сидящая добрая птица...
Ты – словно река, поменявшая русло в пустыне.
Засох тамариск и песками засыпан отныне.
Падение звёзд караулю, а что остаётся? –
Хрипеть твоё имя иссохшею глоткой колодца?
Закат и костёр догорели, а боль – постоянна.
Любовь – это тоже земля, земля Ханаана...
Струятся песчинки, где гладь бирюзовая пела.
Скудела душа, а потом и земля оскудела.
Ловлю твоё слово. Пески, помолчите. Я внемлю.
Я корни пускаю в бесплодную горькую землю.
Оливою должен я стать и доверчивой птицей.
И это случится, когда-нибудь это случится...

РАСПРОДАЖА

Женщина у метро
Продаёт свой аленький цветочек.
Прекрасное чудовище, навсегда поселившееся
в её юности,
Умрёт без этого удивительного цветка,
Цветка с ароматом забытой верности...
Пройду мимо.
Мне не нужны ни этот белый плащ, ни тот,
С кровавым подбоем.
Бард, я не куплю твою кассету:
Зачем из весёлых девушек
Ты делаешь грустные песни?
А ты, ловец чужих снов, ответь,
Почему твой улов столь печален?
Я не возьму зеркало:
Оно смотрит на меня слишком внимательно.
Вот слово «люблю», подслушанное у листопада,
И потаённая нежность, так похожая на
неотправленное письмо.
Неужели продаётся всё?
Даже крылья заблудившегося ангела?
Не предлагайте мне часы.
Их стрелки похожи на ножницы,
Но они не умеют резать время вспать.
Когда-то здесь, у метро,
я купил свою первую гвоздику –
Мой аленький цветочек.

ДОМ

Дом – живая душа. Память лестниц, перил...
Он заждался тебя, занемог, захандрил.
В тёмных окнах его – погрузневших глазах –
Отблеск старой любви, одиночества страх.
Дом так верил тебе, вдаль смотрел столько дней
И мечтал, словно пёс, о хозяйке своей.
Буду с ним говорить – заговаривать боль.
Так и сходят с ума, отыграв свою роль.

Ни единой звезды за квадратом окна,
А звериная нежность проста и темна.
Дом тихонько скулит, и бывает, поверь,
Что сама по себе открывается дверь,
Но стучат каблучки и не то, и не так –
Той мелодии нет, а она не пустяк...
Спит кирпичная плоть и зеркал западня,
Где печаль с каждым днём размывает меня.
Как строги зеркала, как бесшумна волна!
О тебе – скрип дверей, о тебе – тишина.

ПУТЬ

Так и душа моя идёт путём зерна...

Владислав Ходасевич

Зерна удивительный путь,
Путь бабочки, путь стрелы...
Август, густея, течёт
Душистой полоской смолы.
Наша любовь – янтарь,
Пойманный солнечный свет.
Биение неба унять
Вы можете? Мы – нет.

Зерна удивительный путь,
Да не оскудеет рука.
Бабочка бьётся в груди,
Песнь Песней поют облака.
Осколками тишины
Изранена чья-то душа.
Беспечный трамвайчик ночной
Гудит, что жизнь хороша.

В тесных снах горожан
Город измучен, помят.
Под циферблатом луны
Пасынки неба спят.
Мы же с тобою родня,
Бледный мой городок.
Крови моей хлебни,
Да будет щедрым глоток.

Трамвайчик «Желанье» спешит
И будит влюблённых в ночи.
Меж небом и сердцем искра.
Библейской звезды лучи.
Лишь нежностью неземной
Земное преодолеть.
Счастливо, приятель ночной!
Качай проводов медь.

Бёдер томительный блюз,
Цветок, потянувшийся вслед...
Когда трамвайчик стучит,
Нельзя говорить «нет».
И ангел отводит глаза,
И зверь отводит глаза.
Наша любовь – янтарь
И новой волны бирюза.

Александр Калинин

г. Воскресенск, Московская обл.

МЫСЛИ

ОБ УПРАВЛЕНИИ ЖИЗНЬЮ...

Чем больше мы стремимся управлять собственной жизнью, тем большую цену платим за эту иллюзию.

Чем больше мы стремимся к богатству и власти, тем быстрее становимся рабами собственных желаний.

О ЧУВСТВАХ...

Кто-то сказал, что «чувства (любовь) не бывают ошибочными, не бывают неуместными».

С точки зрения свободы человека и любви к себе можно применять это положение, но я думаю, что чувства могут быть опасными и разрушительными (злость, ревность, зависть и т.д.), уместны ли они?

Думаю, что уместна всегда только Любовь. При чём Любовь не измеренная человеческими мерками, а Любовь как Вдохновение Бога, не всегда ценящая благо, но всегда Благо приносящая.

О ВЕРЕ...

Есть три степени веры: самая слабая степень – это надежда, вторая – собственно Вера, и высшая – это знание.

Сначала в моей жизни появился проблеск надежды на то, что Бог существует.

Сейчас я обрёл веру в Бога, осталось обрести ЗНАНИЕ.

Получив это знание, – обретёшь блаженство, ибо уже Вера делает человека счастливым.

НЕ ЗАБОТЬСЯ...

Проси, что хочешь, и получишь. Только будь осторожен. Получаешь ведь не то, что просишь, а то, чего искренне хочешь, желаешь, жаждешь. На чём сосредоточен твой ум. Не всё в силах человека, но всё в силах Бога. Всё по силам человеку даётся, а что не даётся – значит, не по силам. И не человеку судить о том и заботиться как. Это дело Бога.

О ЦЕЛИ...

Цель жизни – жизнь с целью. Не имеющий цели никуда не идёт.

Как измерить пройденный путь, не зная, сколько нужно пройти? И какая бы ни была цель, только благо и Добродетель наполнят жизнь смыслом и радостью.

Преумножать благо, учиться мудрости и делиться ею, делать жизнь свою и людей краше и добродетельней. Нести людям знания, добро, свет и радость существования, восхищаться каждой минутой жизни как высшим благом Бога, Чудом! Это ли не цель и смысл?

О ПРОТИВЛЕНИИ...

Противиться злу нужно, можно и должно. Но только один способ всегда полезен человеку и не

противен Богу – противление злу путём преумножения любви, добра, благодарений...

О ВОСПИТАНИИ...

Делясь с детьми своими мудростью своей, всегда помни и говори, когда приобрёл ты свою мудрость, ведь ты знаешь, что, будучи в возрасте детей своих, не знал много чего, что знают уже они, и ничего не знал, что сам теперь знаешь. И всегда сомневайся в знании своём, чтобы дураком не выглядеть. Не сомневайся лишь в Любви и добре.

О ЗЛЕ...

Старая восточная мудрость о зле: «Не внимай злу, не смотри на зло, не источай зла». Очень важно, потому что люди являются трансформаторами зла. Они могут его умножать и заглушать в зависимости от того, как настроен человек. И не исключено, что ссора между мужем и женой где-нибудь в Жмеринке может в результате трансформации зла привести к войне в Ираке. Поэтому задачей каждого человека, верящего во Благо, останавливать поток зла или хотя бы понизить силу его, ни в коем случае не передавая другим по цепи общения людей. И нет другой силы, способной избавить мир от зла, как Любовь и вера в Бога, помноженная на силу духа человеческого.

О СТРАХЕ...

У слова *страх* и слова *страсть* общий корень – «стра», поэтому эти чувства родственны и с одинаковой силой притягивают к человеку и то, чего он страстно желает, и то, чего он страшится.

О ЛЮБВИ И ВЫГОДЕ...

Часто люди ищут выгоды в любви, думая, что меняя любовь на любовь, можно обрести счастье. Искать выгоду в любви так же глупо, как искать дьявола в Боге.

О ПЕРВОМ ГРЕХЕ...

Можно ли осуждать человека, ищущего лучшее в жизни, стремящегося к переменам? Да, можно, ибо постоянный поиск лучшего отвлекает от настоящего, смущает человека радужными перспективами и не даёт быть счастливым в сегодняшнем дне. Соблазн будущим счастьем и величием – не есть ли причина первого греха человека и истинное искушение дьявола?

О ВАЖНОСТИ СУЖДЕНИЙ...

Когда обретаешь веру, то суждения и мнения людей о тебе становятся не важны, а важным становится лишь мнение Бога. И тогда обретаешь свободу в мыслях, словах и действиях.

ОБ ЭМОЦИЯХ...

Человек часто путает чувства и эмоции. Чувство – это то, что рождается внутри человека, идёт из души и является неотъемлемой частью человека. Эмоции – это не что иное, как реакция человека на события вовне или на других людей. Посему страсть следует отнести к эмоциям, а любовь – к чувствам. Человек может и должен управлять своими эмоциями, чтобы не разрушаться как личность

и чтобы не отдаляли человека от понимания того, что он чувствует на самом деле, от понимания себя, а значит, и Бога. Ибо сильные, повторяющиеся эмоции способны исказить чувства, поэтому и говорят часто, что от любви до ненависти один шаг. Это не так – между ними целая пропасть. Но такие эмоции, как страсть и ревность, могут построить над этой пропастью мост.

О ДНЕ РОЖДЕНИЯ... (5.03.2011)

Детство – это когда в день рождения ждёшь подарков от родителей, от родственников, от друзей, юность – от любимой, зрелость – от детей. За-

тем приходит старость, когда уже ни от кого ничего не ждёшь. Но есть короткий промежуток времени между зрелостью и старостью, когда ждёшь подарков от Бога. А когда понимаешь, что Бог тебе уже всё дал – это называется мудрость.

О СУДЕ...

«Не судите...» – сказано Им, наверное, потому, что человек судит поступки других людей, свои и все события, не зная истинной сути вещей, не ведая провидения Бога. А значит, и оценка или приговор суда человеческого не окончательны и изменчивы, то есть несправедливы по сути своей. Есть лишь один судья и один Бог.

* * *

В полутени ресниц
Тёплый свет твоих глаз –
Отраженье души
В ожидании счастья.
В эти стылые ночи,
Холодные дни
Никакая печаль
Над тобою не властна.

Раствориться в глазах,
Раствориться в любви,
Утонуть и растаять
В объятиях твоих.
В полутени ресниц,
В тёплом свете души
От неправды и лжи,
Я молю, – разреши.

* * *

Пряный запах листвы –
Запах женщины милой.
Увяданье дерев –
Пробуждение чувств.

И опять в сентябре –
В эти дни золотые –
Я опять безнадежно
В кого-то влюблюсь.

* * *

Здесь всё ещё хранит своё тепло,
И струны у гитары не остыли.
И видится нечётко образ милый
Сквозь мутное вагонное стекло.

Всё то же здесь –
Цветы, на окнах шторы,
Всё те же звёзды ночью,
Солнце – днём.

А мне всё чуждо, пусто...
О былом
Я вспоминаю в опустевшем доме.

Вернись скорей! Прошу тебя –
Скорей!
Приди, сними с меня оцепененье.
Давно забытое ожесточенье
Опять не спит в душе моей.

Но нет тебя.
Бессмысленно, ненужно
Часы однообразно мерят дни.
Как будто в этом доме грустном
Остались жить они одни.

* * *

Одна у меня такая ты.
Простая, родная, нежная.
Награда моя долгожданная,
Берёзка моя заснеженная.

Деревья покроются инеем,
Озёра печально оденутся.
Глаза твои вечно милые
Никуда от меня не денутся.

А если в разлуке наледью
Покроется сердце горячее, –
Счастливым я буду памятью,
Тогда вот, тогда и заплачу я.

Но слёзы не будут горькими –
Разлукой, утратой, жалостью.
Но слёзы не будут горькими
Той малостью, что останется.

* * *

Я хочу разорвать
Этот замкнутый круг
Из ненужных мне встреч
И ненужных разлук,
Из неверных друзей
И упорных врагов,
Из тягучих и серых
Бессмысленных слов.

Я хочу разорвать
Этот замкнутый круг
Из отвергнутых губ
И опущенных рук,
Из заплаканных глаз,
Помутневших от слёз,
Из потерь, неудач
И несбывшихся грёз.

Дай мне силы, Господь! –
Разорвать этот круг.
Полюбить этот мир,
Поседевший от мук.

Полюбить и простить,
Твёрдо верить и ждать.
Смерть спокойно принять
И родиться опять –
Полной грудью вздохнуть,
Всё сначала начать.

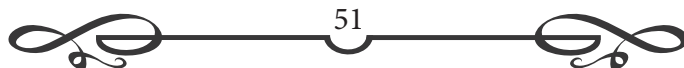
Чтоб, как прежде, любить,
Чтоб, как в детстве, мечтать.
Чтобы с верою жить,
Чтоб с надеждою ждать.
А потом повзрослеть,
Помудреть, пострадать.
И надежды, и веру

Опять потерять.
Обмануться в любви,
Охладеть и устать,
Снова силы собрать,
Чтоб круги разрывать.

А потом повзрослеть,
помудреть, пострадать.
И надежды, и веру
опять потерять.
Обмануться в любви,
охладеть и устать,
Снова силы собрать,
чтоб круги разрывать.

* * *

Мгновенье – взгляд, глаза в глаза!
И в этот миг мне всё открылось:
Паденье, ад и небеса,
Любви Божественная милость.
Восторг, томленье, ожиданье,
И страх, и преданность рабы.
Безумной страсти обещанье
И новый оборот судьбы...
Но взор ты отвела стыдливо,
Сдержала грудь, сдержала вздох.
Пыталась скрыть нетерпеливо
Пылающий румянец щёк.
...Ушла и унесла с собою
Моей души покой земной.
Но этот взгляд всей жизни стоил –
Спокойной, долгой и пустой.

* * *

Стихи не пишутся в угоду
Или по воле важных лиц –
Они первичны, как природа,
Как тайна пушкинских страниц.

Коль искры божьей нет в поэте,
К зачатыю рифмы не зови...
Стихи рождаются, как дети,
В слезах, страданиях и любви.

СКВОРУШКИ

Жаль беспечных скворцов,
Прилетевших в мороз,
В свой скворечник над домом
Под сенью берёз.

Осмелеет весна,
Отогреет скворцов,
Будет шума сполна
От настырных птенцов!

Но вдали, где весна
Разгулялась давно,
Ни покоя солдатам,
Ни сна не дано.

Там секунды как Вечность,
А «завтра» – вопрос...
И война – не игра –
Боль и кровь – всё всерьёз!

Там не вешние птицы,
А пули свистят,
Будут мамы молиться
За наших ребят,

Чтоб хотя бы в мороз
Возвратились бойцы
В дом родной у берёз,
Где щебечут скворцы.

* * *

Деревья, улицы и грязь дорог
Апрельским снегом лихо заметая,
Зима, забыв, что вышел её срок,
Наряд невесты снова примеряет.

Так женщине, уже не молодой,
Едва к лицу белила прикоснутся,
Захочется всей страстною душой
И обмануть, и обмануться.

* * *

Ах, суэта столичная,
Студенчества пора,
А ты, моя отличница,
Опять спешишь с утра,

Бежишь по эскалатору
Сквозь суету реклам,
Сквозь огоньки стоваттные,
Сквозь недосыпный гам.

Пусть волосы растрёпаны
И бьётся рюкзачок,
Но мчит тебя чуть стоптанный
Волшебный каблучок

На бал, где правят золушки,
А звать, скучая, спит,
И высший балл от солнышка
Зачёткою закрыт.

Здесь важные волшебники,
А феи все в очках,
Тяжёлые учебники
В изящных рюкзаках.

Пусть джинсы и кроссовочки
На золушках пока,
К ним принцы, все разборчивы,
Спешат через века.

И твой, преград не ведая,
Готов примчаться вмиг,
Но что же тут поделаешь,
Опять в метро час пик!

ЗИМА

Кто сказал, что ты долгая,
Кто сказал – беспросветная?
Я-то знаю, ты добрая,
Я-то знаю, пресветлая.

Нет светлее твоих снегов,
Нет теплее огней в ночи,
Нет добрее твоих домов,
Где смеемся мы и молчим,

Где заварен душистый чай,
Аромат пирогов царит.
Эй, хозяйка, гостей встречай,
Вот нас сколько в дверях стоит!

Не сердчай за разгульный шум,
Ты, зима, потерпи нас всех!
Ноша прошлых нелёгких дум
Тает, словно в прихожей снег...

ВЕСЕННЕЕ

Я не Ванга вовсе и не Джуна,
Только предскажу наверняка,
Что весна придёт – внезапно, дружно,
Прилетит на лёгких облаках.

Заласкает солнышком лучистым,
Околдует неба синевой
И сердца заставит звонче биться,
Опьянив душистою листвою.

Где сугробы рыхлые лежали,
Заискрятся струйки ручейков,
Размывая, словно снег, печали,
Унося остатки зимних снов.

Я, конечно, знаю это, знаю
И ловлю приметы на бегу,
И, весну в окошко запуская,
Я не улыбаться не могу.

Не Кассандра, и не Глоба даже,
Но посмею я заверить вас –
Завтра станет мир светлей и краше
От сияющих любовью глаз!

* * *

Первое зёрнышко в землю ложится,
Верю – плохому уже не случиться.
Долгих сомнений проходит пора –
Значит, о жизни подумать пора,
Что поднимается к солнцу росточками
С грядок, расчерченных
ровными строчками.
Строчка за строчкой и поле – тетрадь,
Есть где стихи о весне записать.

* * *

Когда, устав, уходят звёзды прочь,
Чтоб не растаять в солнечных лучах,
Мы, не уснувшие с тобой всю ночь,
По-детски спим, друг друга
видя в снах.

Сквозь занавеску лучик проскользнёт
И поцелует мне твоим приснится.
Будильник зря о буднях пропоёт –
Его нам синяя отключит птица.

Екатерина Каргопольцева г. Кострома

* * *

Меняю мелочь на билет.
И час – как вечный!
Один маршрут,
один сюжет –
Я до конечной...
Троллейбус катится, и мне
Сквозь дождь,
усталой,
Тоскливо мнится в полусне
Разбег кварталов,
Движение улиц и круги
Огней слепящих,
Ажурность каменной дуги
В зелёной чаще,
Высоток правильный парад,
Цветным потоком
Летающий мимо ровный ряд
Горящих окон,
Бессвязный шум и толчея,
Привычный гомон...
Я здесь.
Но я – уже не я,
А тень другого...

* * *

Ноябрьский вечер гулкий, мрачный,
Рисую быт в седых тонах,
Всех постояльцев комнат дачных
Ввёл в состояние полусна...

Из потемневших мутных окон,
Казалось, каждый вечно мог
Смотреть, как с ливневым потоком
Не ладит старый водосток.

Дождя безжалостные плети,
В багровых отсветах горя,
Вдруг неожиданно заметят
Косые грани фонаря.

И долго ночью будет слышно,
Как сотней ржавых бубенцов
У входа в дом под самой крышей
Гремит железное кольцо.

ЛАСТОЧКИ

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот –
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

* * *

Поздний вечер, в агонии тлея,
Оглядел каждый сквер,
каждый дом
И зажгёт городские аллеи
Предзакатным печальным огнём.

И они, на ветру полыхая,
Ждут тепла...
Но, как водится, зря –
Ведь, увы, что случается в мае,
Не бывает в конце сентября.

* * *

Так невесомо и легко
Виденьем сказочного сна
Мой ангел тронул молоко
Чуть запотевшего окна.

И, тонким пальчиком ведя,
Он в отраженьях трёх зеркал
На фоне серого дождя
Мой профиль вдруг нарисовал...

* * *

Не сочтите слова мои грубыми или превратными,
Я молчание в жизни стезёю своей не приемлю...
Если плачет мужчина навзрыд слезами квадратными,
Разбивая стеклянные грани о мёрзлую землю,
Значит, рухнул весь мир в одночасье... И не приуменьшена
В этой тягостной боли обида безмолвная.
Боже!!!
Что ж Вы сделали, что наделали, милая женщина,
Откровением горьким ожоги оставив на коже!...

* * *

В слепом кружении ветров
Весна, как путник запоздалый,
Ища себе покой и кров,
В мой дом настойчиво стучала.

Косым дробящимся дождём
Она в пылу что было силы,
Сорвав с небес гудящий гром,
По стёклам звонко колотила.

Скользя по скатам чёрных крыш
С весёлым рокотом и шумом,
Она сползла в ночную тишь,
Как в темноту пустого трюма.

У неоткрывшихся дверей
Остановилась и уныло
Свет одноногих фонарей
В бурлящих лужах раздвоила.

ДАЧА

Терпко пахнут стены мятою
и тмином,
На столе рубинами –
ягоды калины.

С кисло-сладким духом
зреет на подносе
Крутобоких яблок
розовая россыпь.

И плутает в доме
с шорохом и смехом
Голосов недавних
призрачное эхо –

Оголтело в окна
бросится незряче
И, уйдя под крышу,
тихо вдруг заплачет...

Алёна Карпова
г. Зарайск, Московская обл.

* * *

Я приду, ты не заметишь,
Я уйду, ты не узнаешь,
Ты в любовь мою не веришь,
Ничего не замечаешь.

Не увидишь, как я плачу,
Не узнаешь, что я скрою,
И любовь свою я спрячу,
Сердце я своё закрою.

Вот уже совсем другая,
Неизвестная дорога,
Только я не забываю
О тебе, в душе тревога.

Проходило быстро время,
Высыхали быстро слёзы,
Я покинула навеки
Эти сказочные грёзы.

Даже если мы случайно
Повстречаемся с тобою,
То ты сразу же заметишь
То, что стала я другою.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Последний раз сижу за партой,
Последний раз звенит звонок,
Последний раз смотрю на карту,
Вот и закончился урок.

Осталось только сдать экзамен,
И я оставлю позади
Всё то, чему училась в школе,
Жаль, нет обратного пути.

И помню я, когда малышкой
Пошла учиться в первый класс,
Как в ранец складывала книжки,
Тянула руку в первый раз.

Я помню первые оценки
И помню первый свой звонок,
Как попадала в переделки,
Как опоздала на урок.

Я повзрослела понемногу,
Переходя из класса в класс,
Прошла нелёгкую дорогу,
И это всё в последний раз.

Последний раз сижу за партой,
Последний раз звенит звонок,
Последний раз смотрю на карту,
Вот и закончился урок.

ДЕТСТВО

Я так хочу стать ребёнком,
Я так хочу снова быть
Тем же пушистым котёнком
И о проблемах забыть.

Но время бежит куда-то,
И годы уносятся вдаль
Мне не вернуть всё обратно,
И сердце накрыла печаль.

А в детстве всё было так просто –
Мечтала всю ночь напролёт,
Казались мне близкими звёзды,
Казалось, что чудо придёт.

Но всё уж давно убежало,
Остались мечты позади.
Ах, если бы только я знала,
Что будет со мной впереди!

Тогда бы жила по-другому,
Стараясь обиды простить,
Но детство мне машет рукою,
А значит, пора дальше жить.

* * *

Нет ничего важнее, чем семья.
Нет никого надёжнее, чем папа.
Всегда он лучшим будет для меня.
Пройдём мы вместе через все преграды.

Нет ничего важнее, чем семья.
Нет никого на свете мамы краше.
Малышкой буду вечно для тебя,
Пусть с годами становлюсь всё старше.

Нет никого сестрёнок мне родней,
И этого, поверьте, не скрываю.
Я с вами становлюсь чуть-чуть смелей
И новые вершины покоряю.

Нет ничего нежнее, чем те дни,
Которые ты с бабушкой проводишь.
Прогонит прочь печали все твои.
От бабушки ведь ничего не скроешь.

Нет ничего приятнее минут,
Которые мне дедушка подарит.
Куда-то вдруг проблемы убегут,
Забудутся. И всё на место встанет.

Нет ничего важнее, чем семья.
Давайте чаще собираться вместе,
Ведь только вы опора для меня,
И только вы всегда живёте в сердце.

* * *

Мне приоткрылась дверца в сказку.
Всего на несколько часов
Позволю я себе снять маску,
Открою в сердце я засов.

И вот сижу в красивом платье
На первом в жизни выпускном.
Того гляди сейчас заплачу,
И слёзы потекут ручьём.

Красивый зал. В глазах сидящих
Сверкают счастья огоньки.
Волнуясь, нам учитель скажет:
«Сегодня мы выпускники!»

Все неожиданно притихнут.
Настал волнующий момент!
Мы получаем первый важный
И долгожданный документ.

Ну, вот и всё. Последний снимок,
И закрывает школа дверь,
Не будет наших там улыбок,
Мы стали взрослыми теперь.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Больно? Я уже привыкла.
Грустно? Что ты, ерунда.
Обижаешься? Простила.
Плачешь? Это лишь вода.

Тебе очень одиноко?
Я не буду говорить.
Знаешь, ты порой жестока.
Но меня не изменить.

А может, будет по-другому?
Не думаю. Всё решено.
Ты подчиняешься закону?
Сейчас мне просто всё равно.

А как же все твои родные?
Я приношу им только боль.
Стараюсь сделать их счастливей,
Но раню сердце вновь и вновь.

И что ты для себя решила
Вот после этого – сейчас?
Я все обиды отпустила,
Ведь жизнь бывает только раз.

* * *

Словно маленький ребёнок,
Заново учусь ходить.
Беззащитный я котёнок,
Только начинаю жить.

В этом мире злом и мрачном
Я лишь кукла. Всё равно
Жизнь расставит всё иначе,
Богом всё предreshено.

Значит, и мечтать не стоит,
Планы строить ни к чему,
Только я в другое верю:
Человек творит судьбу.

МАМЕ

Милая мама, родная,
Я люблю тебя больше всех,
Хоть иногда не замечу
Улыбку твою или смех.

И пускай я порой, не подумав,
Что-то когда-то скажу,
Но потом я сто раз пожалею,
Слово «прости» напишу.

Никогда не забуду мгновения,
Проведённые вместе с тобой,
Эти нежные прикосновения,
Что всегда согревают зимой.

Понимаю я в эти минуты,
Что со мной будешь рядом всегда,
Даже если опустятся тучи,
Даже если придут холода.

Я хочу, чтоб ты знала, родная:
Никогда не оставляю тебя
По одной и понятной причине –
Потому что ты мама моя.

БЕРЕГИТЕ МАМУ

Вот самое страшное в мире несчастье:
Увидеть, как мама от горя заплачет.
Увидев, как капают мамины слёзы,
Ошибки свои понимать уже поздно.

Ошибки свои понимает не каждый,
А маму обидеть легко. И однажды
Хрустальное сердце, что мы так любили,
Вдруг может разбиться, теряя все силы.

Давайте беречь нашу маму родную,
Ведь мама на всём белом свете одна.
Нигде никогда не найдёшь ты другую,
Она ведь не только малюткам нужна.

* * *

Чужой район, чужие стены,
Чужое всё вокруг меня,
Я так хочу остаться дома,
Где будет ждать моя семья.

Но, к сожалению, надо ехать
И ничего не поменять,
Опять всю ночь я буду плакать,
Опять всю ночь не буду спать.

Наутро с красными глазами
Я беззаботно улыбнусь,
Не покажу я вида маме,
Подальше спрячу свою грусть.

И вот уже сижу в машине,
Дома мелькают за окном,
А сердце бьётся и не хочет
Надолго покидать свой дом.

Мария Коробкина

г. Азов, Ростовская обл.

ВСТРЕЧА С АНГЕЛОМ

Я хочу вам рассказать о девочке четырнадцати лет по имени Алёна, которая с самого детства очень любила собак. С ней случилось самое настоящее чудо, о чём и пойдёт речь.

Алёна проснулась утром и, как обычно, сначала посмотрела в окно. Она увидела то, что заставило комок жалости застрять у неё в горле. Сбылось то, чего она так давно опасалась, и что было для неё самым ужасным горем в её жизни. Алёна увидела вместо резвящейся возле будки Диночки холмик свежей земли. Несчастная девочка поняла, что всё это значит.

Динка болела давно. Бедную собачку ударил палкой по голове дворовый хулиган. Алёна очень переживала за неё, каждый день бежала из школы, чтобы посмотреть, жива ли её Динка. Вы себе даже не представляете всё горе и отчаяние Алёны. Динка была её самым лучшим другом. Когда девочка приходила из школы, собака с радостным лаем встречала её, прижимаясь счастливой мордашкой Алёне в колени.

Сразу после того, как Алёна узнала о смерти Диночки, мир для неё потерял все краски, а в душе появилась некая пустота, в которой сгинули все радости её жизни. Алёне не хотелось идти в школу, но ей не удалось уговорить маму и пришлось идти.

В школе у неё почти не было друзей. Многие считали, что с Алёной дружить неинтересно, потому что она не разбирается в компьютерных играх, а предпочитает читать книги. Лучшей подругой для девочки была Динка...

На уроках Алёну одолевала мысли и воспоминания, и она ничего не слышала из того, что говорили учителя. То, о чём они говорили, казалось ей чем-то непривычно далёким, непостижимым и совершенно ненужным. Единственное, что она услышала отчётливо, – это слова учителя психологии: «Собака – это самый верный и преданный друг человека»... После этой фразы у Алёны из глаз полились слёзы, но никто из одноклассников не обратил на это внимания. Если бы Алёна плакала при Динке, то даже собака не осталась бы равнодушной. Но собаки, её любимой собаки... больше нет!

На уроке рисования ребятам дали задание – изо-

бразить счастье. Алёна сразу же принялась за работу, не раздумывая не минуты. И знаете, что она нарисовала? Алёна нарисовала небо, белые облака, лучи солнца, которые падают на тело белой собаки, бегущей по облакам. К сожалению, этот рисунок нельзя увидеть ни на каких выставках, потому что никто из преподавателей не смог понять его.

Алёне не хотелось идти домой. Она не хотела снова увидеть пустую будку и холмик свежей земли около неё. Печальные мысли не покидали её.

Девочка медленно шла по пустому переулку, когда неожиданно увидела фигуру в белом платье, идущую Алёне навстречу. Девочка присмотрелась, и ей показалось, что она разглядела крылья за спиной у той самой фигуры. «Неужели Ангел?» – подумала девочка. Да, действительно, ей навстречу шёл самый настоящий Ангел.

Алёна удивилась этой неожиданной встрече, а ещё больше она удивилась, когда Ангел заговорил с ней: «Алёна, я твой Ангел-хранитель, не бойся меня. Я вижу твои страдания и не могу оставлять тебя в таком состоянии. Я сделаю тебе подарок, который ты, возможно, запомнишь на всю жизнь. Я верну тебе Динку, с которой ты дружила много лет. Прощай, Алёна!» И Ангел исчез так же внезапно, как и появился.

Алёна вначале остолбенела, не успев поблагодарить Ангела, а затем бросилась бежать домой. Ведь дома её ждёт Дина, её самая родная и любимая Диночка!

Конечно же, в душе Алёны были и сомнения. Вдруг Ангел ей только привиделся? Эти мысли создавали некие весы с чашами, каждая из которых перевешивала в какой-либо определённый момент. Ей не терпелось поскорее оказаться дома, чтобы снова увидеть Динку. А с другой стороны – она боялась не застать дома своего любимого пёсика. И вот Алёна уже у калитки.

Девочка вошла во двор, свернула на веранду и увидела, как ей навстречу с громким радостным лаем бежит её Динка! «Дина, Диночка, родная», – залепетала Алёна, заплакала и поняла, что значит плакать от счастья...

Эту историю я услышала от моей тёти. Что же произошло на самом деле – мне, к сожалению, не известно.

Михаил Коробов г. Воскресенск, Московская обл.

ПОКОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

*...На планетах Солнечной системы
И других неведомых миров
Мы оставим славу новой смене
От рабочих и конструкторов.
Пусть любовь к труду не угасает,
Помни, что в судьбе твоей всегда
Алексей Михайлович Исаев
И его заветная звезда...*

*(Из гимна Л. А. Дудина,
посвящённого КБ Химмаш
имени А. М. Исаева)*

Есть люди, которые обладают каким-то магическим даром. С первого взгляда и общения тебе кажется, что ты давно с ними знаком, в их компании чувствуешь себя уютно, ведёшь себя просто без всякой стеснённости и напряжённости. Они обаятельны, интересны и привлекательны. К таким людям я отношу Леонида Анфиногеновича Дудина, человека невероятной судьбы, человека с интересной биографией. Этапы его жизненного пути весьма значительны и поучительны. О них я расскажу ниже... Он яркий образец для подражания, с него хочется брать пример, быть похожим и всему учиться у него.

С Леонидом Анфиногеновичем я познакомился на презентации моей книги «Сергей Гудков – приверженец социализма», когда я, видимо, нарушил регламент выступления, и он вдруг прервал меня: «Пора заканчивать!» Эти слова прозвучали не грубо, но внушительно и безапелляционно. Поначалу они меня как-то задели, а потом, когда представили ему слово и он стал говорить, то всё во мне сгладились, улетучилось, и он вызвал к себе большой интерес.

Оценив положительно мой труд, он ярко и убедительно представил нам героя моей книги возвышенной речью: «Сергей Гудков – выдающаяся личность! Когда мы говорим о серебряных струнах, то десантник не может быть не самбистом. У меня брат на войне погиб, тоже десантник. Четыре десантные дивизии Подмосковья уничтожили немцы под Демьянском: Раменскую, Истринскую, Ступинскую и Люберецкую. А вот он остался жив и попал в плен. Это трагическая страница из его жизни. Конечно, потом его оправдали, и он всё равно остался человеком. Я знаю его как творческую личность, я с ним не работал, но мы часто встречались с поэтом на разных мероприятиях и просто так беседовали, как творческие люди. У него больше всех было наград и заслуг, но его скромность поражала. Я любил его лирику и безумно любил его стихотворение «Анютини глазки». У меня была даже закладка, и я думал, что буду читать «Анютини глазки».

Но поскольку здесь прозвучала песня на эти слова и поскольку Сергей Петрович у нас один из великих участников войны, и эти строчки войдут в любую энциклопедию, это я вас уверяю, то я прочту сейчас его несколько строк о войне:

*«Волнуют очень памятные даты.
Былое видишь, словно наяву.
Мы вспоминаем, бывшие солдаты,
Накал сражений жарких за Москву.*

*Мы все давали клятвенное слово,
Коль надобно, пожертвовать собой,
Любое поле было – Куликово,
И каждый бой был – Бородинский бой»...*
Так они и сражались наши братья и отцы...

Позднее мне несколько раз пришлось побывать на заседании Воскресенского литературного объединения. Писательским коллективом города он руководит уже более двенадцати лет, и при его активном содействии членами Союза писателей России уже стал 21 человек (по его рекомендации 20 мая 2013 года я также был принят в их состав). Под его редакцией в свет вышло множество литературных сборников стихов и прозы. И в каждой новой книге с исключительным предисловием, неповторимым, индивидуально отмечающим поэтические дарования и особенности писателя, он вкладывает всю душу и талант. Кроме того он регулярно, раз в месяц, проводит семинарские занятия с молодыми литераторами. Я с большой признательностью отмечаю, с каким профессионализмом он ведёт разборы творений начинающих поэтов и прозаиков, с каждым разом их в зале появляется всё больше и больше.

А как глубоко и чётко он характеризует каждое произведение, отмечая его смысл, оценивая в нём каждую фразу и даже слово. И даёт справедливую оценку, иногда нелестную для автора. Причём обсуждение новой работы ведётся всесторонне, подробно. Начинающий писатель зачитывает свой текст, затем выступает товарищ по литературному объединению, заранее ознакомленный дома с его материалом, давая свои замечания и отмечая сильные и слабые стороны произведения. Потом выступают корифеи поэтического слова Сергей Антипов, Марина Кабанова, Денис Минаев, Ольга Новикова. Высказывает своё мнение и каждый из слушателей, и завершает обсуждение творческого семинара сам председатель ЛИТО. Таким образом проходит учёба в музее «Усадьба Кривякино».

Леонид Дудин является руководителем Воскресенской общественной организации «Белоозёрский творческий союз», одним из редакторов литературного альманаха «Воскресенск – моя родина светлая», редактором газеты «Воскресенск литературный», а также создателем Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И. И. Лажечникова, которое недавно отмечено высшей наградой «Международной федерации русскоязычных писателей» – орденом «Культурное наследие». И вручить этот знак отличия за большой вклад в многонациональную отечественную литературу приехал лично президент федерации Олег Евгеньевич Воловик. Леонид Анфиногенович – замечательный поэт и прозаик, работал главным редактором газеты «Наши вести» и Белоозёрского телевидения, первым редактором газет «Вертикаль», «Округа».

Пишет стихи и прозу. Публиковался в центральной (журналы – «Поэзия», «Знамя», «Советский воин»; газеты – «Литературная газета», «Слово», «Красная звезда») и региональной прессе, а также в местной печати. В последние годы увидели свет книги: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Главный конструктор» (об А. М. Исаеве), «Сын земли русской» (о В. Н. Богомолоче), «Поехали!..» (о вкладе КБ Химмаш в полёт Ю. А. Гагарина), «Белоозёрский. Очерки истории», «Цветы Болгарии. Венки сонетов», «Гвардии генерал Соколов».

Широко известен он в болгарской прессе. Много делает для сближения русской и болгарской литературы, обмениваясь творческими делегациями. В

Воскресенске уже выпущено две книги «Созвучие» – антология писателей Болгарии и России, которые знакомят читателей с видными современными литераторами двух стран.

Действительный член Академии Российской словесности, член Международного сообщества писательских союзов, член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М. Ю. Лермонтова, И. Д. Сытина. Лауреат Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, многих региональных и областных.

Награждён Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения», «Золотой Есенинской медалью», «Медалью А. П. Чехова», «Медалью им. Елены Слободянюк», Большой серебряной медалью Гумилёва, Почётным губернаторским знаком «За труды и усердие», Почётным знаком Московской областной Думы «За трудовую доблесть», знаками главы района «За заслуги перед Воскресенским районом», «За отличие в труде» и многими другими литературными знаками отличия, грамотами и дипломами. Член правления Московской областной организации Союза писателей России, первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

Всему, чего в своей жизни достиг Леонид Анфиногенович, он обязан Советской армии и Советской власти. Она помогла ему твёрдо встать на ноги, как и многим другим, в том числе и мне, родившемуся в глухом, заброшенном богом, заболоченном месте – центре мешёрской низменности, сплошь заросшей вековым мхом и клюквенными плантациями, – находившемся в тридцати километрах от ближайшего посёлка, к которому по узкоколейке раз в сутки приходил паровоз за пиломатериалами.

Трудно представить сегодня, когда ежегодно в стране закрываются тысячи школ, а тогда, спустя лишь три года после войны и у руководства государством было море проблем, несмотря на это, для нас, трёх первоклашек, на кордоне, во «тёмутаракани», открыли начальную школу. Я до сих пор с большой любовью вспоминаю моего первого учителя, который в кирзовых ботинках и суконных портянках шесть дней в неделю приходил к нам в барачную комнату и учил нас грамоте в течение трёх лет. Затем за пять километров мы ходили в четвёртый класс, потом семилетка в посёлке Голованово – Дача, средняя школа с общежитием в районном центре – Туме. В шестнадцать лет поступил в лесопильный цех. На циркулярке пилил тарную доску, потом перевели рамщиком на пилораму. Далее был учеником слесаря в автобусном парке города Владимира и одновременно посещал занятия в вечерних школах городов Владимира и Иваново и, наконец, после окончания московского вуза – Воскресенский химический комбинат, около двадцати лет занимал должность заместителя генерального директора...

Такой трудовой путь прошли и мои современники, дети войны, Воскресенские химики. Выходцы из рабочих и неполных, бедных семей, испытав в жизни большие трудности, стали в дальнейшем руководителями предприятий и крупными специалистами ведущих отраслей народного хозяйства. К ним я отношу в первую очередь парторга ЦК ВКП (б) на химкомбинате, потом его директора в течение 18 лет, Героя Социалистического Труда СССР Докторову Николая Ивановича, который трудовую жизнь начал очень рано. Окончив профессионально-техническую школу, он поступил работать токарем на Ярославский завод и одновременно учился на вечернем рабфаке; главного инженера, заместителя министра химической промышленности СССР Но-

викову Анатолия Артёмовича, секретаря комитета ВЛКСМ, инструктора ЦК КПСС, генерального директора и заместителя Госснаба СССР Меркулова Глеба Александровича, главного инженера, генерального директора, Героя Социалистического Труда СССР Хрипунова Николая Фёдоровича, заслуженного химика РСФСР, кавалера трёх главных правительственных наград: ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и ордена «Знак Почёта», изобретателя, имеющего более шестидесяти авторских свидетельств, начальника заводской лаборатории Репенкову Татьяну Григорьевну и многих других, которые своим трудом прославили не только наш орденосный химический комбинат, но оставили глубокий след в развитии родного Отечества...

А пока, утопая по колено в снегу, молодой человек с неистовством колотил тяжёлым топором по мёрзлым сучьям вековых елей и сосен. И с особым чувством провожал глазами пролетающие над головой самолёты, в ясном, синем небе оставлявшие за собой серебристый след до тех пор, пока он не рассеется совсем. И мечтал, мечтал не только сесть за штурвал этой сказочной машины, но хотя бы один раз рукою дотронуться до этой железной птицы, высоко парящей над лесом. И мечта его осуществилась. Он не только прикоснулся к самолёту, но ему самому пришлось участвовать в строительстве, пуске и испытаниях более сложных летательных аппаратов – межпланетных кораблей – ракет, которые покоряют не только безвоздушное пространство – космос, но достигнут поверхности Луны и Марса. А двигатели, в отработке которых он принимал участие, смонтированные в корпуса ракет-носителей и космических аппаратов, будут бороздить необъятные просторы Вселенной, а теперь уж он хотел и сам стать их неотъемлемой частью...

*Если есть у Вселенной кромка,
Роковые её края, –
Я хотел бы там быть обломком
Межпланетного корабля.
Тихо звёздных дождей завеса
Поднималась бы надо мной,
Словно стать молодого леса
По-над речкою Костромой.*

Родился Лёня Дудин в деревне Харитонов Починок Солигаличского района Костромской области или «на «Совеге», как принято называть это место. В самой глухомани, но в счастливой стороне, где народ не знал ни помещиков, ни капиталистов. Окрест их леса да речки, впадающие через Сухону в Северную Двину. Здесь прошло его детство, здесь окончил семилетку. Затем за тридцать пять километров от дома учился в средней школе города Солигалича, с которым расстался в 1954 году. Работал сучкорубом, механиком по заточке пил на Пегузском лесоучастке и в колхозе «Совега». Ходил на сплав...

И, несмотря на тяжёлый физический труд и одинокую, однообразную жизнь, он надолго сохранил в своей памяти эти дикие, полюбившиеся с детства потаённые места, которым посвящал потом поэтические строки.

*Снова где-то внутри заёкало,
Затревожилось неспроста...
Что ж вы снитесь, мои далёкие,
Опечаленные места?
Снится вечностью
Дом бревенчатый –
Пятистенок с лицом крутым,*

Наверху
Петухом увенчанный,
Словно солнышком
Золотым.
А окрест
В тишину влюблённая,
Удивлённая,
Как ни глянь,
Расстиляется потаённая
К морю Белому
Глухомань –
С нераспаханными
Берлогами,
До зимовья – не докричись,
Гать – болотина
Многорогая –
Недотрога –
Большая Чисть.
Лишь отсюда
Вся Русь,
Без вычета
Самой малой тропы,
Видна.
Слева – Сухона,
Справа – Вычегда,
Прямо – Северная
Двина.
При раскладе таком
Немереном
Нет вопросов,
Кому служить,
За что голову,
Как повелено,
На войне сложить.

И после долгих утомительных трудов, страшных волнений за некие неудачи на работе, бессонных ночей над конструкторскими чертежами, многомесячных командировок в казахстанские степи, где летом знойное пекло, а зимой трескучие морозы с пронизывающими до костей ледяными ветрами, возвращаясь на свою малую родину и в одно мгновение забываешь всё. И подобно младенцу как бы рождаешься заново, обретая душевное спокойствие и неповторимую одухотворённость.

Где и сколько бы ты ни жил вдали от малой родины, уважаемый читатель, у тебя постоянно болит сердце о родимых местах, где ты родился, где прошло твоё детство. Ты всегда ощущаешь всем нутром даже запах тех родимых мест, где без порток бегал босиком по горячему золотистому песчанику и узким тропинкам, по обе стороны которых нависали семена зрелой крапивы и колючего репейника, выросших вдоль покосившейся от времени деревянной изгороди. Ты до сих пор ощущаешь их болезненные, но волнительные ожоги.

А как только появляешься в своих родных местах, то ощущаешь, как тебе здесь всё дорого и знакомо. И ты начинаешь чувствовать себя беззаботным ребёнком. И от переполняющего тебя счастья начинает сдавливаться горло, кружиться голова, а на сердце сразу наплывают далёкие детские воспоминания. И всем существом ощущаешь чистоту своих первозданных мест, и невольно из самой глубины души со слезами извергаются строки.

*Мы приедем в Починок усталыми,
И на речке, у бань, на мысу,
От столичной отмывшись окалины,
Упадём в золотую красу.*

*Расцелуем прибрежные лилии,
Землю с дедовым домом большим,
Где берёз белоствольные линии
Затухают в печали вершин.*

Осенью 1955 года Леонид Дудин был призван в ряды Советской армии. В сентябре следующего года поступил в Рязанское артиллерийское училище. И после его окончания служил в городе Потсдаме ГСВГ (Группа Советских войск в Германии), занимая должности командира взвода управления, старшего офицера батареи. И так он на долгие годы на военный китель нацепил офицерские погоны, о которых много героического слышал от отца...

*Когда я под Красное знамя
Из дома служить уходил,
Отец мне на добрую память
Погоны свои подарил.
Он с ними в большие атаки
Бесстрашные роты водил,
Стоял у пылающих маков
Над плитами братских могил.
И если придется мне где-то
В боях справедливых не встать, –
Погоны прошу моим детям
В победный салют передать.*

Через три года офицерской службы Леонид Дудин сдал во Франкфурте-на-Одере вступительные экзамены и был зачислен слушателем Военной инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского (ныне Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого). Учился на первом факультете по специальности «Конструкция и двигатели летательных аппаратов».

После окончания академии Л. А. Дудин был направлен в КБ Н. Д. Кузнецова в город Самару в качестве представителя Заказчика Главного управления космических средств (ГУКОС). Работал с конструкторской документацией, участвовал в сборке и испытаниях ЖРД для лунного космоса Н-1 как на основной площадке, так и на полигоне Байконур, где для него начались бесконечные командировки. За их служебной командой был даже закреплён отдельный самолёт, поскольку специалисты часто менялись, летали туда и обратно. Если что-то случалось, чего-то не хватало, – тут же самолёт летел и отвозил, что надо. Бывали случаи – для одного либо двух человек снаряжали лайнер. **«И не жалели горючего, потому что тогда всё было. И всего хватало».**

В Самаре два производственных цеха находились совсем рядом, один выпускал двигатели для ракеты, которая Гагарина выводила в космос, другой цех выпускал лунники. На «гагаринских» двигателях тогда было запущено очень много космических кораблей, которые выводили космонавтов, тяжёлые грузы, спутники навигации, свя-

зи; вели исследование Луны, Марса, Венеры, других планет Солнечной системы.

В историю космонавтики лунная программа вошла под названием «Н-1». Сотни предприятий и тысячи людей, в том числе и наш герой, участвовали в покорении Луны. Но главная тяжесть выполнения решений партии и правительства легла на ОКБ Сергея Павловича Королёва (разработчик ракеты-носителя) и ОКБ Николая Дмитриевича Кузнецова (разработчик двигателей I–IV ступеней носителя).

Конечно, Леонид Дудин не был главным конструктором и космонавтом, но от его работы зависело многое, например, взлетит ракета или нет. О таких людях первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин очень убедительно заявил: «Работа космонавта – это всего лишь вершина огромной пирамиды, созданной кропотливым трудом сотен учёных, инженеров, рабочих». И это справедливо. О своём вкладе в это дело Леонид Анфиногенович говорит так:

– Я был испытателем жидкостных ракетных двигателей (ЖРД), которые устанавливаются или на ракете-носителе, или на спутниках, то есть на космических кораблях. Если мы, испытатели, здесь, на Земле, дадим ложные параметры, вероятность неудачи старта будет уготована всегда. У нас обычно при разборах «полётов» бытует дежурная версия аварии: «Двигатель виноват». А это не всегда так. Двигатель, особенно спутниковый, редко бывает виноват. Возможно, за полвека однажды. И то без человеческих жертв. Особенно в современных условиях, когда отработка ЖРД совершенна, – нет смысла об этом даже говорить. Двигатель послушен, только управлять им как следует надо, и всё будет нормально, и аварий никаких не будет.

На Луну мы не попали, в чём политики и обвинили КБ Н. Д. Кузнецова, но обвинение и тогда, и, как показало время, и позже, было неверным.

Несправедливым было. Единственные двигатели, закупленные потом у России американцами, оказались те самые «лунники», на которых мы туда и стремились. И ушли бы, но они в конструкции первой ступени ракеты геометрически поставлены были так, что, видимо, неправильно влияли друг на друга (6 – в центре, 24 – по периферии, по 150 тонн каждый). Теоретически это влияние разработчиками ракеты было просчитано, но никто не ведал, что произойдёт на практике. А таких стэндов, чтобы испытать в наземных условиях связку в 30 штук, – в стране не было.

Мы тогда под Загорском (Новостройка, ныне город Пересвет) хотели испытать связку из восьми штук, но потом подумали, что если произойдёт взрыв, то взлетит сверху и Новостройка, поэтому решили взять на стэнд всего шесть штук. Они отработали нормально. А следующие испытания шли уже лётные. На полигоне. На лётных испытаниях у ракетчиков выявился ряд недостатков. И тоже не по вине двигателей ракеты взрывались, а по неправильным командам управленческих систем.

Я практически всегда присутствовал при испытаниях на стендах наших двигателей, но не всегда на полигоне. Если меня направляли на полигон, то через месяц-два приезжал на смену кто-то из коллег. **Мы работали так называемым вахтовым методом.**

Эти два ОКБ и разделили не совсем равноправно горькую участь летального исхода всех наших попыток «быть впереди планеты всей». Я всё видел. И не только видел, но и делал то дело, которое, без

сомнения, параллельно с американцами, вело нас к самой заветной цели XX века: к прилунению советского человека и триумфальному возвращению его на Землю.

Наши двигатели и внешне были настолько изящны, что, глядя на них, каждый бы сказал, что да, такая чудо-техника не может не летать. Ещё раз отмечу, что четыре года назад американцы из всего, что было сделано в СССР и России по космосу, только и закупили для своего носителя «Атлас» изделия Н. Д. Кузнецова, чудом сохранившиеся ещё с тех далёких времён. И ничего. Не жалуются американцы на работу российских движков.

Мы, ветераны космических подразделений, до сих пор ломаем головы, анализируя причины аварийных пусков ракет-носителей, делавших попытку стартов на Луну, и никак не можем прийти к однозначным выводам: так что же всё-таки происходило в отрасли? Где крылись наши нестыковки и следовавшие за ним неполадки? Версий много. И объективных, и субъективных.

14 января 1966 года умер С. П. Королёв. Никто ничего не имеет, и иметь не будет против его преемника – В. П. Мишина. Но авторитет Сергея Павловича был громаден и непререкаем. Он мог раскатать кого угодно. Он был вхож в любые коридоры власти. Он мог сделать всё. Безвозвратная потеря такой космической величины сыграла не позитивную роль, а внесла некоторое смятение по всем направлениям кооперации. Народ заметно «расслабился». Каждый начальник (большой, конечно) стал безбоязненно и безнаказанно тянуть одеяло власти на себя. Не стало жёсткого принципа единоначалия.

Как мы знаем, самые надёжные двигатели – это РД-107 и РД-108 ОКБ В. П. Глушко разработки 1954–1957 гг. Те самые «гагаринские», которые летают и сейчас. И долго ещё, видимо, будут летать, потому что данного класса двигателей подобной надёжности – в России больше нет. Но вот для лунника Н-1 у Сергея Павловича с Валентином Петровичем рабочего согласия не получилось. «Не состыковались» – говоря профессиональным сленгом. А с Николаем Дмитриевичем Кузнецовым дело у Сергея Павловича пошло. Заказал Королёв Кузнецову 150-тонник, такой он и получил. Кузнецов просьбу удовлетворил. Но винить потом будут всё равно Николая Дмитриевича. И уже в самый последний момент, когда его ОКБ доработает двигатели до многократных включений и попросит ОКБ Мишина доработать носитель под эти изделия, то Кузнецову головки откажут. Это и будет началом драматического конца программы.

Об этом Леонид Анфиногенович подробно и на высоком профессиональном уровне изложил своё видение в газете «Слово»...

В мае 1974 г. работы по Н-1 были приостановлены, а в марте 1976 г. – полностью прекращены. В цехах разрезалась оснастка, сборочные стапеля, спецоборудование. Специалисты уходили на другие заказы космической тематики. Часть – в народное хозяйство.

После закрытия лунной программы Л. А. Дудин был направлен в цех сборки и испытаний «семёрочных» двигателей В. П. Глушко по программе «Союз-Апполон». С переездом в Москву задачи несколько поменялись. К тому времени он уже считался опытным специалистом. А в 1975 году он был переведён в представительство Заказчика КБ Химмаш на площадку «Ф» – Фаустово (п. Белоозёрский) – испытательное отделение НИО-9.

*Прощаясь с Звёздным городком,
С его теплом, рукопожатьем,
Я понимал – во всём простом
Таятся сложные понятия,
Что человечество живёт
Великой жаждою познания, –
И продвигается вперёд
К самым истокам мироздания.
И молодые, что сейчас
В рабочий Центр идут степенно,
Пробороздят ещё не раз
Из края в край поля Вселенной.*

Здесь, в КБ имени Исаева Алексея Михайловича, шло налаживание нового испытательного комплекса. КБ, очень задолго до его приезда, занималось двигателями для зенитных ракет и другого боевого назначения, а потом перед А. М. Исаевым была поставлена задача о разработке тормозной двигательной установки. И таковая была сделана для Юрия Алексеевича Гагарина. Эта тормозная двигательная установка сконструирована, сделана и испытана этим конструкторским бюро.

Характеризуя ОКБ-2 – Конструкторское бюро химического машиностроения имени А. М. Исаева, – Леонид Дудин позднее в газете «Слово» отмечал, что оно более полувека решает практические задачи по созданию и отработке новых конструкций и технологий жидкостных ракетных двигателей, обеспечивая высокий авторитет и приоритетные достижения отечественной ракетной и космической техники.

Для ракетно-космической техники в КБ Химмаш было создано более 120 различных жидкостных ракетных двигателей, двигательных установок и жидкостных ракетных двигателей малой тяги, которые внесли весомый вклад практически во все направления использования ракетной и космической техники – в авиацию, в ракеты-носители сухопутного и морского базирования, в зенитные, авиационные и метеорологические, в космические аппараты для ближнего и дальнего космоса, в пилотируемые космические корабли и станции.

«До сих пор КБ Химмаш, – считает Л. А. Дудин, – является одним из ведущих предприятий России в области разработки и испытаний жидкостных ракетных двигателей, двигательных установок и жидкостных ракетных двигателей малой тяги. КБ участвовало в крупном российско-индийском проекте по криогенному разгонному блоку, который успешно прошёл лётные испытания 18 апреля 2001 года в составе индийской ракеты-носителя GSLV; участвует в работах по созданию и развитию международной космической станции и решает другие задачи».

Об этом времени он с гордостью заявляет: «За эти годы прямых и непосредственных начальников там, наверху, в Подлипках, у меня сменилось достаточно много. Здесь же, в Фаустово, поставленные задачи я решал самостоятельно, руководствуясь ГОСТАми, ОСТАми, ТУ, другими рабочими документами, а также приказами и распоряжениями командования».

За свою трудовую жизнь ему пришлось работать на нескольких предприятиях, занимающихся освоением дальнего и ближнего космоса (ОКБ Н. Д. Кузнецова – Красная Глинка, завод им. М. В. Фрунзе – в городе Куйбышев; КБ Химмаш им. А. М. Исаева – НИО-9, Фаустово; на полигонах Байконур и Плесецк).

Необходимо отметить, что, не без сожаления оставив крупные города страны, он навсегда поселился в подмосковном лесу, в посёлке Белоозёрский, который полюбился ему и стал второй малой родиной. И, по-видимому, так было ему предназначено судьбой. Поскольку наряду с ответственной работой его и других умных людей – всё это войдёт в его замечательные литературные труды.

За большой личный вклад в развитие космонавтики Л. А. Дудин отмечен орденом Петра Великого, медалями К. Э. Циолковского, Ю. А. Гагарина, «50 лет космической эры», настольным знаком отличия к 50-летию полёта Ю. А. Гагарина «От Исаевцев» и другими правительственными и общественными наградами.

Сейчас, когда я освещаю эти материалы, меня не покидает великое чувство радости за наш Воскресенский край, за нашу воскресенскую землю, что здесь, буквально в двадцати километрах от центра города, наши земляки творили невероятные свершения и дела, ставшие гордостью не только Воскресенска и Советского Союза, но и всего мира.

А мой герой – Леонид Анфиногенович Дудин – как большой профессионал, легендарный человек, посвятивший свою жизнь защите Отечества, интересен ещё и тем, что его трудовая деятельность была теснейшим образом связана с выдающимися людьми советского времени, руководителями КБ ХИММАШ имени А. М. ИСАЕВА.

Мы привыкли в лице генерального директора любого предприятия видеть крупного хозяйственника и хорошего организатора, здесь же в понятие начальник вкладывается совершенно другое: Главный конструктор, выдающийся учёный, профессор, доктор технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, то есть человек своим умом, мышлением изобретает и создаёт что-то новое, доселе неизвестное обычным людям.

И к ним в первую очередь относится Исаев Алексей Михайлович, начальник – Главный конструктор предприятия, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда СССР, лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР, четырежды Кавалер ордена Ленина, Кавалер ордена «Октябрьской Революции».

Богомолов Владислав Николаевич, начальник – Генеральный конструктор, профессор, Герой Социалистического Труда СССР, лауреат Государственных премий СССР, дважды Кавалер ордена Ленина, Заслуженный деятель науки и техники.

Леонтьев Николай Иванович, Генеральный конструктор – Генеральный директор, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии космонавтики РФ, лауреат Государственных премий, Кавалер ордена Ленина, ордена «Октябрьской Революции», ордена «Трудового Красного Знамени».

Селезнёв Евгений Петрович, Генеральный конструктор – Генеральный директор, Заслуженный конструктор России, Член-корреспондент Российской Академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, награждён медалями «За трудовое отличие», «За освоение целинных земель», «В память 850-летия Москвы».

Петрик Владимир Андреевич, Генеральный директор ФГУП «КБ Химмаш им. А. М. Исаева» Федерального Космического агентства, награждён медалью «В память 850-летия Москвы».

Л. А. Дудин был также знаком с их заместителями и начальниками конструкторских отделов КБ. «Я счастлив, что здесь, в НПО-9, рядом со мною работали Николай Алексеевич Шакунов, Валентина Степановна Белафина, Ирина Михайловна Ромашко, Евгений Николаевич Васильев и многие другие.

Но самой яркой личностью из нашей команды является для меня Евгений Иванович Тронеv – человек, сохранивший навсегда офицерскую честь и порядочность».

В настоящее время Леонид Анфиногенович Дудин вот уже несколько лет находится на заслуженном отдыхе. И как ветеран Военно-космических сил страшно переживает за участвовавшие аварийные случаи, когда ракеты, не достигшие намеченных целей, взрываются. И этому он находит объяснения.

– В удивительно прекрасном времени мы жили. Мы радовались за Отечество, за мощь нашей страны. Гордость и достоинство у нас были. А сейчас ничего этого нет. То, что и армии у нас мощной нет, вся страна об этом знает, кроме, почему-то, руководителей. И вдруг только сейчас спохватились, что у нас на самом деле нет вооруженных сил как таковых. Конечно, ряд офицеров заслуживает всяческих похвал, но их всё равно победят проходимцы. Пока те ищут правду, эти занимают должности.

Мне больно, особенно за ракетно-космический комплекс.

*Я просил разрешения у Бога
За Вселенский забор перелезть,
Чтоб облегчить, хотя бы немного,
Эту жизнь, коль она ещё есть.
Сноп орбит не вязал как попало,
Плача, горло ракет надрывал,
Лишь бы смерть в Море Смерти упала
И убита была наповал...*

– Недавно, – размышляет кадровый ракетчик, – президент (по телевидению) вдруг говорит, что надо возродить военно-промышленный комплекс, рывок, мол, надо сделать, как в 30-е годы. Из чего делать-то? Металл мы ещё кой-как добудем, этот сырой продукт у нас, слава Богу, есть. А станки? Инструменты? Приборы? А люди? То есть человеческий фактор, о котором говорят ежедневно. У нас был смысл жизни, песня своя была. Отнюдь не коммунистическая. Была песня могущества Родины, её независимости. А где их-то, беззаветно верящих хотя бы во что-нибудь светлое, найти? Их – единицы. А остальные уже не будут относиться к делу так, как мы относились, работая на износ, по несколько суток не выходя из цехов, стендов, стартов, монтажно-испытательных корпусов.

У нас – профессионалов – разрывается сердце, оттого что загублено то, чему мы посвятили свою жизнь как специалисты. Даже когда оснастку резали и выбрасывали на металлолом – и то сердце щемило. Не говоря уж о самих изделиях.

К счастью, – продолжает Леонид Анфиногенович, – уничтожено не всё, а многое сохранилось. Сохранилось благодаря правильным действиям руководства КБ, Главного управления космических средств МО РФ, благодаря Герману Степановичу Титову, который был тогда первым заместителем начальника ГУКОСа и депутатом нашего Коломенского округа, они сильно тогда отработали эту программу, и большой кризис наших людей как-то миновал.

Покинув журнал «Авиация и космонавтика» и перейдя на инженерно-техническую работу, он стал заместителем начальника Главного управления космических средств, моим прямым начальником, осуществляя контроль за всеми полигонами, КБ, заводами и арсеналами. С ним мы были даже в дружеских, хороших отношениях. Он тогда предисловие написал к моему репортажу для «Красной звезды», поскольку в то время было модно делать их в стихотворной форме, к примеру, такие строки:

*«Пока ещё отсеки не обжиты –
Работает в отсеках инженер.
И, такая, спешит секундомер
К началу эллиптической орбиты...»*

И вот такие репортажи стали началом творческого пути писателя. Но знаменательной датой для начинающего поэта явился всё же 1983 год! Поскольку к предисловию поэмы «Перед стартом» для опубликования её в газете «Красная Звезда» генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР №2 Герман Титов тогда написал: «Леонид Дудин, которого я хочу представить читателям «Красной Звезды», – молодой поэт. В своеобразной форме венка сонетов он, опираясь на личный опыт, попытался рассказать о титаническом труде людей, которые готовят космические корабли к полётам». И далее продолжает: «На мой взгляд, автор убедительно, с присущей ему поэтической образностью раскрывает ещё одну страницу из жизни покорителей Вселенной».

Не сговариваясь с ним, поэт, лауреат Государственной премии России Владимир Фирсов в «Слове об авторе» к книге Дудина «На вершине пирамиды», вышедшей в 2003 году, называя его гражданином, талантливым и совестливым человеком, соглашается с Титовым. И, обращаясь к читателю, отмечает: «По стихам Леонида Дудина ты можешь, невзирая на твой возраст и твой житейский опыт, воссоздать Время, в котором обитает поэт».

Эти два выдающихся человека как прозорливые люди тем самым предопределили весь дальнейший творческий путь Дудина, который посвятит себя грандиозной литературной теме – вселенной, космонавтике, ракетной технике.

Леонид Анфиногенович поистине совершил гражданский поступок, выполнив патриотический долг перед своим творческим коллективом. И, в течение нескольких лет собирая необходимый рабочий материал, написал уникальные вещи – четыре бесценные книги: о первом космонавте Юрии Алексеевиче Гагарине, о Главных конструкторах ракетных двигателей, о сотнях талантливых изобретателей, испытателях и покорителях космоса.

В течение тридцати лет ему посчастливилось непосредственно работать под их руководством, со многими быть лично знакомым в этой престижной отрасли народного хозяйства. Поэтому эти труды написаны явным свидетелем научных свершений и великих исторических событий двадцатого века,

причём образным литературным языком, чётко, основательно и документально, с использованием многих архивных материалов.

Книга «Поехали» посвящается замечательному коллективу дважды орденоносного КБ Химмаш имени Алексея Михайловича Исаева, трудом и талантом которого создана тормозная двигательная установка ТДУ-1, давшая возможность 50 лет назад космонавту №1 Юрию Алексеевичу Гагарину, как и последующим, успешно возвратиться на землю. Коллективу, создавшему основные двигатели для ПВО, ПРО, ВМФ, двигатели, установленные на межпланетных станциях и пилотируемых космических кораблях. В данной книге представлен в основном документальный материал о тех незабываемых днях, когда готовился и состоялся первый старт человека в космос, полёт в неизведанное гражданина России Юрия Алексеевича Гагарина.

Коллективным гением людей, сотнями предприятий страны с именем СССР задача приземления была решена, прорыв в космос состоялся. Состоялось и возвращение космонавтов на землю. Как проектировалась, создавалась, испытывалась и доводилась до безупречности тормозная двигательная установка ТДУ прославленного КБ Химмаш им. А. М. Исаева и как она доставила Юрия Алексеевича на Саратовское поле – об этом и пойдёт в книге речь.

Книга «Испытатели» вышла в 2007 году тиражом всего в тысячу экземпляров. Это замечательный документ о людях, которые беззаветно служили Отечеству, отчётливо понимая историческую задачу по освоению космического пространства. В частности, об этом автор откровенно высказался: «Мне не раз хотелось рассказать о событиях совсем недавнего времени, но уже навсегда ушедших в историю, оставив нам лишь светлую память о покорённых космических трассах и о тех красивых и рискованных людях, с которыми мне пришлось бок о бок проработать более двадцати лет в испытательном комплексе НИО-9 КБ Химмаш. Но все мои попытки, сама идея и её воплощение в жизнь, по разным причинам откладывались на потом. Требовалась немалая политическая воля, по-другому и не назовёшь, чтобы реализовать задуманное. И такое решение было принято. Без протокола, без формальной атрибутики». В этой книге также представлено множество очерков о людях, которые непосредственно принимали участие в большом государственном деле, и поэтому эта монография представляет исключительно большую ценность.

О герое книги «Главный конструктор» очень верно высказался Б. Е. Черток, соратник и заместитель С. П. Королёва, в предисловии одноимённой книги он очень чётко выразился об Исаеве: «Алексей Михайлович Исаев – один из наиболее ярких, смелых и самобытных конструкторов, обеспечивших в Советском Союзе создание ракетного щита, в советской космонавтике – исторический приоритет первых космических полётов. Он был не только великим и талантливым конструктором, но и человеком необычных, нестандартных, исключительных человеческих качеств.

Исаевский коллектив конструкторов, испытателей, рабочих на протяжении всей своей истории творил новую технику, новую технологию, преодолевая трудности, неизбежные для первопроходцев. Было создано более 120 жидкостных ракетных двигателей и двигательных установок. Многие из них по своим параметрам превосходят лучшие зару-

бежные образцы. Двигательные системы исаевской школы обеспечили создание отечественных зенитных управляемых ракет, ракет для военно-морского подводного флота, беспилотных и пилотируемых космических кораблей.

Автором начала книги-сборника является сам А. М. Исаев. Он успел, несмотря на текущую работу сверх всяких норм, написать историю разработки своих первых двигателей. Этот небольшой по объёму труд был издан с предисловием «профессора доктора технических наук Н. Виктора». Под этим псевдонимом печатался засекреченный генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик Виктор Петрович Макеев, уроженец города Коломна. Все разработанные Макеевым жидкостные ракеты для подводных лодок имели двигательные установки А. М. Исаева (Спарка). Исаев-Макеев обеспечили одну из составляющих стратегической триады оборонной мощи Советского Союза».

«Сын земли русской» – книга о Владиславе Николаевиче Богомолове, имя которого, его профессиональная деятельность неразрывно связаны с основателем и руководителем конструкторского бюро химического машиностроения Алексеем Михайловичем Исаевым – Главным конструктором жидкостных ракетных двигателей ЖРД и двигательных установок. Их совместная работа началась с 1946 года с самолётного ускорителя СУ-1500, и до 1971 года успешно продолжалась разработка принципиальных двигателей и двигательных установок различного класса и назначения. После скоростной и безвременной смерти А. М. Исаева в 1971 году работа в должности начальника и Главного конструктора для В. М. Богомолова стала новым и важным этапом в жизни, в полной мере раскрывшим глубину и цельность его натуры – удивительного, обаятельного, вдумчивого и доброго человека и талантливого конструктора. Коллектив, возглавляемый В. Н. Бо-

гомоловым, добился значительных успехов в деле создания двигателей для ВВС, ВМФ, ПВО, РВСН, ВКС и Сухопутных войск. В 1975 году его предприятие награждается орденом Октябрьской Революции. Все сотрудники предприятия отмечают доброжелательность и доступность Владислава Николаевича, умеющего расположить к себе людей, твёрдость в обещаниях и щедрость в передаче своих знаний и опыта. Это он и его товарищи обеспечили успешный полёт советского человека в космическое пространство, за что Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Социалистического Труда СССР.

Эти четыре книги – космическая энциклопедия, это наша великая история, наша гордость, яркий пример служения Отечеству. И большое спасибо Леониду Анфиногеновичу за то, что он сохранил в памяти многих поколений этих замечательных людей, беззаветный их подвиг во имя нашей великой Родины. Так проникновенно и убедительно мог написать только одарённый, многогранный человек, обладающий от природы особым даром, влюблённый в свою профессию, в великое дело покорения космоса, покорения вселенной, горячо любящий свою страну. Эти книги поистине стали настоящей вершиной всего его писательского творчества. Поскольку «они, – как он сам об этом говорит, – писались легко, с любовью. Каждому слову, каждой строке я старался отдать теплоту своего сердца».

И он очень надеется, «что кто-то талантливый и молодой, используя мои материалы, сможет продолжить летопись нашего подразделения с пониманием того, что память о прошлом должна быть святой и неиссякаема, иначе мы останемся без будущего».

Эти титанические труды принесли Леониду Анфиногеновичу Дудину заслуженную славу, почёт и известность в освещении советской космонавтики и литературном мире.

Очень высоко как специалиста, как человека и как писателя Дудина оценил Александр Васильевич Тюрин, член-корреспондент Российской академии Космонавтики, лауреат Государственной премии СССР: «Мы с Леонидом Анфиногеновичем знакомы давно. Являясь однажды его прямым начальником, я никогда не сомневался в том, что задачи, которые он как представитель ГУКОСа решал на площадке «Ф», будут непременно выполнены с высокой надёжностью. Прочные академические знания, умение ладить с людьми, находить с ними общий язык позволяли ему самостоятельно закрывать многие специальные вопросы. Все, кто работал рядом с ним, подтвердят мои выводы».

Леонид Анфиногенович доверял мне многие свои произведения. Часто я бывал их первым читателем. А в судьбе некоторых – принимал прямое участие. О чём не сожалел никогда. Лишь чувство гордости за прошлое; речь идёт о венке сонетов «Перед стартом», предисловие к которому написано космонавтом №2, Героем Советского Союза Германом Степановичем Титовым».

А с какой теплотой и любовью отозвался о Дудине наш воскресенский поэт и замечательный исполнитель собственных песен Сергей Леонтьев, называя Леонида Афиногеновича своим учителем, который многое ему подсказал и помог избежать ошибок в раннем творчестве.

*«Говорю я с тобой без трепета,
и слова порой солоны,*

*только знаю, немного встретится
мне ещё такой глубины,
широты такой бесребренной,
русской северной широты.
Мне знаком этот край сиреневый –
с Верхневолжья я, как и ты.
Там рассветы встают без просыпу,
а по сёлам и деревням –
самородков златые россыпи
не кончаются от древяня...
...Не сидится тебе, не дремлет
на диванах из мягких кож,
ты и в семьдесят, ты и в семьдесят
молодей молодых живёшь!
Поклонюсь тебе за подаренный
и талант, и великий труд,
а в душе моей белым заревом
«Две рябины» твои цветут».*

А вот оценка венка сонетов «Цветы Болгарии»:
«Уважаемый Леонид Анфиногенович! Поздравляем Вас с большой творческой удачей. Мы внимательно прочли Ваш венок сонетов и оценили всю ту сложность творческой работы, которую Вы продавали. Стихи получились многогранными, так как создают и убедительный образ любви как высокого чувства, и романтический образ братской Болгарии. Удачным оказался лейтмотив всего венка сонетов – цветы Болгарии, как выражение любви и радости. Мы рады вашему успеху и ещё раз Вас поздравляем.

*С уважением, президент
Академии Российской словесности
Юрий Беляев,
действительный член Академии
русской словесности
Наталья Листикова»*

И, не претендуя на высокий поэтический слог и ритм, я хотел бы завершить свой очерк о Дудине Леониде Афиногеновиче также в стихотворной форме:

*Он неистовый поэт и испытатель,
Не астронавт, но точно писатель.
О покорении вселенной мечтатель
И космических кораблей создатель.
Он удостоен человеческого счастья
Быть в числе королевской дружины
И вопреки всем невзгодам, ненастьям
Достигнуть небесной вершины!
Шолохову читал он чётко стихи.
Смел, находчив – всегда был таков.
В поэзию открыли ему все пути
Владимир Фирсов и Герман Титов.
Мы узнавали героев с каждым полётом,
Но кто движки производил им –
Секретность большая.
Он снял завесу перед нашим народом,
Прославив Исаева, Богомолова
и Леонтьева Николая.
И венком чудных стихов и сонетов
Вмиг покорил он болгарских поэтов.
А в Воскресенское ЛИТО председатель теперь
Коломне и Луховицам открыл настужь дверь.
Честь и хвала его несметным трудам!
И средь славных воскресенских буден
Мы в нём отмечаем природный талант –
Будь здоров, наш поэт и прозаик Дудин!*

**10 февраля 2014 года
Михаил Коробов**

Надежда Косова

г. Москва

Надежда Косова родилась в Москве. Писать стала по велению души, работая с детьми, стала самостоятельно изучать психологию, и это дало огромный толчок и желание творить и писать о том, что волнует и тревожит!

НЕВПОПАД

Я видел ложь там, где её не видно,
Я видел свет, где был густой туман.
Играл, где победителям обидно,
И нажимал курок там, где никто не жал.

Я там любил, где было невозможно,
Я там страдал, где веселились все.
Я верил там, где налицо всё ложно,
Ходил по углям я, как по росе.

Там, где просили, я не подавал,
А предлагал там, где не нужно было.
Где верили мне, там я предавал,
Где разгоралось – у меня остыло.

Всё невпопад, себя я потерял,
Не попадал я ни в тональности, ни в ноту.
Я приходил, куда никто не звал,
Где все живут, я умирал за что-то...

ПОЛНОЧЬ

Разве я смогу налить вам водки,
Вы помилуйте – чистейший спирт.
Посмотрите, выпивает с вами Воланд.
Вы позволите себе невинный флирт?

Так сидели, продлевали полночь,
Всё было оплачено уже.
Мастер, заболевший поневоле,
Маргарита в лёгком кураже.

Бегемот с Коровьевым шалили,
Партия доиграна теперь.
Гелла с Варенухой подружились,
И платок был выкинут за дверь.

Праздничная, праздничная полночь,
Уж пора бы прекратиться ей.
Но барон ещё не прибыл – сволочь,
Вот прибудет, станет веселей!

Грянул вальс, танцующие пары,
Маргарита с кровью на ногах,
Кажется, страшнее нету кары,
Чем венец терновый на висках.

* * *

Валькирии вчера летали надо мной,
И рвали душу в клочья мне сомнения.
Был не в ладу давно я сам с собой,
И дело здесь совсем не в откровениях.

Меня терзал влетевший в сердце страх,
И еле на ногах стоял от беге.
Я убежал сегодня наспех, впопыхах,
Чтоб в омут с головой с разбега.

Искал себя, но так и не нашёл,
В потоках всех невзгод и всех страданий,
О боже, на коленях я пришёл,
Не дай мне умереть от разочарований.

И вдруг в конце пути я вновь увидел свет,
Родимого порога совершенство.
И ту, которая ждала здесь столько лет,
И ощутил покой я и блаженство.

Спасибо, Господи, что посылаешь испытания,
Которые мы в силах превозмочь,
И размышления о тяжком горе и страдании
Направить могут нас и нам помочь.

ЧЕЛОВЕК С УСМЕШКОЮ ПЯЦА

Человек с усмешкою паяца,
Но улыбка вся фальшивая насквозь,
Сколько можно тени мне бояться
И не верить, что у нас всерьёз.

Смех раскатами, как эхо, отдаётся,
Камнем на душе лежит тоска,
Но я верю, что моя любовь проснётся
И чуть-чуть покрутит пальцем у виска.

Что так долго ты меня не трогал,
Не будил в себе надежды луч?
Строил ты нарцисса-недотрогу
И не видел солнца из-за туч.

Человек с улыбкой Гуинплена,
Ты не бойся счастье повстречать.
Вывись ты из предрассудков плена,
Просто стоит лишь тебе начать.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ

Параллельные напряжения
Нас выводят на новый путь,
Позабыты пустые сомнения,
И обратно не повернуть.

Параллельные многоточия –
Пересечься им невозможно,
Наши вечные противоречия,
Позабытая осторожность.

Параллельные инсинуации,
Кто их создал для нас с тобой?
И где выход из ситуации?
Мы погрязли в ней с головой.

Параллельные сновидения,
Даже там не увидимся мы,
И высокое напряжение
Не остудит криков толпы.

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Перевороты в моей душе
 Сродни соблазнам в порыве страсти,
 Нет остановки на вираже,
 За поворотом всегда опасность.
 Любовь нагрянет, как ураган,
 Теряюсь сразу в порывах ветра,
 И был не допит вина стакан,
 И не прошли мы всех километров.
 Теряюсь снова в горниле дел,
 Но в промежутках зияют дыры,
 Сегодня снова я не успел,
 Мы в этой жизни лишь пассажиры.

Литературный триптих**ВЕЧНАЯ ВЕСНА «ОСЕННЕЙ МЕЛОДИИ»**

На нашей эстраде всегда было много дуэтов, они были разными: творческими и не очень, семейными и дружескими, на одну песню или на целую жизнь. Среди всего многообразия этих дуэтов меня всегда поражал дуэт Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева. К этому дуэту можно подобрать много эпитетов, среди которых: интересный, чувственный, глубокий, трогательный, нежный, берущий за душу и так далее. Я могу бесконечно продолжать этот список, но есть самый главный эпитет – это Постоянный! Дуэт существует с 1980 года, и, как я знаю из достоверного источника, образован он был в начале весны, время пробуждения нежности, эмоций и любви! За это время много было спето песен, ставших хитами нашей эстрады: «Комсомольская площадь», «Станция Минутка», «Сожалею» и многие другие. Особой песней для меня, например, является «Осенняя мелодия». Об этой песне я могу говорить бесконечно: нежная, пронзительная, берущая за душу каждым словом, каждой буковкой! Симбиоз рояля и гитары в этом дуэте, по моему мнению, достиг наивысшей точки соприкосновения! Да, кто-то скажет: есть дуэты и профессиональнее, и лучше звучат, – а я возражу! Да, может, они и лучше с профессиональной точки зрения, но такая душа, как в песнях этого дуэта, встречается в нынешнее время крайне редко. На сцене эти два человека не просто выступают, они там живут, смеются и плачут, шутят и огорчаются. Очень интересно наблюдать за ними на сцене, особенно в небольших залах, например в «Гнезде глухаря». Каждый их концерт непредсказуем, он живёт своей жизнью, и каждый из них не похож на другой. Ценность этих концертов заключена в живом исполнении, в общении с залом, непосредственном живом контакте со зрителем. Беззлые шутки, подтрунивания друг над другом добавляют в эти концерты неподдельные живые эмоции, которые возникают от ощущения того, что это живые люди, настоящие, с их горестями и радостями! Рассказы о той или иной ситуации, связанной с исполнением или возникновением той или иной песни, наполнены неподдельными эмоциями. Всё, что связано с каждой песней, Татьяна и Сергей бережно хранят в своих сердцах. Они очень тепло вспоминают каждого автора их песен. К сожалению, многих уже нет с нами, но они живут в их рассказах, в песнях, которые исполняет этот дуэт.

Память и вечные хиты – это, конечно, здорово, но ещё особенность дуэта Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева заключена в том, что они идут в ногу со временем, исполняют и новые песни, со-

труднячая с новыми авторами. Самый дорогой и долгосрочный проект этого дуэта – это, конечно же, их сын, Сергей Таюшев-младший. Он не только поддерживает традиции родителей, но и приносит современную нотку в их исполнение. Он и сам уже является автором многих песен, записывает альбомы и поёт о том, что его волнует, трогает и берёт за душу. Да, может, в современном мире кто-то скажет, что песни Сергея неформат, но они наполнены смыслом, а не пустым набором слов! В нашем современном, порой жестоком мире песни дуэта Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева и их сына являются лучиком надежды на изменение будущего в лучшую сторону, хотя бы чуть-чуть.

ПЕВЕЦ ВНЕ ФОРМАТА

Я так долго собиралась в «Гнездо глухаря», что думала – не попаду никогда, и вот наконец, отбросив все внешние факторы, решилась сходить. На афише значилось: «Легендарный дуэт Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева». Их «Осенняя мелодия» покорила меня уже давно, но читаю дальше. В концерте принимает участие Сергей Таюшев-младший. О-о-о, подумала я, интересно будет посмотреть. Сборы были недолгими, хотя давно никуда не выбиралась в люди. По дороге купила цветы, ну как же, неудобно с пустыми руками. Выйдя на улицу из метро и вдохнув морозного воздуха, я решительно направилась к бард-кафе, но чем ближе я подходила, тем тревожнее было у меня на душе. Купив билет и пройдя в зал, я огляделась. Небольшой уютный зальчик, сцена в непосредственной близости от столиков. Прохожу, мой столик 115, за ним сидит пара, присаживаюсь, оглядываюсь и замечаю молодого человека около режиссёрского пульта, он сильно похож на своего отца, и я понимаю, что этот молодой человек и есть Сергей Таюшев-младший. А надо сказать, что я всегда относилась к ряду поклонников, а не фанатов, и, не зная, как люди воспримут, решилась узнать, можно ли будет снимать на концерте. Администратор в моём присутствии задал Сергею этот вопрос, и Сергей утвердительно кивнул, я выдохнула. Очень хотелось иметь на память фото, а может, и видео с концерта.

Итак, действие началось, непринуждённый разговор с публикой, реплики из зала, интересные шутки, но главное – песни, берущие за душу своей искренностью, теплом и нежностью. Что-то я давно слышала, что-то открывала для себя впервые. И вот родители вызывают на сцену сына, представляют его публике, и, уходя, Татьяна Рузавина говорит:

– Не обижайте мальчика!

Мальчик, а точнее импозантный молодой человек, выше на голову мамы и папы, выходит на передний план, берёт в руки инструмент и начинает петь.

Интересный голос, думаю я про себя, он поёт песню из репертуара Ободзинского «Два окна со двора». Понимаю, что песня для меня неизвестная, но почему-то очень тёплая и искренняя. И я начинаю присматриваться к этому молодому человеку. Он объявляет следующую песню, но я даже не предполагаю, насколько эта песня поменяет моё отношение к нему, и что она явится началом интересных отношений поклонницы и певца, которые станут развиваться и, возможно, со временем перерастут в тёплую дружбу.

А песня называлась «Уходит женщина», с первых аккордов которой я поняла: что бы этот молодой человек потом ни спел, я не смогу без предвзятости отнести к его творчеству. Эта песня затро-

нула самые потайные уголки моей души, сыграла на самой тонкой струне моего сердца.

Интересное сочетание слов и красивой музыки, красивые эпитеты – я не знаю, что больше тронуло меня в этой песне, но через два дня после концерта я знала её наизусть и напевала везде. Тот концерт был в преддверии большого события для этого дуэта и их сына. Должен был появиться на свет их новый альбом под названием «Амальгама». Сергей Таюшев-младший в тот вечер спел несколько песен из нового альбома, признаюсь честно, их я слушала, но... не слышала на том концерте, да простит меня Господин Артист. Так как была всё ещё под впечатлением от этой песни – «Уходит женщина».

Концерт закончился, я подошла к Сергею и почти со слезами на глазах вручила ему цветы, хотя изначально я принесла их его маме. Я извинилась перед ней, но этот молодой человек настолько всколыхнул моё сознание, давно так не реагировавшее на чьи-то новые песни, что я не могла не признаться ему в этом. На память об этом концерте у меня остались фото и дебютный альбом Сергея Таюшева-младшего «Между чёрным и белым».

Приехав домой, я ещё долго находилась под впечатлением, найдя в сети эту песню, я прослушала её раз десять точно, а потом решила попробовать найти Сергея в социальных сетях, к моей радости, он принял предложение дружбы, и мы стали общаться. Я скачала песни с его дебютного альбома к себе в плеер, потом и с нового альбома «Амальгама», и стала слушать по дороге на работу и с работы, и вскоре репертуар Сергея и его знаменитых родителей был выучен почти наизусть, так что, попав на презентацию этого альбома, я была, как говорится, во всеоружии!

Теперь мы общаемся с Сергеем, делимся новостями, интересными впечатлениями, я слежу за его творчеством и надеюсь оставаться его поклонницей ещё очень и очень долго!

Я уверена, что все встречи в нашей жизни предначертаны свыше, и я очень благодарна судьбе и провидению за знакомство с легендарным дуэтом Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева и их потрясающим и главным произведением в их жизни – Сергеем Таюшевым-младшим.

ПОЭТ

Когда улеглась эйфория, связанная с песней «Уходит женщина», и я смогла «трезво» отнестись к другим песням Сергея Таюшева-младшего, я открыла удивительный мир песен, наполненных смыслом и интересным видением современного мира. Прослушав дебютный альбом, я закачала к себе в плеер песни с нового альбома «Амальгама» и приступила к прослушиванию, с каждой новой песней я погружалась в удивительный мир рассуждений о смысле жизни, человеческих отношений, безграничной любви и тепла. Песни не только уводили меня в другой мир, наполненный смыслом, но и заставляли задуматься, иногда остановиться. Красивая музыка, наложенная на умные стихи, уводила и вела за собой. Текст в песне для меня особенно важен, он должен заставить человека о чём-то задуматься, что-то почувствовать, а бездумные глупые тексты для дискотек, конечно, тоже имеют право на существование, но они не доходят до человеческого сердца, не трогают струн человеческой души. А в текстах песен с альбома «Амальгама» был глубокий смысл, заложенный автором стихов. Так я познакомилась с творчеством поэта Сергея Антипова.

К новому концерту, который был презентацией этого альбома, я была во всеоружии, я знала почти все песни наизусть и с удовольствием подпевала и дуэту Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева, и их сыну. Но в тот вечер в зале бард-кафе «Гнездо глухаря» был ещё один человек, без которого этот альбом не смог бы состояться. В глубине уютного зала, в приглушённой темноте, за столиком, на котором лежали стопки сборника стихов, только что вышедшего из типографии, сидел автор стихов к песням из альбома «Амальгама», Сергей Сергеевич Антипов.

Когда Сергей Таюшев-младший представлял каждую новую песню, он всё время загадочно намекал на автора, который пока ещё якобы инкогнито сидит в этом зале. И вот наконец-то наступил тот момент, когда автору стихов нужно было выйти из сумерек своего столика на сцену. Он вышел со своей новой книгой в руках, дрожащими от волнения руками он взял микрофон и после небольшого рассказа о себе, о знакомстве с дуэтом Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева начал читать стихи. Чувствовалось, как сильно он волновался, как нелегко давалось ему это выступление, и не потому что не привык к вниманию публики, а потому что это по своей природе очень скромный и интеллигентный человек, которому не свойственно выпячивать себя на публике. Сергей Антипов прочёл стихотворение «Геометрия любви», которое он посвятил Татьяне Рузавиной и Сергею Таюшеву.

Сорвав шквал аплодисментов, он так же скромно удалился со сцены.

Знакомство с Сергеем Антиповым оставило массу приятных впечатлений в моей душе и в моём сердце, я получила книгу его стихов «Стихиобие» с автографом автора.

Надо сказать, что ещё во время выступления Сергея Антипова на сцене меня так тронуло его волнение, что я тут же написала четыре строчки, переросшие затем в небольшое стихотворение, которое и предлагаю вашему вниманию:

*Ценно дрожание рук,
Голос, дрожащий на сцене,
Ты словно Маленький Мук,
Впервые ты на арене.
Успел ты в последний вагон,
Вскочив на последней площадке.
Но вот убегает перрон,
И ты стал тягловую лошадкой.
Хоть ноша твоя нелегка,
Ты горд и немисливо счастлив,
Пусть пролетают века,
Ты выжил, и всё в твоей власти!*

Прошу строго не судить, это было личное впечатление, и я тогда ещё совсем мало знала автора.

А потом была ещё одна встреча с Сергеем Антиповым, и опять на концерте легендарного дуэта Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева и их сына Сергея Таюшева-младшего. Мы немного пообщались в антракте, и он пригласил меня на сайт издательского дома «Серебро слов», где меня очень тепло встретили и приняли в дружную семью творческих людей.

Так я познакомилась с замечательными людьми, для которых понятия чести, совести, доброты и любви далеко не пустой звук. Они доказывают это каждый день не только людям, которым дарят своё творчество, но и в первую очередь самим себе!

Это легендарный и замечательный дуэт Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева и их сын Сергей Таюшев-младший, и поэт Сергей Антипов.

Спасибо вам за ваше творчество!

ПРИГЛАШАЮ К САМОВАРУ!

Стоит на кухне самовар
На жостовском подносе.
Кипит, бурлит, пускает пар,
Чайку попить всех просит.

Сияют медные бока,
Смеётся кран блестящий.
Хозяйки добрая рука
Подаст вам чай горячий.

А рядом чашки чинно в ряд
Стоят с ним по соседству.
Мне этот антиквариат
Достался по наследству.

Резные тонкие края
С витым переплетеньем.
Пьют чай из них мои друзья
С малиновым вареньем.

Вера Кошелькова г. Воскресенск, Московская обл.

Идёт беседа за столом,
Звучат задорно песни.
И в доме весело моём,
Когда с друзьями вместе.

ЛАНДЫШ

В лесу средь майской зелени
Растёт цветочек беленький
И щедро излучает
Весенний аромат.
А рядом нежной россыпью
В траве, умытой росами,
Их множество мелькает,
Куда ни кинешь взгляд.
Сложу букетик маленький,
Стряхну росу хрустальную,
В знак дружбы нашей давней
Тебе преподнесу.
Он сразу, без сомнения,
Поднимет настроение,
Тот скромный, белый ландыш,
Что прячется в лесу.

РАДУГА

Издали заметная
Лента разноцветная
Растянулась по небу
Яркою дугой.
С высоты красуется,
Ею все любуются,
Потому что нет другой
Радуги такой.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Шелестела белая берёза,
Ветками играя на ветру.
Капельки росы вдыхала роза,
Распускаясь дивно поутру.

Нежный запах, воздух наполняя,
Закружил, чаруя и пьяня.
Овладела нега мной без края,
И любовь наполнила меня.

Подарю её берёзе белой,
Розе, что раскрылась под окном,
И лугам непереспелым,
Где гуляли мы с тобой вдвоём.

ТЕБЕ

Где бы я ни появилась,
Всюду образ твой со мной.
Я без памяти влюбилась,
Это счастье, дорогой.

Если даже мы не рядом,
Мысли только о тебе.
Сердцем чувствую и взглядом
Поворот в моей судьбе.

Сколько радостных мгновений!
Сколько нежных, тёплых встреч!
Ты мне даришь вдохновение,
Так сумеи любовь сберечь.

БЕРЁЗКА

У родительского дома, у окна,
Мы с сестрой берёзку посадили.
Беспокоились: «А выживет она?»
И причины для сомнений были.

Слишком маленькой питомица была,
Хрупкий ствол изогнут некрасиво.
К нашей радости, берёзка прижилась,
Распрямилась гордо, всем на диво.

Чередой проходят годы день за днём,
И заметно повзрослела крошка.
Шелестит она игриво под окном,
Надевая по весне серёжки.

РОМАШКИ БЕЛЫЕ

Первые ромашки распустились,
Девушкам подарок луговой.
Раннею росой цветы умылись
И слегка кивают головой.

Вскинут иногда свой взгляд лукавый,
Белые ресницы приподняв.
Им цвести и нежиться по нраву
Меж цветов других и сочных трав.

Вышел я однажды утром ранним
Босиком промчаться по росе,
И ромашку на лугу бескрайнем
Увидал во всей её красе.

Я сорвал цветок, второй и третий,
Словно на лугу других и нет.
Вечером любимую я встретил,
Подарил ей собранный букет.

Пусть цветы напомним ей свиданье,
Нежный взгляд, помятую траву,
Первый поцелуй, в любви признание
И небес густую синеву.

Олеся Кудеркова

г. Азов, Ростовская область

* * *

Ты считаешь меня высшим разумом в свете?
Я могу привести отрицательный довод!
Я такой же, как все: как и те, как и эти,
А иначе считать не давал тебе повод.

Ты считаешь, что я зачарованный странник,
И разгадка того в глубине моей воли?
Может быть, слишком поздний, и может быть, ранний.
Ты считаешь меня божеством неким, что ли?

Я обычный, как все, только с неким секретом,
Но тебя тот секрет привлекает, увы,
Я порой на секрет сам не знаю ответа
и не знаю ответ на загадки судьбы.

Я не знаю концов своих мыслей бескрайних,
Ты считаешь, что я это нечто иное?
Только что мне от этих суждений печальных,
если ты для меня – это что-то святое.

КУМИРЫ

Понять Творца не каждому дано,
но каждый мудр по-своему. Увы,
дожди стучат в закрытое окно,
не слыша плач придавленной травы.

И сердце в такт с часами на стене,
дух молча погружается в свой мир,
и где-то там, в привычной глубине,
скрывается, как тень, творца кумир.

А в озере душевном тишина –
у личности особенный эфир.
Свобода сердца каждому дана,
и этот каждый всякому кумир.

РОДНАЯ СТОРОНА

Когда уезжаешь из милого дома,
Тебе не хватает родного уюта,
Тоску не заглушишь бокалами рома,
родной уголок не заменит каюта.

Мерещится город и звёздное небо,
родная речушка, у дома костёр...
Куда бы ни ехал, и где бы ты ни был,
ничто не заменит родимый простор.

* * *

Знаешь, я видела его глаза,
он звал на помощь тихо
и беззвучно,
а может, он и сам не знал,
что там не всё благополучно.
А может, просто не хотел,
чтоб кто-то лез в родную жизнь,
хотя ни робок и ни смел,
но некому сказать: «Держись».
А может, он и не узнал,
что есть людская неприязнь.
Он тихо плакал и стонал,
и в сердце породил боязнь.
Знаешь, я видела его глаза,
он будто ангельски молил.
Конечно, помогу, я только «за»!
Но он не захотел, остановил.
И днём и ночью в соцсетях,
при встрече коротко: «Привет».
Сошёл товарищ мой с пути,
и ЛИЧНОСТИ в нём больше нет.
Я помню тот последний взгляд,
дымок истлевших сигарет.
И нет уже пути назад.
Звоню ему – гудки в ответ.

НЕСОВПАДЕНИЕ

Она любила море,
он море не любил
и где-то на просторе
в тиши спокойно жил.
Она любила небо
над бурной синевой,
ему милее кофе,
да книга и покой.
Она росла у реки,
простая, не по моде,
и, зажигая свечку,
мечтала о свободе.
А он был необычный,
из городских кровей,
душе его привычной
мерцанье фонарей.
Она любила тучи,
и молнию, и гром,
а он, печальный случай,
любил пустынный дом.
Хотела быть счастливой...
из глаз течёт слеза:
не жизнь несправедлива –
бездушная судьба.

НЕ ОДИНОК

Ты можешь ползать иль порхать,
Но если окружён любовью,
Тебе не страшно умирать,
И ты уже не слышишь боли.

Пусть одинок, но не один
в стране святых и, слава Богу,
среди неписанных картин,
зато здесь не подставят ногу.

Чтоб ты в пучину не попал.
Ты не один и есть надежда,
друзья всегда смягчат удар –
чиста душа, а не одежда.

Как нелегко среди людей
найти единственного в мире,
того, кто больше всех милей
и в ком душа немного шире.

БЕЛОРУССКАЯ СПИЧКА (юмористический детектив-пародия)

Все события, изложенные здесь, основаны на реальных фактах. Изменены только имена, фамилии, место действия, а также способы и мотивы преступлений.

Тёмная октябрьская ночь. Холодный, пронизывающий ветер с завыванием гонял опавшую листву по дорожкам парка. Зловещий бледно-голубой свет луны изредка проглядывал из-за тёмно-свинцовых туч. Внезапно он высветил ложбину близлежащего оврага, на дне которого, чуть прикрытое опавшей листвой, в луже крови лежало полностью обнажённое тело молодой красивой женщины.

Наступало утро. Старший следователь уголовного розыска Анастас Львович Ледомарин у себя в кабинете коротал время, оставшееся до конца дежурства, за чашечкой кофе и разговорами в компании своих сослуживцев, молодых оперативников Сени и Пети – и уже пожилого, выдавшего виды судмедэксперта Самуила Яковлевича Рабиновича. Надо сказать, что Анастас имел огромнейший опыт работы в уголовном розыске. Сначала, в работе простого оперативника, ему помогало владение многими видами единоборств: самбо, дзюдо, карате, айкидо, вольная борьба, классическая, бокс и бег на длинные дистанции. В дальнейшем, когда его назначили следователем уголовного розыска, пригодились его познания и в философии. Глубокое изучение работ Дидро, Руссо, Макиавелли, Канта, Гегеля. А также Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, несомненно, добавили ему качества, необходимые для следственной работы. За эти годы, проведённые в уголовном розыске, развились способности аналитика, появилось особое чутьё и необыкновенно развитая интуиция. Вот и сейчас, когда раздался телефонный звонок, он сразу понял, что сегодня домой уже не попадёт. И действительно, это был звонок оперативного дежурного, сообщившего о происшествии в городском парке:

– Всё, ребята, кончай отдыхать, на выезд, – дал команду Анастас. – У нас труп.

Прибыв на место происшествия, Ледомарин начал свою работу с осмотра тела потерпевшей. Его поразила необыкновенная красота этой женщины. Длинные, белокурые, слегка вьющиеся волосы обрамляли точёный профиль её лица. Высокие груди («Наверно, шестой номер», – определил про себя Анастас), тонкая талия, широкие бедра и длинные,

Алексей Кулешов г. Воскресенск, Московская обл.

стройные ноги. «А мы хорошо бы смотрелись вместе», – подумал Ледомарин. Он, высокий брюнет, атлетического сложения, в своём чёрном, прекрасно сшитом английском смокинге, купленном им по случаю в магазине «Секонд хэнд». (Понятно, что на свою зарплату следователя такой костюм не сшить по индивидуальному заказу.) И она, стройная блондинка в открытом вечернем платье. Входят в ресторан, ловя восхищённые и завистливые взгляды мужчин и женщин. После ужина в ресторане он пригласил её к себе на чашечку кофе. А там... может быть!.. Тут, как всегда некстати, его размышления прервал судмедэксперт:

– Анастас, обрати внимание на эти пять глубоких ножевых ран. Посмотри, как они симметрично расположены.

– Думаешь, убийство ритуальное?

– Не исключено, не исключено, помнишь, пять лет тому назад – дело о секте «Чёрных ангелов». Нечто похожее.

– Да, Самуил, похоже. Громкое дело было. Двенадцать трупов за один только год.

Их воспоминания прервал громкий возглас оперативника Сени:

– Нашёл, нашёл! Орудие убийства нашёл, – и он, довольный собой, предъявил свою находку. Окровавленный нож с необычной резной ручкой. – Смотрите, Анастас Львович, здесь на ручке какая-то непонятная надпись, нечто среднее между клинописью, иероглифами и латинскими буквами.

Анастас аккуратно взял нож у Сени и сразу своим опытным глазом заметил кровавые отпечатки чьих-то пальцев. Передав нож судмедэксперту, он отчитал молодого оперативника:

– Во-первых, нельзя говорить, что это орудие убийства, до экспертизы. Это предполагаемое орудие убийства.

Сеня, виновато улыбаясь, с восхищением смотрел на Ледомарина, внимательно слушая его мудрые наставления и думая, как ему всё-таки повезло, не всякому выпадает честь работать рядом с таким признанным мастером своего дела, у которого есть чему поучиться. Анастас в это время анализировал в уме находку Сени. Интуиция ему подсказывала, что нож вряд ли поможет раскрытию преступления. Отпечатки пальцев наверняка отсутствуют в картотеке уголовного розыска. Такую необычную надпись вряд ли удастся расшифровать. Нужно искать что-то другое. Он ещё раз внимательно оглядел место происшествия.

Ветер, бушевавший ночью, стих. Бледное октябрьское солнце своими лучами ещё ярче подчёркивало багрянец и желтизну осенних листьев. Ледомарин процитировал всем известные строчки «осенняя пора, очей очарованье». И подумал: «Да, гениальный был поэт... Лермонтов». С клёна сорвался лист и, кружа в воздухе, как бы вальсируя, медленно опустился на землю. Анастас нагнулся и поднял упавший лист. Его сердце ёкнуло от предчувствия. Вот оно – то другое! На земле лежала изжёванная чьими-то зубами спичка. Он достал пинцет и, аккуратно взяв спичку, положил её в целлофановый пакет и сунул его в нагрудный карман. К Ледомарину подошёл Петя:

– Анастас Львович, свидетеля надо допросить. Я от него ничего не могу добиться. Бормочет что-то невнятное. Попробуйте сами.

– Свидетель есть. Что же вы молчали? Кто он такой?

– Да это охранник парка. Он как раз труп и обнаружил.

– Ну, давай его сюда.

К нему подвели невысокого пожилого, отчего-то дрожащего человечка. Чуткое обоняние Анастаса уловило страшный запах «палёной» водки из некачественного технического спирта, идущего обычно на изготовление незамерзающей жидкости для мытья стёкол автомобиля.

– Да он пьян в доску!

Обычно в таких случаях следователь дожидался, когда свидетель протрезвеет. Но время было дорого. Любое промедление могло затянуть расследование. Ледомарин это прекрасно понимал. Тут ему пришлось на помощь его знание психологии. Он схватил охранника за грудки и громким, грубым голосом приступил к допросу:

– Ну что, в молчанку будем играть или сразу признаемся, как и за что ты убил эту женщину?

От таких слов охранник сразу протрезвел:

– Да не убивал я её. Обход парка делал, а тут вот она лежит. Ну, я сразу в милицию и сообщил.

– А ночью где был? С кем поддавал?

– Да здесь, в дежурке. Ванька Першин с Колькой Орловым пришли. Притащили пятилитровую баклажку, и мы всю ночь гудели. Весело время провели.

– А ночью ничего не слышали?

– Да не, тихо было. Только ветер свистел, завывал. Вы уж начальству не говорите того, этого... А то уволят.

– Ладно, ладно, ступай. Если понадобится, вызову, подойдёшь ко мне в управление. А пока иди, похмелись. Небось, осталось у вас там чего.

– Да не, всё вылакали. После того, как вас вызвал, последнее допил.

– Да ты что! Ведь так и помереть недолго.

– Закуска хорошая была. Ванька Першин своего барана зарезал. Мяса нажарили, наелись до отвала.

– Да знаю я Ваньку. Только откуда у него баран? Он же кинолог. Служебно-розыскных собак разводит. У нас две его работают, Рекс и Мухтар... Погоди, погоди. Так вот куда он отбракованных собак деваает.

Анастас весело рассмеялся. Охранник как-то странно побледнел и, согнувшись пополам, начал опорожнять свой желудок от всего выпитого и съеденного за ночь. Ледомарин брезгливо поморщился и подумал: «Да, русские мы, а не корейцы. Не воспринимает наш желудок собачьего мяса». Потом он подождал Сеню, Петю и Рабиновича:

– Ну вот что, ребята, заканчиваем здесь. Сеня, ты отработываешь нож. Пусть у нас в лаборатории снимут отпечатки пальцев, а шифровальщики попробуют расшифровать надпись. Петя, ты выясняешь личность убитой. Возьми фотографию и опроси все модельные агентства в городе. По её внешним данным, она должна где-то там работать, вернее, работала. Самуил, за тобою труп. Проверь, этим ли ножом убита женщина. Ну, ты знаешь, что ещё делать, не мне тебя учить. А я на ковёр, пред светлые очи Боровика.

Подполковник Боровик Иван Семёнович, начальник отдела, где служили наши герои, требовал от каждого подробного доклада о ходе следствия и строго следил за своевременным выполнением работы. За простоватой, туповатой внешностью скрывался человек большого ума, отлично разбираю-

щийся во всех делах своих подчинённых. Частенько его советы по ходу следствия были решающими и приводили к положительному результату. Начальство его ценило, но недолюбливало за своенравный характер. Он мог прямо в глаза руководству резать правду-матку. Высказать, не боясь последствий, всё, что он о них думает. Единственной, кого он побаивался и кому безоговорочно подчинялся, была его жена Серафима.

Ледомарин подробно изложил Боровику ход следствия, и единственное, о чём умолчал, это о найденной им спичке. Это не укрылось от проницательного взора Ивана Семёновича:

– Ну, давай, давай, выкладывай. Ведь у тебя что-то ещё есть? Не стесняйся.

Анастас, слегка помявшись, показал найденную им спичку. Глаза у Боровика загорелись. Он что-то учуял:

– Что ж, отработай её. В этом непростом деле важна каждая мелочь.

Спичка! Действительно мелочь. Ледомарин решил действовать нестандартно. Он обратился к своему старому другу, стоматологу Мише Туманяну. Вообще-то его звали не Миша, а Мхитар, в честь знаменитого армянского полководца. Но поскольку он давно жил в России, то, представляясь, называл себя Миша. Под этим именем он имел довольно большой круг знакомств, необходимый для его профессии. Анастас познакомился с ним лет десять тому назад, когда ещё работал оперативником. При задержании знаменитого вора в законе по кличке Дуболом. Он, несмотря на свою подготовку, пропустил мощный удар в челюсть и потерял два передних зуба. Миша вставил ему искусственные, по какой-то новейшей технологии, и они почти ничем не отличались от природных зубов. Кроме этого, у них обнаружилась общность интересов. Оба считали, что в России самые красивые девушки и что самый лучший в мире коньяк – это армянский. Все остальные, будь то американский «Хеннесси», греческий «Метакса», французский «Наполеон», ерунда по сравнению с этим прекрасным армянским напитком. Настоящий армянский коньяк почти что невозможно купить у нас в магазинах. Там в основном продаётся грубая подделка. А Мише этот благородный напиток постоянно привозили из Армении его многочисленные родственники.

Анастас пришёл к Туманяну прямо в клинику. Народу в этот день было не так много, как обычно. Миша рано закончил приём пациентов и с искренней радостью встретил своего друга. Достал из медицинского шкафчика початую бутылочку. Наполнил коньяком стаканы где-то на четверть и, естественно, как истинный кавказец, произнёс тост, предложив выпить за дружбу. Рабочее время Ледомарина ещё не закончилось, а он никогда не позволял себе выпивать на работе. Но не выпить с Мишей, когда он уже произнёс тост, означало кровно его обидеть. Анастас, немного поколебавшись, всё-таки изменил этому своему принципу.

После того как выпили ещё по одной, Ледомарин показал найденную им спичку Туманяну. Миша под микроскопом внимательно осмотрел её и выдал своё заключение:

– Это след от зубов, верхних, четвёртый и пятый. Нижних зубов – тоже четвёртый и пятый. Особенности такие. На пятом нижнем небольшой скол эмали. А вот верхние зубы – керамика. Причём вставлены совсем недавно, дня два-три тому назад. Прикус неправильный. Ему придётся посетить стоматолога, чтоб всё исправить.

Анастас обрадовался:

– Миша, спасибо тебе. Теперь всё просто. Обойду все стоматологические клиники и найду преступника!

Туманян рассмеялся:

– Ты чего, Анастас. У нас в городе этих клиник до чёрта, и потом, есть ещё множество частных стоматологов, их как собак нерезаных, уйма! Твоему ведомству года не хватит, чтоб всех опросить. Я бы тебе посоветовал взять на анализ слюну с этой спички. Определишь группу крови, а ещё лучше – ДНК. Хотя это довольно-таки дорого.

Ледомарин глубоко задумался:

– Значит, придётся идти кланяться в ножки Юлии Станиславовне.

Юлия Станиславовна Рыкова, несмотря на свой довольно-таки молодой возраст, всего двадцать семь лет, защитила докторскую диссертацию и имела за плечами два высших образования. Медицинский институт и Химико-технологический. Единственная дочь всем известного владельца крупной нефтяной компании «Европа Нефть» отличалась независимым, крутым нравом. Отец и мать пророчили ей карьеру певицы и не жалели денег на её музыкальное образование. Имея хороший слух и приличные голосовые данные (лирическое сопрано) при хорошей раскрутке, как принято говорить в шоу-бизнесе, и на деньги своего папы могла бы стать звездой. Если не мировой, то по крайней мере российской. Но, вопреки воле отца и матери, она устроилась на работу в криминалистическую лабораторию при МВД простой лаборанткой. И, уже работая там, заочно закончила два института и теперь возглавляла отдел НИИ Криминалистики при МВД России. Красивая и эффективная женщина, она имела колоссальный успех у мужчин.

Но горький и печальный опыт первого замужества заставил её считать (извините меня за грубое выражение), что все мужики сволочи. Им не нужна такая женщина, как она. Им нужны только деньги её отца. Её первый муж изменял ей направо и налево, соблазняя женщин своим роскошным «мерседесом», подаренным ему богатым тестем. Юлия развелась с ним и выгнала. И, благодаря нанятому адвокату, отомстила, оставив без гроша в кармане. Но не это заставило Ледомарина обратиться к этой женщине. Главное – он доверял её высокому профессиональному уровню. Примером служило всем известное так называемое «Сопливое дело». У преступника было железное алиби. Но его подвело то, что, имея насморк, он не взял с собою носовой платок и высморкался прямо на месте преступления. А согласно исследованиям Юлии Станиславовны, которые и стали основой её кандидатской диссертации, любые мокроты и испражнения человека сугубо индивидуальны, как отпечатки пальцев. А по степени высыхания можно точно определить, когда человек высморкался или испражнялся. И всё алиби преступника рухнуло, как картонный домик. Эта работа принесла ей в определённых кругах громкую известность не только у нас в России, но и за рубежом. Ледомарину почему-то нелегко давалось общение с Юлией Станиславовной. С ней он чувствовал себя скованным и неуклюжим, чего не наблюдалось при встречах с другими женщинами. Непонятно куда девалось его природное остроумие. У него, всегда ясно и чётко умевшего изложить свои мысли и чувства, в её присутствии появлялась какая-то косноязычность в речи. Поэтому он старался избегать общения с Рыковой, и только крайняя необходимость, как сейчас, заставила его пойти на эту встречу. Юлия относилась к Ледомари-

ну неоднозначно. С одной стороны, она презирала его, как всех красавцев-мужчин, а с другой, недоумевала. Она, привыкшая к тому, что окружающие мужчины всегда пытались ухаживать за ней – все, кроме Ледомарина. И где-то в глубине души даже затаилась обида. Она видела, с каким восхищением смотрели на него женщины в её отделе, особенно незамужние. Каждой он отпускал комплименты, подолгу разговаривал, а Верочке, этой лахудре, ни кожи ни рожи, подарил в день рождения роскошный букет красных роз. А с ней только – «здравствуйте, Юлия Станиславовна, до свиданья, Юлия Станиславовна». Поэтому она очень удивилась, когда Ледомарин лишь только слегка поздоровался со всеми в отделе и, ни с кем не разговаривая, подошёл именно к ней. Достал целлофановый пакет и с какой-то робостью попросил:

– Юлия Станиславовна, вы не могли бы сделать в вашей лаборатории анализ слюны с этой спички? Что вы ещё можете сказать о ней? Меня интересуют ваши выводы. Если можно, то, пожалуйста, сделайте это срочно.

Рыкова взяла пакет. Что-то записала в своём журнале:

– Хорошо, Анастас Львович, я посмотрю и что смогу сделаю. Предварительный анализ будет готов завтра.

– Спасибо, Юлия Станиславовна, до свидания. Завтра в это же время я зайду к вам.

Анастас отправился к себе в отдел, досадуя на свою робость перед Юлией Станиславовной и на то, что забыл попросить её сделать анализ на ДНК. Но возвращаться обратно не решился.

В отделе его уже ждали Петя, Сеня и Самуил Яковлевич.

– Ребята, какие новости? – спросил Ледомарин. – Давай ты первый, Самуил.

– Новости плохие, Анастас. Этот нож не орудие убийства. По-видимому, его просто подбросили. Группа крови убитой четвёртая, резус – отрицательный. Вот и всё. Больше пока ничего по моей части нет.

– Так, Сеня! Значит, отпечатки пальцев не пригодятся, и не имеет смысла расшифровывать надпись. Что у тебя, Петя? Установил личность убитой?

– Да, Анастас Львович. Это Ковалёва Маргарита Михайловна. Проживает, ой, извините, проживала на улице Николаева, дом №10, квартира 33. Работала, вы были правы, в модельном агентстве «Камасутра».

– Это что, замаскированный бордель?

– Нет, Анастас Львович, нормальное, причём элитное агентство. Его возглавляет известный модельер Вячеслав Лисицын. А почему вы подумали, что бордель?

– Да название такое больше подходит для борделя.

– Почему?

– Потому что «Камасутра» – это древнеиндийский трактат о любви, а не о моде.

– А я слышал, что это о сексе.

– О любви! Я считаю, что правы те, кто говорит, что в России секса нет. Секс – это не русское слово. По-русски – это любовь. Ладно, хватит о любви, давай о деле. Петя, завтра с утра в модельное агентство. Опроси сослуживцев, определи круг её знакомств. Ты, Сеня, на квартиру. Побеседуй с соседями. Может, какая-нибудь ниточка и появится. А теперь домой. Спать, отдыхать, а то уже сутки на ногах. Всё, до свидания.

Анастас с неохотой пришёл в свою холостяцкую обитель. Вся жизнь его проходила на работе, в кругу

своих сослуживцев, где он не чувствовал себя таким одиноким. И только потребность отоспаться, отдохнуть от всех дел заставляла его появляться в своей квартире. И потом, тяжкие и гнетущие воспоминания о бросившей, покинувшей его жене, которая не выдержала бесконечные отлучки в любое время суток по вызову на работу, были причиной этой неохоты.

Вскипятив воду в кастрюльке и заварив в ней пачку пельменей, купленных им по дороге домой, он перекусил и заснул. Но даже во сне перед ним прокручивались различные версии произошедшего преступления. Даже самые невероятные. От убийцы-одиночки до убийства по ритуальным соображениям неведомо откуда взявшейся секты.

Но поспать ему так и не дал раздавшийся звонок телефона:

– Анастас, извини, что так поздно. Это Самуил. По результатам вскрытия появилась новая информация. Потерпевшая приняла – или ей подсыпали – снотворное. И только потом убили. Буду рад, если это тебе поможет. Ещё раз извини старого еврея. Спокойной ночи.

Самуил прекрасно знал, что спокойной ночи у Анастаса не будет, пока дело не раскрыто. И не стеснялся звонить ему в любое время суток. Сообщение Рабиновича, пожалуй, не помогало, а ещё более запутывало следствие: «Нет, утро вечера мудренее, – подумал Ледомарин. – Завтра, вернее, уже сегодня всё должно проясниться. Одна надежда на Юлию Станиславовну. Что скажут результаты анализа пресловутой спички, и к каким выводам это приведёт? Всё, надо выпасться». И Ледомарин наконец-то крепко заснул.

Утром его разбудил звонок будильника. Анастас, как обычно, принял контрастный душ, выпил стакан крепкого чая, съел пару бутербродов и отправился на службу. Как всегда, работа начиналась с оперативного совещания в кабинете начальника отдела. Подполковник Боровик, проводивший эти совещания, требовал подробнейшего доклада о ходе следствия. Ледомарин, докладывая, привёл все возможные версии происшествия и рассказал о планах мероприятий по розыску преступника. Говорил он как-то отрешённо и механически, мысли его текли совсем в другом направлении. Он настраивал себя на предстоящую встречу с Юлией Станиславовной. Придя после совещания к себе в кабинет, он продолжал свои размышления, которые прервал ворвавшийся в кабинет Сеня:

– Анастас Львович, установлен владелец ножа. Вот Серёга Шалапутов знает, чей это нож, – и Сеня буквально втащил в кабинет своего коллегу, оперативника.

Сергей Викторович Шалапутов как нельзя больше соответствовал своей фамилии. Оперативник он был никудышный и лентяй редкостный. Его держали в отделе только за его необыкновенную коммуникабельность и общительность. За его умение разговаривать любого, в том числе и подозреваемых в преступлении. Особенно это относилось к женскому полу. Обладая довольно-таки заурядной внешностью, он каким-то образом имел большой успех у женщин. Как и почему? Это понять никто не мог, даже сами женщины:

– Ну давай, Серёжа рассказывай, чей нож? – спросил Ледомарин.

– Да Лёньку Курбатова. Он им свиней режет. Его у нас в Марьино каждая собака знает. Как кому кабанчика зарезать, его приглашают. Ловко у него это выходит.

– Анастас Львович, – вмешался Сеня. – Вот у меня заключение от Самуила Яковлевича, кровь на ноже не человека, а свиньи, – и передал бумагу Ледомарину.

– Так, хорошо. Сеня, давай езжай в Марьино и разузнай у Курбатова, как этот нож мог оказаться на месте преступления.

– Анастас Львович, – обратился к Ледомарину Шалапутов, – давайте и я поеду с Сеней. Ему без меня Лёньку не найти. Во-первых, я там родился. Отец и мать ещё там живут. Во-вторых, я там всех знаю. В-третьих...

Но Ледомарин не дал договорить:

– Всё, хватит болтать. Езжайте оба. Только одна нога здесь – другая там. Не задерживайтесь.

– Анастас Львович, – не унимался Шалапутов, – распорядитесь, чтоб нам дежурную машину дали. А то автобус до Марьино только через час будет. Столько времени потеряем.

– Ладно, я сейчас позвоню в гараж. Будет вам машина.

– Анастас Львович, – продолжал неугомонный Шалапутов. – Вы теперь холостой. Приезжайте к нам в Марьино. Я вас с такими девочками познакомлю! У нас на ферме доярками работают. А какие у них груди, бедра! Куда там Мэрилин Монро. Есть за что подержаться.

– Слушай, Шалапутов. Достал! Давай вали отсюда. А то я тебе такой выговор влеплю, что мало не покажется.

– Всё, всё, бегу, Анастас Львович.

И Шалапутов удалился.

Ледомарин позвонил в гараж, распорядился насчёт машины для Сени и Шалапутова и, посмотрев на часы, стал собираться на встречу с Юлией Станиславовной. Но его сборы прервал телефонный звонок. Ледомарин снял трубку. Звонил Иван Семёнович Боровик:

– Анастас, срочно зайди ко мне. Есть новости. Возможно, по твоему делу.

Анастас, немного раздосадованный изменением своих планов, направился в кабинет начальника. Но эта досада мгновенно улетучилась, когда он услышал обещанные новости от Ивана Семёновича:

– Анастас, в соседнем городе совершенно аналогичное убийство. Убита молодая красивая девушка. И тоже приняла снотворное, и потом ей нанесли точно такие же, симметрично расположенные, пять ножевых ран. Так что готовься выезжать к нашим коллегам в соседний город. Такое совпадение не случайно. Похоже, у нас маньяк.

– Зачем выезжать, Иван Семёнович? Пусть они по факсу перешлют нам все материалы по этому убийству. А мы здесь на месте разберёмся. Да и некогда разъезжать. Время дорого. Дел полно. Вся наша команда загружена до предела. Вот мне сейчас в НИИ Криминалистики срочно ехать надо. Там готовы предварительные анализы, которые многое могут прояснить.

– Да, пожалуй, ты прав. Ладно, езжай в НИИ. Юлия Станиславовна действительно может многое прояснить. Красивая женщина, не замужем. Понятно, понятно! Ты тоже холостой, пора бы и женой обзавестись.

– Иван Семёнович! Ну ладно Шалапутов, ещё и вы туда же.

– Хорошо, хорошо, не обижайся, Анастас. Жалко просто тебя. Никакой личной жизни с этой работой. Небось, одними бутербродами и пельменями питаешься. Так и желудок можно испортить. А мне здоровые сотрудники нужны. Ну всё, хватит. Давай иди,

работай.

И Ледомарин отправился на встречу с Рыковой, размышляя о том, как ему приступить к разговору с Юлией Станиславовной. Может, подарить ей букет цветов? Нет, это как-то неудобно. Лучше это сделать потом. Когда он получит результат анализов. Да и что такое происходит? Он, никогда не теряющийся в любых ситуациях, не знает, как поступить, как действовать в этой! Нет, всё как будет, так пусть и будет.

Юлию Станиславовну он застал за работой у себя в лаборатории. Ледомарин опять с какой-то робостью подошёл к ней, не зная, как начать разговор. И вздохнул с облегчением, когда она заговорила первой.

– А, Анастас Львович! У меня почти всё готово. Анализ слюны сделан. Определена группа крови. Да, хотя вы меня об этом не просили, я решила, что вам понадобится и анализ на ДНК. Но с этим придётся подождать. Минимум с неделю. Кстати, эта спичка не российского производства, а из Белоруссии. Гродненской фабрики.

В голове у Анастаса как будто что-то щёлкнуло, словно сработало какое-то реле. Совершенно случайно при расследовании недавнего убийства бухгалтера фирмы ООО «Оптим» он узнал, что аналогичные спички поступили в продажу только в один из магазинов этой фирмы, находящийся на улице Советской. Значит, преступник проживает или часто бывает в этом районе. Не пойдёт же он покупать спички в другой конец города. И притом там, рядом, находится стоматологическая поликлиника. Это удача!

– Юлия Станиславовна! Да вы просто молодец! – воскликнул Анастас и совершенно неожиданно, в порыве чувств, обнял её и поцеловал. Юлия обомлела. У неё закружилась голова, и она чуть не потеряла сознание от вспыхнувшего в ней желания, оттого что её обнимал и целовал мужчина. Чего она уже давно не испытывала:

– Ой, извините, Юлия Станиславовна, – опомнился Анастас, – ну, я пойду, ещё раз извините.

И Ледомарин опрометью покинул лабораторию.

Прошло два месяца. Вечером в кафе «Лира» собрались сотрудники уголовного розыска, чтобы отметить юбилей начальника отдела, Боровика Ивана Семёновича. Иван Семёнович не очень любил подобного рода мероприятий, но, как всегда, подчинился своей жене Серафиме Григорьевне, которая и взяла на себя все обязанности хозяйки данного вечера. Она прекрасно знала всех сотрудников отдела и, поскольку долгое время работала следователем прокуратуры, отлично разбиралась во всех деталях работы своего мужа и никогда не терзалась глупой ревностью по поводу его долгих отлучек и бесконечных звонков и днём и ночью.

За праздничный стол Анастаса и Юлию, тоже приглашённую на этот юбилей, Серафима посадила рядом и, как мне кажется, не случайно. Весьма смущённые этим обстоятельством, они долго молчали. Но когда выпили несколько рюмочек за здоровье Ивана Семёновича, разговор всё-таки завязался. Первой заговорила Юлия:

– Анастас Львович, вы нашли убийцу этой женщины?

– Да, Юлия Станиславовна, нашёл. И всё благодарю вам и этой белорусской спичке.

– Ну и как же это удалось?

– После вас я направился в стоматологическую поликлинику и нашёл человека с подобным прику-

сом и с отклонениями, аналогичными оставившим след на спичке. Анализ ДНК, сделанный вами, установил его полную причастность к совершённом преступлению. В чём, кстати, он полностью признался. Это было не одно убийство, совершённое им. Ещё пять аналогичных убийств, зарегистрированных в соседних районах, на его совести. Но, по моему разумению, совести у него нет. Все убийства совершены на почве сексуальной неудовлетворённости. Он просто-напросто импотент. В этом он обвинял не себя, а всех женщин. По поводу этого ненормального поведения его направили на обследование к психиатру, и он был признан психически ненормальным.

– Ну и что же теперь?

– Теперь он в нашей специальной клинике, и неизвестно, вылетит его или нет. Но судить его не имеют права. Но слава богу, что хотя бы таких убийств у нас уже больше не будет.

– А как этот необычный нож оказался на месте преступления?

– Совершенно случайно. Лёнька Курбатов после очередного забоя кабанчика, как обычно, напился до потери сознания и совершенно не помнил, как и каким образом оказался в парке с этим ножом, где его и потерял.

В зале кафе заиграла музыка. Под звуки неувядающего вальса Иван Семёнович с Серафимой первыми открыли танцевальную часть этого вечера. К ним присоединились и другие пары. Анастас пригласил Юлию, и они закружились в завораживающем ритме этого никогда не стареющего танца. Они ничего не говорили друг другу и только глазами выражали все чувства вспыхнувшей и, надеюсь, неувядающей любви. Не надо слов, достаточно только взгляда, чтобы объяснить всё, что ты чувствуешь, как ты любишь, и что не можешь прожить всю оставшуюся жизнь без любимого человека.

В это время в зал, в сопровождении двух дюжих охранников, вошёл импозантно одетый, с благородной сединой в висках, человек. Это был Станислав Александрович Рыков.

– Папа! – изумлённо воскликнула Юля. – Что случилось? Почему ты здесь?

– Юленька, доченька, у меня неприятности. Только ты мне можешь помочь! У нас пропал главный бухгалтер, Говорухин Иван Николаевич. У него очень важные для меня документы. В милиции заявили, что примут моё заявление только через три дня. Помоги мне, пожалуйста. Иначе я разорён.

– Конечно, папа, я постараюсь сделать всё возможное. Анастас Львович, вы не поможете?

В это время зазвонил мобильный телефон Ледомарина. Звонил оперативный дежурный.

– Анастас, извини, что отрываю, но у нас убийство. В лесопарке обнаружен труп человека. По найденным при нём документам, это Говорухин Иван Николаевич.

– Хорошо. Мы сейчас выезжаем, – ответил Анастас. И обратился к своей бригаде, которая присутствовала на этом юбилее: – Петя, Сеня, Самуил, на выезд. У нас труп. Станислав Александрович, вы не сможете поехать с нами? На опознание.

– Да, да, конечно, я с вами.

– Я тоже с вами поеду, – заявила Юлия Станиславовна. Ледомарин кивнул в знак согласия. И все они направились к выходу.

Продолжение будет следовать.

Если этого захотят читатели и, конечно, автор.

Любовь Кушнир

г. Луховицы, Московская обл.

ТАКАЯ СИТУАЦИЯ...

ГЛАВА 1

Юля сидела у окна вагона и сосредоточенно смотрела в него, словно мелькающий пейзаж занимал её внимание. На самом деле она ничего не видела, просто так легче было скрыть от посторонних свои переживания.

А переживать было о чём. В пятницу позвонил Игорь, как всегда, очень хотел встретиться. И она с радостью встретила бы с ним. Игорь являл собой воплощённую мечту о принце на белом коне. Но... как раз в пятницу она уезжала на все выходные на экскурсию. Ну конечно, звала его с собой, и он с удовольствием поехал бы с нею. Однако перспектива провести выходные в обществе пожилых людей его не прельщала. Дело в том, что Юля работала в мэрии в отделе связей с общественностью и давно уже взяла под свою опеку общество ветеранов. Она помогала им решать бытовые проблемы, возила на экскурсии, на выставки, в театр... А когда любознательные старички, получив дозу впечатлений, отдыхали, Юля возилась с детьми, лишёнными родительской любви и ласки.

Это занятие отнимало уйму времени и душевных сил, превращало её жизнь в бесконечную карусель, но, как это ни странно, девушке нравилась такая жизнь. Что двигало ею? Стремление быть на виду, ощущать свою значимость? Желание сделать карьеру? Ни то, ни другое, ни третье. Общаясь с людьми, помогая им, она чувствовала прилив жизненных сил, словно в ней открывались новые и новые «роднички с целебной водой». Она просто давала напиток всем жаждущим. Это как подать усталому путнику кружку воды. Ну не станешь же ты этим гордиться!

– Слушай, – не верил Игорь, – неужели тебе и вправду интересно проводить выходные в обществе беззубых кавалеров и дам? О чём ты говоришь с ними? О погоде? О собачках? О свойствах золотого уса? О чём?!

– Обо всём, и о собачках тоже. Понимаешь, они... особенные, не как мы. Они сохранили способность удивляться и радоваться. Вот ты, Игорь, когда удивлялся в последний раз? По-настоящему?

– Ну, не знаю... Я вот тебе постоянно удивляюсь. Иногда мне кажется, я не нужен тебе совсем.

– Ну что ты говоришь! – Юля укоризненно посмотрела на него. – Я потому и живу, что ты у меня есть.

– Но на выходные всё равно уеду, – угрюмо про-

должил её фразу Игорь.

– Игорёчек, я им эту поездку давно обещала, и тут как раз удачно сложилась ситуация... Я приеду в воскресенье вечером. И мы встретимся обязательно! Я позвоню! Как приеду – сразу позвоню! – утешала и уговаривала любимого девушка.

Именно это обещание волновало её сейчас больше всего.

Дело в том, что в поездке она очень устала. Две ночи сон вполглаза, много ходьбы пешком на высоких каблуках, бесконечные хлопоты и общение с пожилыми людьми утомили её до крайности. Юле элементарно хотелось спать, так вот упасть лицом в подушку и отключиться хотя бы часика на два. Спать днём в вагоне, когда бодрствуют её подопечные, она не могла – чувствовала себя «на посту» и не хотела, чтобы они догадались о её усталости.

Поезд приближался к станции, а она с ужасом чувствовала, что у неё нет сил. Желание уснуть вероломно подавляло стремление встретиться с любимым. Что же делать? Позвонить и снова перенести свидание? Игорь умрёт. А встретиться и через пять минут уснуть у него на груди? Это как?

Её печальные раздумья прервал вежливый голос:

– Юленька, солнышко, уже подъезжаем. Давайте я понесу Вашу сумку.

Юля знала – отказываться нельзя, за право поднести её сумку они готовы выдержать любой конкурс.

– Спасибо, Виктор Иванович, – благодарно улыбнулась она и, снова отвернувшись к окну, глубоко зевнула.

ГЛАВА 2

Игорь сотый раз набирал по мобильнику Юлин номер. Он уже ненавидел бесстрастный голос, без устали повторявший, что «абонент недоступен». Заодно он тихо ненавидел Юлькиных подопечных – ему казалось, что они бесцеремонно отбирают у него то, что всецело должно принадлежать только ему. Он бы ещё как-то смирился, если б эти поездки входили в её служебные обязанности. Так нет же! Он не мог понять: зачем ей это нужно?! В его сознании чётко сложился тип женщины-активистки. Он полностью совпадал с образом, который создала Людмила Иванова в «Служебном романе». Но Юлька!

Когда он увидел её впервые полгода назад на презентации, даже оторопел. Стройная блондинка, модная и красивая, стояла в окружении мужчин и, ослепительно улыбаясь, рассказывала о чём-то. Игорь подошёл поближе послушать, о чём она говорит, постоял две-три минуты и... ничего больше видеть и слышать не мог. Понял одно: ему придётся приложить максимум усилий, чтобы завоевать эту девушку.

Уже потом, узнавая её ближе, он понял, какой клад ему достался. С его точки зрения, всё в ней было совершенно. Физическая красота дополнялась необыкновенным обаянием, бескорыстной женской добротой, живостью ума и характера. Го-

лос соответствовал её облику. Говорила она быстрее обычного темпа, но с какими-то весело звенящими нотками, которые придавали звучанию особую мелодичность.

Ему иногда хотелось, чтоб Юлька стала маленькой, как Дюймовочка, тогда бы он держал её всегда при себе, во внутреннем кармане, у сердца. Тогда он мог бы опекать её и защищать. А тут попробуй – поопекай её! И защищать её не от кого – все вокруг готовый за неё в огонь и в воду.

Вздыхнув, Игорь посмотрел на часы и набрал номер её домашнего телефона.

Не успела Юля войти в свою маленькую однокомнатную квартиру, зазвонил телефон. Она ринулась к трубке:

– Игорь?! Я только вошла! – и осеклась, потому что голос в трубке принадлежал Денису, жена которого Оксана была её лучшей подругой с самого детства.

– Ксюха у тебя? – не здороваясь, спросил он.

– Нет.

– Серьёзно – нет?

– Да нет же! Я только с вокзала. А что случилось?

– Ксюха пропала. Трое суток дома нет. Никто ничего не знает. Ты... это... вдруг объявится, позвони мне.

– Конечно, позвоню. Вы что, поругались?

– Вроде того... так ты позвони, – и положил трубку.

Даже известие о пропаже подруги не взбодрило Юлю. Почти засыпая, она размышляла: что могло случиться? Ксюха с Денисом, несмотря на разницу в возрасте, жили хорошо, у них рос сын. Денис успешно занимался бизнесом. Ксюха, стройная и красивая, как Барби, чувствовала себя любимой и ни в чём не нуждалась. Что за муха её укусила? Что значит – пропала?

Надо Игорю позвонить и – спать, спать! А утром заняться поисками подруги.

Размышляя, она раздевалась, оставляя вещи где попало. Только вошла в ванную – в дверь позвонили.

Игорь! Не дождался звонка, приехал! На ходу запахивая халатик, девушка, даже не спрашивая «кто там?», с радостной улыбкой открыла дверь и... отпрянула.

Перед нею стояла женщина, которую в первый миг она приняла за бомжиху: помятое бесцветное лицо с тёмными кругами под глазами, растрёпанные волосы, неопрятная одежда... Больше всего её испугал безумный взгляд незнакомки. Женщина стояла, покачиваясь, отводя от Юли затравленный взгляд.

Первое, инстинктивное желание было – захлопнуть дверь. Но... бедняжка позвонила ей, наверное, нуждается в помощи, может, она больна?

– Вам... кого? – преодолев испуг, участливо спросила девушка.

– Юлька... – еле выдавила женщина.

Голос показался знакомым... Боже мой! Ксюха?!

– Ксюха, это ты?! Что с тобой? – она втащила подругу в квартиру, усадила в кресло. – Ты голодная! – и метнулась на кухню.

Ни есть, ни пить бедняжка не стала, сидеть в кресле тоже не могла. Тогда Юля перетащила её на свою постель и попыталась уложить спать, уговаривая, как ребёнка.

В ответ на участие подруги Ксюха стала рыдать.

Таких нечеловеческих стонов девушка не слышала никогда. Сжимая маленькие грязные кулачки, молодая женщина повторяла один и тот же вопрос: «За что? За что? За что мне это?» И снова рыдала.

В это время позвонил Игорь. Услышав голос любимой в трубке, он радостно сказал:

– Через двадцать минут буду у тебя. Жди! Целую!

– Игорь! – закричала Юля. – Подожди, не клади трубку! Не надо ехать... то есть, я очень хочу, чтобы ты приехал, но... Тут Оксана. У неё какая-то беда. Она рыдает, а я не знаю, как её успокоить. Просто ужас!

– Ксюха рыдает? А где её муж?

– Не знаю! Что-то у них случилось. Она невменяема!

– И ты её утешаешь. Разумеется. Да. Может, мне тоже зарыдать, чтоб ты и меня пожалел?

– Игорь... Ты же всё понимаешь! Не могу я в таком состоянии её выставить за дверь. У неё беда – понимаешь? Видел бы ты её! Игорёчек, я тоже очень соскучилась и очень-очень хочу тебя видеть. Родной мой, ну пойми, такая ситуация...

Игорь молча положил трубку.

Перезвонить ему? Успокоить, сказать самые ласковые слова...

Однако в комнате, где оставалась подруга, стало подозрительно тихо. Юля метнулась в комнату. Оксана лежала на кровати, бескровное лицо не подавало признаков жизни. Девушка испугалась, стала щупать у неё пульс. Слава Богу, жива. У Юли не было медицинского опыта, но то, что она делала, возвращая подругу из глубокого обморока, было правильно.

Оксана пришла в себя и проговорила слабым, усталым голосом:

– Он... изменяет мне. У него... любовница.

Трудно было в это поверить – семья Кравцовых считалась благополучной во всех смыслах. Денис обожал сына, баловал молодую жену и имел вид человека, вполне довольного жизнью.

– С чего ты взяла? Зачем ему любовница при такой нежной, красивой жене! – убеждала она подругу. – А как он Никитку любит! Да никогда он не променяет его ни на кого!

– Променял... я сама видела... Случайно...

У неё как-то странно закатились глаза, лицо ещё больше побледнело.

«Скорую» вызвать? Нет, сначала позвоню Денису, пусть срочно приезжает».

Её опередил телефонный звонок. Игорь! – ёкнуло сердце.

Звонила тётя из Воронежской области:

– Юленька? Жива-здорова? Ну и слава Богу! Солнышко, тут мой зять к вам в город подался на заработки. Сама знаешь, тут у нас работы нет, а детей на ноги ставить надо. Пусть он у тебя поживёт денёк два-три, пока жильё найдёт? Он сегодня в час ночи приезжает. Примешь? Спасибо, родная моя. Дай тебе Бог здоровья за твою доброту.

«Тётин зять. В час ночи. К двум будет здесь. Впрочем, ничего не скажешь. Куда ж мне его положить? Поставлю раскладушку на кухне». Она подошла к Оксане, снова проверила пульс, послушала дыхание – похоже, бедняжка заснула. «Сейчас позвоню Денису и тоже прилягу, хоть на полчаса».

Денис приехал через пятнадцать минут, встревоженный, но обрадованный, что жена нашлась и что она жива.

– Не надо «скорую», я заберу её домой. Спасибо тебе... спасибо.

– Она недавно уснула. Может, не нужно её беспокоить? Похоже, она трое суток не спала и не ела.

– Нет-нет! Заберу! Дома отоспится. Врача вызову.

Они говорили вполголоса, но Оксана всем существом истерзанной души почувствовала присутствие неверного мужа. Она проснулась, вскочила и, потрясая маленькими кулачками, стала кричать, как безумная:

– Уходи! У-хо-ди! У-хо-ди-и-и!

Казалось, она забыла все слова и кричала одно-единственное, спасительное, вырывая из себя вместе с ним всю свою муку. Потом голос её сорвался, захрипел, а затем и вовсе пропал, а она продолжала повторять это слово, отбиваясь от мужа, который безуспешно пытался её успокоить.

– Тебе лучше уйти, Денис. Пощади её.

– Да, пожалуй, – согласился он, потрясённый состоянием жены. Он не мог себе представить, что его нежная, покладистая Барби способна на такие эмоции. Крики жены впились в него и вызвали чувство, похожее на угрызение совести.

– Держи меня в курсе... пожалуйста, – он потоптался на месте, – я кашу заварил, а ты расхлёбывай. Прости.

Денис смотрел виноватыми глазами, его руки подрагивали, он весь как-то ссутулился – трудно было узнать в человеке, переминающемся с ноги на ногу в прихожей, respectable, красивого, самоуверенного мужчину, каким привыкла видеть его Юля.

Закрыв за ним дверь, она снова подошла к подруге. Та лежала с открытыми глазами, из которых не катились, а лились ручейками слёзы.

Юля села рядом и, промокая платочком слёзы подруги, негромко проговорила:

– Мы, женщины, должны, просто обязаны быть сильными, потому что есть дети. Они слабее и беспомощнее нас. Без нашей любви они погибнут. Ты же не хочешь, чтобы Никитка рос несчастным? Предательство любимого – всегда жуткая боль. Но ты подумай о сыне. Представляешь, как болит ЕГО сердечко? Что ОН пережил, пока не было тебя дома? Не плачь. У тебя есть для кого жить. Ради детей мы живём, ради детей умираем. Не плачь. Всё образуются.

Её тихий голос, мягкое прикосновение рук успокоили несчастную женщину, она уснула.

Посмотрев на часы, Юля пошла готовить раскладушку для нежданного гостя. Она двигалась, как во сне. Едва ворочая языком, приняла ночного гостя, уложила спать и, глубоко зевнув, села в кресло, которое тотчас поплыло под нею.

Игорь не спал. Ему не давала уснуть противная внутренняя дрожь. «Она ненормальная! – твердил он про себя. – Угораздило же меня влюбиться в сумасшедшую! Нет, она маньячка! Что за удовольствие постоянно быть жилеткой для чужих соплей?! Точно – ненормальная! Она играет мною, как футбольным мячом. Всё! Хватит!»

Гордость его была уязвлена. До этих пор во всех, в том числе и в любовных делах, он привык быть хозяином положения, ведущим, а не ведомым.

Игорь был сильным человеком, с твёрдым и независимым характером, к тому же порядочным и приятным в общении. Он легко влюблялся, но к тридцати двум годам оставался холостым, потому что

ни разу не встретил женщину, которая «зацепила» бы его за сердце. А Юлька зацепила, да так крепко, что дня не мог прожить, не услышав или не увидев её. Он чувствовал себя счастливым и... потерянным.

Избранница отвечала ему взаимностью, но постоянно держала в каком-то непонятном режиме. Он привык не зависеть ни от кого, а тут постоянно зависел от каких-то ситуаций, проблем, событий, которые возникали неожиданно и ломали его планы. Игорь злился, потому что чувствовал себя неспособным изменить что-либо. Вот, например, сегодня. Он считал часы и минуты до встречи с нею, но не знал, что должен был сделать, чтобы Юлька была сейчас с ним, а не с рыдающей подругой.

«Не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней», – вспомнился ему один из постулатов психологии. «Вот я и изменю отношение, – решительно сказал себе Игорь, – уйду от неё!» При этой мысли сердце сначала сжалось, а потом по нему раскатились горячие угольки. «Ум с сердцем не в ладу», – он горько усмехнулся.

– А ты женись на ней, – подсказал ему внутренний голос.

Эта мысль сначала удивила его, а потом показалась гениальной. Ну конечно! Как всё просто: нужно изменить статус любимой женщины, и всё второстепенное отойдёт само собой на задний план. Появятся новые заботы и обязанности, а Юлька – человек в высшей степени обязательный и ответственный. Она станет образцовой женой и матерью. Он мечтательно улыбнулся. «Завтра же, не откладывая, сделай предложение!»

Игорь не мог уснуть, обдумывая до мелочей завтрашний день и связанные с предстоящей женитьбой дела.

Утром, до работы, он приехал к ней: не хотел откладывать ни на минуту такое важное решение.

– Входи, – сказала она, тревожно всматриваясь в него. – Что-нибудь случилось? Ты никогда так рано не приходи.

– Случилось, – ответил он, загадочно улыбаясь.

– Хорошее?

– Надо полагать, да, – он протянул ей цветы и поцеловал в щёку.

– Спасибо. Ну, что же мы тут стоим, проходи...

Тут она смутилась. Игорь направился в кухню, но тотчас вернулся: там стояла раскладушка, на которой спал какой-то мужчина. В комнате же царил непривычный беспорядок и пахло лекарствами. Оксана, с провалившимися глазами, сидела на Юлькиной постели.

Игорь растерялся и почувствовал, что выбрал не самое лучшее время для предложения руки и сердца.

Они вышли в прихожую.

– Игорёчек, понимаешь... – Юля стушевалась совсем.

– Кто это? – спросил он, указывая глазами на кухню.

– Родственник. Из Воронежской области. Как откажешь? Ты же понимаешь: свой своему – поневоле друг. Он ненадолго, – поспешила заверить любимого, – два-три дня, и он уйдёт!

Игорь вздохнул и молча обнял девушку. Закрыв глаза, вдыхал аромат её волос и чувствовал, что растворяется в ней. Так хотелось сказать заветные слова, увидеть радость в глазах любимой и услышать трепетное «да». Сказать? Здесь, в прихожей? В при-

существии страдающей подруги и заезжего родственника?

Вдруг Юлька встrepенулась в его руках и воскликнула:

– Ты куда?

Он открыл глаза. Оксана, покачиваясь, появилась в прихожей.

– Я... пойду. Спасибо... Извините... Пойду.

– Куда ты пойдёшь?! Подожди, я...

Юля не успела договорить. Оксана, прислонившись к стене, медленно оседала на пол.

Игорь испытал неприятное чувство, словно невольно стал свидетелем чего-то неприличного.

– Игорёчек, ты на машине? Ей нужно в больницу. Срочно!

– Может, лучше «скорую» вызвать? Без направления не примут.

– Позвони быстрее! Пожалуйста!

Сидя в приёмном покое, Игорь наблюдал бо́льничную суету и с тоской думал: «Как можно в этом жить? Чужая боль... Чужая грязь... Чужие проблемы... Как можно жить в этом?» Он перевёл взгляд на Юлю, заботливо склонившуюся над подругой, и в третий раз задал себе этот вопрос.

Встретились они только через четыре дня. Юлина квартира приобрела свой прежний вид. Она казалась Игорю очень уютной. Может быть, потому, что в интерьере преобладали тёплые абрикосовые тона, а может, потому, что сверкала чистотой, а скорее всего, потому, что вся была пропитана Юлькиными необыкновенными флюидами. Как бы там ни было, Игорь чувствовал себя совершенно счастливым, когда звал замуж избранницу своего сердца.

Юлька не скрывала восторга и буквально повисла у него на шее:

– Ты серьёзно? – спрашивала она. – Не передумаешь? А как же мои ветераны? Не смущают тебя больши́е?

Игорь хитро улыбнулся:

– Не смущают.

– А сироты? Я ведь их не оставлю.

– Не смущают, – подтвердил Игорь. – Ты же не будешь бросать ради них собственных детей!

– Детей?! – воскликнула Юлька. – И сколько же тебе их нужно для полного счастья?

– Для полного? – Игорь наморщил лоб. – Трёх осилим?

Юлька звонко рассмеялась:

– А я испугалась, думала – на шестерых замахнёшься!

Они смеялись, пили шампанское, целовались и продолжали плести канву их будущей совместной жизни.

– Ну, так завтра поедem в ЗАГС – чего тянуть?

– Как – завтра? – испугалась невеста. – А платье...

Она была так трогательна в своём испуге, что Игоря переполнила нежность.

– Заявление подадим. Сначала – заявление!

Юлька рассмеялась опять:

– Это у меня от счастья туман в голове.

– Ты можешь на завтра взять отгул?

– Без проблем.

– Прекрасно! Завтра в десять я заеду за тобой, подадим заявление, а потом... сюрприз!

Юлька проснулась очень рано. Где-то глубоко

внутри, у сердца, образовался холодный комочек, который будоражил её, не давая покоя. Зубная щётка выскользнула из рук, стакан опрокинулся, крышка упала... «Да что же я так волнуюсь, ведь всё хорошо!» – удивлялась девушка, но так и не смогла унять волнение. Не помог даже тёплый душ.

Каждый день, собираясь на работу, она тщательно причёсывалась, хорошо одевалась – положение обязывало. Но сегодня ей хотелось выглядеть по-особенному. Она долго и внимательно осматривала свои наряды, потом неспешно примеряла и придирчиво вглядывалась в зеркало. Наконец нашла то, что надо. Белый брючный костюм. Ладные брюки и укороченный жакет выгодно подчёркивали линии её фигуры. Белый цвет придавал особую свежесть лицу и смотрелся благородно и торжественно.

Так. Теперь причёска. Невеста вертела так и этак свои белокурые волосы, потом решила, что без помощи парикмахера ей не обойтись. Она всё успеет. Салон работает с восьми. До десяти – уйма времени. Кстати, и Люся работает сегодня с утра.

Девушка быстро собралась и, даже не выпив кофе, помчалась к парикмахеру. В лифте вспомнила, что забыла положить в сумочку мобильник, но возвращаться не стала.

Люся, узнав о предстоящем событии, превзошла себя.

– Ты, Люська, художник. Гениальный художник, – сказала вместо «спасибо» довольная невеста и умчалась, потому что часы показывали уже половину десятого.

Чтобы сократить дорогу к дому, она пошла прямую, через скверик. Сосредоточенная на своих мыслях, ничего не видела вокруг, но машинально отметила впереди женщину, которая неторопливо шла по дорожке и катила перед собой детскую коляску. Юле показалась странной её походка. Девушка шла быстро, поэтому очень скоро догнала женщину с ребёнком. Женщина вдруг охнула и пошла, скорчившись, к ближайшей скамейке.

Юле стала понятна причина странной походки незнакомки. Молодая мать с почти детским, искажённым гримасой боли лицом, держа обеими руками большой живот, почти упала на скамейку. В прогулочной коляске сидел двухлетний малыш и глубокомысленно созерцал всё вокруг. Он с удивлением оглянулся на мать, не понимая причины остановки столь приятной прогулки.

– Вам плохо? – Юля, забыв обо всём, кинулась к беременной женщине.

– Похоже... схватки... – еле выдавила та.

Юля остолбенела. Роды принимать ей ещё не приходилось. В первую минуту растерялась, а потом, словно кто-то свыше диктовал ей, стала решительно действовать.

– Откиньтесь на спинку и глубоко дышите. Не вздумайте кричать – испугаете ребёнка. Глубже, глубже вдох! Как вас зовут? Рита? Где вы живёте? Дома есть кто-нибудь?

– Там... – Рита указала на ближайший к скверу дом. – Никого. Муж на работе.

– Бабушки? Дедушки? Подруги? – быстро спрашивала Юля, соображая на ходу, что же делать дальше.

– Никого... мы недавно сюда переехали.

– Вам нужно срочно в роддом. Посидите – я найду машину.

Тут Рита буквально вцепилась в неё:

– Не уходите! Не оставляйте меня! Пожалуйста! Я боюсь.

Юля даже покраснела от возмущения: как она могла так плохо подумать о ней!

– Я не оставлю вас. Как можно?! Не волнуйтесь, – утешала она роженицу, а сама с отчаянием подумала: её ведь действительно нельзя одну оставлять. Хоть бы какой-нибудь прохожий объявился! Ну хоть бы одна живая душа!

Живая душа появилась в облике старичка с палочкой, который неторопливо совершал утренний моцион. Юля бросилась к нему:

– Дядечка, миленький, помогите, пожалуйста! Тут женщина некстати рожать надумала.

– А я что могу? Я не акушер, – спокойно отозвался старичок, но остановился, с любопытством разглядывая виновницу переполоха.

– Вы просто посидите рядом, присмотрите за ребёнком, а я машину найду. Ей страшно одной...

– Ваша сестра? – невозмутимо осведомился старик.

– Н-нет... то есть да! – быстро поправилась она. – Вышли на прогулку, а тут началось...

Через десять минут девушка прибежала назад и, подхватив стонущую Риту, повела её к машине. Ребёнок, почувствовав неладное, громко заплакал. Рита встrepенулась:

– Данилку... возьмите Данилку... Я сама... дойду. Позвоните мужу...

Вот когда Юля пожалела, что не вернулась за телефоном!

Старичок безуспешно пытался утешить испуганного ребёнка. Юля бросилась назад, взяла малыша на руки. Он продолжал кричать, протягивая ручки к маме.

– У мужа есть мобильник? Номер помните?

– Н-нет...

– Рабочий помните? – она порылась в сумочке. – Диктуйте! Поехали! – скомандовала водителю.

Данилка кричал всю дорогу, не понимая, почему мама не берёт его на руки и что делают здесь чужие дяди и тётки.

Благополучно доставив Риту в роддом, девушка облегчённо вздохнула, но, как выяснилось, рано. Самое трудное испытание ожидало её впереди.

Рите категорически не позволили оставить при себе ребёнка, даже на время, до приезда мужа.

– Вы что, мамаша?! – строго отчитывали её. – Не первый раз рожаете, должны бы понимать! За новорождёнными смотреть рук не хватает! И потом – у нас всё стерильно. Его некуда здесь пристроить, просто некуда! Понимаете?

Рита отказывалась понимать. Она вцепилась в сынишку и решительно сказала:

– Я останусь с ним здесь, пока не приедет муж. Звоните ему!

– И рожать здесь, на кушетке, будешь? – сказала медсестра, набирая номер телефона Ритиногo мужа.

Его на месте не оказалось. Голос в трубке сообщил, что он выехал на объект и будет после обеда часам к трём.

Рита сидела молча, прижав к себе ребёнка. Слезы катились по щекам, она не утирала, а по-детски слизывала их. Они были так похожи, мать и сын: нежные зарёванные мордашки, обиженный взгляд, припухшие губки...

Юля не выдержала:

– Рита, вот моё удостоверение. Я работаю в на-

шей мэрии. Вот моя визитная карточка. Поверьте: с малышом ничего не случится, я обязательно передам его вашему мужу.

Рита колебалась: оставить ребёнка доброй, заботливой, но совершенно незнакомой, случайной женщине было выше её сил. Она смотрела в лицо Юли долгим взглядом, словно запоминала его, потом быстро заговорила:

– Только... я умоляю вас... я умоляю, умоляю!

У неё снова начались схватки. Врач, возвращая Юле удостоверение, торопливо сказал:

– Уведите ребёнка!

Взяв Данилку на руки, Юля вышла на улицу. Он кричал до хрипоты, прохожие осуждающе оглядывались на них, что, мол, это за мать, которая не может успокоить своего ребёнка!

О том, что нужно бы позвонить Игорю, она не вспомнила. Её собственная жизнь как бы выпала из бытия. Девушка жила только тем, что волновало в настоящую минуту. А в настоящую минуту нужно было успокоить орущего малыша, найти машину, привезти его домой, подумать, чем накормить, а потом дожить до часа, когда объявится его отец.

Игорь сидел на ступеньках, подложив газету, которую купил в ближайшем киоске, когда понял, что в ЗАГС они сегодня, вероятнее всего, не попадут. Он тысячу раз набирал по мобильнику её номер – она не отвечала. Недоумение сменилось тревогой, тревога переросла в панику, паника вылилась в страх, страх переродился в тупую головную боль.

Он не мог представить, что могло случиться. «Где она? Куда пропала? На работе не появлялась. Передумала? Так зачем прятаться? Нет, вряд ли». Он вспомнил сияющие глаза своей невесты. «Поехать, поискать её?» У неё десять дорог, у него – одна. Он решил дождаться её во что бы то ни стало, а потому сидел на ступеньках, гнал прочь дурные мысли и не смотрел на часы.

Наконец она появилась. Остановилась перед дверью квартиры, размышляя, как же открыть её – на руках спал малыш. Очень обрадовалась, увидев жениха:

– Игорёчек, как хорошо, что ты здесь! Помоги мне: открой дверь. Осторожно, он недавно уснул. Думала, с ума сойду от его крика.

Игорь, утративший дар речи, повиновался. Они вошли в квартиру. Юля положила малыша на диван. У неё был усталый и озабоченный вид.

– Игорёчек, сгоняй, пожалуйста, в магазин, купи молока и манки. Он проснётся, есть захочет, а у меня ничего такого... детского.

Она вела себя так, словно забыла, почему он здесь и куда они собирались сегодня ехать.

Наконец у Игоря прорезался голос:

– Чей... ребёнок?! Где ты его взяла? Подкидыш? Почему не сдала в милицию? Это – подсудное дело!

– Игорёчек, не паникуй! При чём тут милиция? После трёх я передам его отцу. Сейчас ты прине-сёшь молоко и манку, и я тебе всё расскажу. Всё-всё!

– Сейчас я принесу молоко и манку – и ноги моей больше тут не будет, – вскипел Игорь. – Всё! Хватит! Даже в такой день ты умудрилась найти приключение на свою голову. Я для тебя – ничто! Неужели нельзя было позвонить? Предупредить! Я тут... – от негодования он не нашёл слов.

– Любимый мой, пожалуйста, говори потише, разбудишь Данилку, – она увлекла его на кухню. –

Я не виновата, правда! Я побежала в салон сделать причёску. Видишь? Тебе нравится? Ну вот. Бегу домой, а она рожает в сквере.

– Господи! Кто рожает?

– Рита, Данилкина мать!

– А ты откуда её знаешь?

– Да в том-то и дело, что не знаю! – воскликнула Юля, глядя на него широко раскрытыми глазами.

– Ну, всё. Понял. Опять ситуация. Я пошёл за молоком.

У двери он остановился и, обернувшись, спросил:

– Надеюсь, после трёх мы поедem в ЗАГС?

– Конечно, милый! – и добавила потише: – Если успеем.

Игорь остановился у ближайшего супермаркета. К поручению он отнёсся очень серьёзно. Кроме молока и манки, по совету продавцов купил кефир, «Растишку» и ещё что-то в красивой упаковке. Положив пакет с детским питанием на заднее сидение, поспешил домой, то есть к Юле. Обида не совсем улеглась в душе, мысленно он всё ещё переживал случившееся и, остановившись на светофоре, задумался.

Он даже вздрогнул от неожиданности, когда на его капот едва не упал мужчина, довольно жалкого и взволнованного вида.

– Браток! Выручи! Довези в аэропорт. На самолёт опаздываю!

– Не могу, – сухо отозвался водитель.

– Пожалуйста! Я заплачу, сколько скажешь!

– Я же сказал – не могу, – раздражённо отозвался Игорь. – Такси возьми.

– Да где ж его взять! – отчаянно воскликнул мужчина. – Пойми: на собственную свадьбу опаздываю! Три года, три года её добивался, наконец согласилась, а я не явлюсь... Представляешь? Представляешь?!

Мужчина приоткрыл дверцу машины и умоля-

юще смотрел на водителя. Небольшого роста, щуплый, с тонкой кадыкастой шеей, бедолага вызвал жалость у Игоря.

Загорелся зелёный. Сзади стали сигналить.

– Браток, если ты любил... Выручай! Ещё десять минут – и всё! Всё!!! Выручай!

Что-то больно кольнуло в груди, Игорь даже прикрыл глаза и сказал сквозь зубы:

– Садись!

Не веря счастью, мужчина торопливо уселся рядом с водителем и, устроив сумку под ногами, глубоко выдохнув, откинулся на спинку.

– Гони, браток. Каждая секунда дорога.

Когда они подъехали к зданию аэровокзала, до окончания регистрации пассажиров оставалось семь минут.

– Спасибо, браток! Если будет сын – Игорем назову. В честь тебя!

Окрылённый, он бегом направился к регистрационной стойке.

Игорь неторопливо вернулся к машине, посмотрел на пакет с детским питанием, достал телефон и позвонил Юле:

– Привет! Данилка проснулся?

– Нет, – ответила она, потом тревожно воскликнула: – Игорёчек! Я тут с ума схожу! Куда ты пропал? Что случилось? Ты обиделся? Родной мой! Прости!

– Да нет, что ты! Тут... такая ситуация... через час приеду – расскажу.

– Значит, ЗАГС отменяется. И сюрприз отменяется, – подытожила Юля.

– Не отменяется! – закричал в трубку Игорь. – Не отменяется, а переносится на субботу! Пе-ре-но-сится! Слышишь?! Я люблю тебя!

– И я тебя очень люблю! Поняла: пе-ре-но-сится! Целую! Жду!

Юлька положила трубку и, улыбаясь, сказала:

– Я же говорила: если успеем...

* * *

Не выбыть Земле из сплетенья миров.
Ей небо подставило звёздные плечи.
Летит, ощущая свой солнечный кров,
Она бесконечна, всё с ней бесконечно:

И ветер упругий, и мужество волн,
И этот ручей, весельчак и задира,
И путь, по которому разум привёл
Меня до понятия вечности мира.

И даль бесконечна в ночной ворожке,
И я беспределен, и думы о встрече...
А как ожиданье, тоска по тебе?
Они-то, они неужель бесконечны?

НАДГРОБНАЯ ПЛИТА

Сосна стара... суховершинит,
Плиту надгробья бережёт,
С холма пронзает небо шпилем,
Соснят растит который год.

С плиты слова похитил ветер...
Кто заслужил такую честь:
Свой край с вершины видеть вечно,
Дарить ему благую весть?

Наверх пыливый путник лихо
Взойдёт, поклонится плите,
А чаще ворон с воронихой
Находят отдых на сосне.

А звёздной ночью, в полночь ровно,
Коснётся шпиль звезды одной,
Сверкнёт звезда плите любовно –
И озарится дол родной.

И так текут издалека
За веком век... века... века...

* * *

Я грусть, неверье в сердце скомкал,
Смешал с осеннею листвою,
А потому что незнакомка
В меня плеснула красотой.

Давно искал я взгляд с косинкой,
Что сердце насквозь пробирает,
В губах движение со смешинкой,
Походка чуточку взлетает.

Спешу догнать её, услышать,
Моя, быть может, половина?
А голос девы властным дышит
И выпускает злого Джинна.

Николай Кушнир

г. Луховицы, Московская обл.

МЫСЛИ О МЫСЛЯХ

Череп мой лежит средь степи,
Раньше в нём гуляла мысль,
А теперь гуляет ветер,
И в глазницы смотрит высь.

Я ушёл, а мысль гуляет
В душах чувственных, земных,
В душах праведных из рая,
В адских, страждущих, больных.

У одних восторг на лицах,
Мнения других резки,
Примеряют: вдруг сгодится?
Предки ведь не дураки!

Если ж райских душ коснётся,
Не до мыслей им пока:
На халяву всё даётся,
И валяют дурака.

Вот несётся мысль по аду...
Души ей поклоны бьют,
Они светлой мысли рады,
От неё просвета ждут.

Сути жизни, сути света
На Земле не вняли, жаль...
Мысль моя пришла с советом
В боль их, муки и печаль.

Тише, тише... молодая
Мысль проклюнулась в уме...
Ждут её какие дали,
Что несёт в своей суме?

ДУБ

Неподоба Славке

У нас таких деревьев мало.
По насаждениям вдоль железки
И у шоссе их взгляд усталый
Увидишь иногда в подлеске.

А дуб у тына – как сохатый,
Сажал его в семнадцать шурин.
Ушёл мой друг, а он у хаты
То шелестит, то брови хмурит.

До проводов добрался вскоре,
Пришлось в ветвях им дать дорогу.
В лихие бури с ветром спорит,
А тихой ночью – шёпот к богу.

Однажды слушал шёпот тайный.
Уж темнота зарёй залита.
И понял я, что ввысь взлетает
За род людской его молитва.

* * *

Отговорить меня не трудно,
Чтоб я в другой предел не шёл.
Скажите, что после остуды
Мой соловьиный сад расцвёл.

Что проросла уже картошка
И к солнцу тянутся ростки.
Я подожду ещё немножко,
Поправлю хлипкие мостки,

Вдохну июньское цветенье
Приречных трав, медовых лип...
И, как по щучьему веленью,
Я снова в жизнь земную влип.

* * *

На суку сидит сорока
И стрекочет бестолково.
Проглядел – в мгновение ока
Увела костяшку псову.

Ну и наглость, ну и сметка!
Долбит кость, бочком сверкая,
Хороша у пса соседка,
Растолковая такая.

* * *

Иные так себя возносят!
Они – цари, они – кумиры...
Года бегут, года не спросят,
Как величался в этом мире.

Кого ж червям достойней кушать:
Князька, пособника, плебея?
Им всё равно, чья ляжет сущность
На стол для трапез, леденя.

И ВНОВЬ ВЕСНА

Вале

На веточке легонечко качается
Синичка-птичка, радуясь весне,
И реченька придвинулась к косе,
И жизнь моя пока что продолжается.

Листву считает ветер... Пересчитывай!
А кот-мурло за птичку следит
И чутко так усами шевелит...
Ты, Васька-кот, на птичку не рассчитывай!

За холод зимний дорого ведь платится...
Гнездо синичке споро надо свить,
И высидеть птенцов, и прокормить,
Из пёрышек потом пошить им платица.

И на крыло поставить неумелышей,
И корм искать их научить потом,
И различать среди ветвей котов,
И холода сносить набраться смелости.

Листву сухую ветер пересчитывай,
А Васька-кот на птичку не рассчитывай!

ДИАЛОГ

На солнечной странице,
На краешке дупла
Смежила глазки птица
От первого тепла.
Не взяли ни морозы,
Ни кошки, ни сова,
Спасибо тебе, боже,
Осталась я жива.
Тепло пришло, и дело
Находится всегда,
Уже я присмотрела
Местечко для гнезда,
Чтоб не нашла ворона,
Не залили дожди,
И не было урона
Потомству впереди.
Спасибо тебе, птица,
В тебя я вышел весь.
Мне тоже не сидится,
Ловя тепло с небес.
Осматриваю грядки
И деревца в саду,
Метелей беспорядки
К порядку привожу.
Несётся клич весенний –
От сердца отлегло...
И я для продолженья
Стараюсь своего.
В цветенье ивы козы,
Осины расцвели...
Шагать весне поможем,
Мы ж – граждане Земли.

* * *

Пахнет сеном свежескошенным
И земельным духом,
Села на сердце хорошина
Лебединым пухом.

И густая, колосистая
Расцвела пшеница,
Желтовато-золотистое
По полю дымится.

К горизонту дымка тянется,
Я за нею следом.
Расцвела моя красавица –
Значит, будем с хлебом.

Рядом скошен луг до донышка –
Славная примета:
Знать, под выюги и бурёнушки
Вспомнят запах лета.

Пахнет, пахнет свежескошенным
И земельным духом,
Села на сердце хорошина
Лебединым пухом.

Надежда Лаврушина

г. Пугачёв, Саратовская обл.

ДАРУЕТ ОСЕНЬ ПЕРВУЮ ПЕЧАЛЬ

Романс

Дарует осень первую печаль
Слезой дождя на травы и на крыши.
Я рук не ощущаю на плечах,
И кажется, что ты меня не слышишь...

Гуляет ветер в подворотнях и дворах,
Листву кружит и облака гоняет.
А привкус поцелуев на губах
Горчит, как прежде, терпкость не меняя...

Последний луч прощального тепла
Сквозь облака пронзается стрелой...
Благодарю за то, что ты была,
Моя последняя любовь, со мною...

За эту радость, слёзы и восторг,
Что ты мне полной мерой отсыпала...
Уходит лето. Неуместен торг...
И невозможно всё начать с начала...

ВДЫХАЯ КОФЕ АРОМАТ

Вдыхая кофе аромат,
Припоминаю наши встречи:
Ты нежно обнимал за плечи,
Глазами впитывая взгляд...

Слегка горчит напиток мой,
Так невзначай напоминая,
Как потеряли ключ от рая
И позабыли путь домой.

По чёрной глади – пенный шторм.
А я гляжу заворожённо
На дно души, тобой сожжённой –
Остался пепел, где был дом.

И невозвратен, и далёк! –
Дом первых встреч, любви и детства.
В родные окна не вглядеться
И не войти... Ещё глоток...

ОБНИМИ МЕНЯ, ИВА

Обними меня, ива, пожалуйста...
Да не плачь. Твои слёзы – пустяк...
На судьбу понапрасну не жалуйся –
Радость редко бывает в гостях.

Видишь, ивушка, руки уставшие,
В волосах – первый снег серебром...
У тебя – только листья опавшие
Под ногами ложатся ковром...

Вот и плечи от сумок сутулятся,
И походка не та, что была...
А тебя только злой ветер улицы
Раздевает зимой догола.

У меня и заботы не меряны,
И болит по утрам голова...
У деревьев подножье со временем
Устилает густая трава.

Обними меня, ива, пожалуйста.
Дай прикрыть на минутку глаза...
На судьбу – умоляю – не жалуйся.
Ну а хочешь – поплачь. Мне – нельзя.

РИСОВАЛ ХУДОЖНИК СЧАСТЬЕ

Рисовал художник мелом во дворе,
Как положено – на утренней заре.
Рисовал и дом, и вербу у крыльца,
И забор, и вдаль дорогу без конца...

Из трубы дымок и облако над ним,
Стаю птиц и небо – ярко-голубым.
Кошку, лавочку, гружёный самосвал...
В общем, всё, что видел, – то и рисовал.

Маму, папу и гурьбою детвору –
Всех, кто рядом оказался поутру.
И народ давался диву: «Ну и ну!
Нарисуй-ка, братец, ты ещё войну!»

Замер мальчик... Выпал мел из детских рук.
Что такое «фронт», «война» – не знает внук.
Видел выцветшее фото на стене,
Да не знал, что дед остался на войне.

А ещё хранится в ящичке медаль –
После боя генерал её вручал.
У художника – коленки в синяках,
Да разводы меловые на руках.

«Нет, не стану. Лучше солнце и звезду
Нарисую, да и в садик я пойду».
И, как взрослый, рядом с мамой зашагал.
На асфальте мальчик СЧАСТЬЕ рисовал...

Арина Ладенка

г. Москва

ОТКРЫТКА

Скрипачка – символ вдохновенья –
с открытки в почте (Интернет)...
души лишь образ символический,
как будто есть я, будто – нет.

Как муза доброго мгновенья!
Когда ты веришь, что любим,
Тогда играешь с упоеньем...
Тогда творишь, как херувим!

Полёт души...
так сердцу важен –
Гармонии дитя с Творцом...
Как миг признаний,
ущедренных цветами роз
или венцом...

* * *

(под впечатлением
от прочитанных стихов)

Бывает
лишь строка, а как Марина
Цветаева...

был выдох тот с пера...
там
женщина промолвила: «любила...»
Другой услышал:

«знаете... жила...

Жила-была,
неистово, как ветер,
дышала... томно, страстно,
горячо...»

Сказать ещё?
Быть трудно Человеком
и крест судьбы нести через
плечо...

...
Сказать ещё?
как трудно быть поэтом –
метаться песнею в угарный
листопад...
и глубину сердечного сюжета
сокрыть в ночи
в чернильный чей-то взгляд...

* * *

...Молоко *топлёное*
из печи,
С яркой пенкой,
тающей во рту,
Тёплая ещё краяха хлеба...

...
Разве это позабыть смогу? –

Солнца свет,
струящийся в окошко,
Старый кот
на солнечном пятне
греется...
и
тихо, с осторожкой,
бабушка
проходит по избе...

Поседела щедрая хозяйка,
Льёт из кружки
воду на цветы...

...
Если б знать,
что детство так мгновенно,
Стали б оттого
добрее мы?

* * *

«...Тише, сердце, сердце, охолонь!
и не шли рукам теплыни нежность,
не пали пожаром гнева – грусть:
хлад рассудка учит –
неизбежность...

Неизбежен лет круговорот...
неизбежна росная прохлада,
неизбежна боль от всех разлук –
вдребезги надежды – пламень ада!

Серденько, за толику тепла...
Охолонь, ретивое, не бейся,
никого напрасно не кори
и на радость чуда не надейся!

Тихо, тише, сердце – охолонь,
не сули рукам тепло и нежность...
В хлад рассудок – изморозью дни,
и седины – льдом –
всё неизбежность!
...ничего чужого не хочу,
но любовью небо одаряет...»

...
Ярославна плакала на рву:
– Где-то княже, и кого кохает?

ЧАЙ

или Когда любимая больна...

Возьмите *мелиссу* иль *мяту*
(подумав
о грусти своей,
о мгле ли в ночной прохладе,

о тяжести бранных дней,
о том, как тоскуется, мнится...),
в приправку –
гвоздички три-две
(о страсти души *прошепчите*,
томящей всё тело в огне).

Прибавьте потом *зверобоя*,
задумав недуг одолеть...
Ведь справитесь с этой печалью...
Мужчина ж...
силён, как медведь?
И, таинством очарованья,
добавьте листок *каркаде*,
от ревности малой перчинки –
календулы ложечку-две...

А запахи? запахи... страсти? –
сушёной *малинки* чуть-чуть,
но лучше бы – горсть земляники...
В жар летний подсушена пусть...
потом? ах, забыла затравку...
чтобы Ваш был секрет
не раскрыт,
бальзама – чудесные капли...
какого? –
что душу теплит!

А как заварить? очень просто –
с любовью прогрейте сперва
Ваш чайник... – мечтой
и надеждой,
чтоб Ваши искрились глаза!

Потом кипятком оботрите –
немного – пусть запах парит!!!
...от сердца *молитву* творите,
пусть ангел судьбу оградит...

Теперь доливайте до края
все травки крутым кипятком
(чуть позже три капли бальзама)...
и вот – чай душистый готов...
В глаза!
поглядите за чаем,
чтоб *искренность* в сердце была:
Здоровья тебе, дорогая...
Ты чай мой люби
и... *меня!*

* * *

Привези
мне цветочек
аленький!

...
Сможешь?
сердце верни мне снова –
Не большой тот цветочек,
не маленький,
только мне не нужно другого!

* * *

К***

(молчанье – верный оберег)

Не крошите

эмоции словом –

Пусть нальются, как зори весной.

Пусть созреют,

как сладость малины,

Пусть горчат, как рябина порой...

Сокровенно

храните до времени

Чудо – *пламени алость* –

душой,

чтобы вызрело счастьем

и в зрелости

не жемчужило очи росой!

Не дарите

весь мир Интернета

настоящим,

что есть, не прошло –

холодно

зазеркалье поэтам...

или так –

*Вы пишете ещё!***ВОПРОС – ОТВЕТ**

– Как удержать любовь?

– *Любовью!* Терпением,

нежностью в ночи

и *верностью*,

и теплотой

исповедания души!

Ещё, конечно, –

добротой

достойных дел

и... светом свеч,

с надеждой искренней

зажжённых,

чтоб сохранить...

вернуть, сберечь!

...

– Так что же будет?

– Всем – по чести

и по делам...

Зиме – снега,

цветы – невесте,

и всем – весна!

НАПИШИ

...

Прочитаешь – за это спасибо,

а ответишь – спасибо вдвойне...

не бывает и грусть безответной,

и не ходит надежда во тьме...

Разве *Вас*

кто утешить сможет?

...Только *истины* жаждет душа:

исцеления от смущенья...

Ведь соблазны –

лишь пыль в глаза...

Что слова? –

в мир кричать неуютно –

проще ангела в храме молить,

чтоб призрел попеченьем

возможным,

чтоб душе посильнее быть!

Иль фантазией подневольной

улетать, словно в неге снов...

(Вкруг – коварство,

как враг-завистник,

сторож лютый *сердечных слов*...)

Прочитаешь... за это спасибо –

позже...

сказку исправит судьба...

Спаси Бог от лукавого только,

на всё воля святая Твоя...

* * *

А в это воскресенье –

Троица...

Пусть праздник радостью

удвоится!

И в числах дня – есть откровение,

Дороги вешней удивление...

А в это воскресенье – Троица!

Желаю *Вам* не беспокоиться:

У Бога сказанное слышится,

Всё сбудется, что там запишется!

...

В садах деревья зацветают,

Пусть праздник душу наполняет –

Берёзовых кудрей бессонница...

Ведь в это воскресенье – *Троица!*

* * *

Весна! Пасхальное тепло...

Нас милость Божия коснётся! –

Небес и трав, земли и вод,

Лес замороженный очнётся!

Помилуй, Боже, утверди

Надеждой –

жизни воскрешеньем!

Как верит каждый стебелёк –

За стужей – следует спасенье!

Идёт весна,

Христос воскрес!

И всё в природе оживает –

Ликует небо и земля!

Пришла весна! И расцветает

Подснежник,

чудный первоцвет,

Что жемчуг, по лесам рассыпан –

Как символ веры – ясный свет, –

Глядит цветок Господним ликом!

И на оттаявших полях,

Что капли солнца – мать-и-мачех...

Пушиста верба и нежна,

И ласки ангельской не прячет!

Пасхальных праздников черёд

дарит теплом блаженным,

счастьем...

Берёзы водят хоровод,

и соловьи слышны из чащи!

Весна серёжки раздаёт –

ольхе, берёзам, вязам, ивам,

да и черёмухе почёт –

в невесту сряжена на диво!

Под стать черёмухе – сирень –

благоухает что есть мочи...

Цвет незабудки – нежный цвет...

Глядишь, не отрываешь очи!

Душистый ландыш-чаровник

звенит в хрустальный

колокольчик...

Фиалок

нежный аромат

в букет весны впадают ночи...

Заглянет утро

в майский сад –

пора бы яблоням проснуться

и в бело-розовых цветах

лучам рассветным улыбнуться?!

...Сиянье лилий – чистый свет,

брильянты рос и зори маков...

Весна идёт! Христос воскрес!

День Божий гонит время мрака!

Ликуй и радуйся, земля!

Ликуйте, дети, славьте Бога!

Весна пришла, пришла Весна!

Пасхальный праздник – утро года!

ПРОСТО ВЕСНА

Город – будни, море – небо,

утра ясность иль закат...

Ходишь где-то за туманом –

ты мне рад?!

Не хочу печалить словом –

промолчу.

Буквы бисерным узором

завяжу.

Вечера займу заботой

и строкой...

Ночь – не в сон,

не занимает фильм любой...

...

Так похожи, *так* не схожи –

Страх ли, страсть?!

Но рассудок – не тревожит –

Сердцу власть!

...

Кто берёзку укоряет по весне,

что серёжки надевает вслед

ольхе?

Когда душит

в пламень – лето, в стынь зимы,

Кто черёмухе прикажет – не

цвети?

Кто осудит

в цвет весенний старый сад,

Где деревья урожаем всё дарят?

...Лишь ворчат седые тучи

без времён,

и смывает белоцветье

ливень в звон!

Пересуды, перетолки – полчаса!

В зелень вёсен – дым угара,

в цвет – душа!

Честь по чести: дни в заботы –

закрутил...

Холод зимний шагом быстрым

раскрошил...

А сюрпризы? Явь свиданий –

на потом...

Только веет снежным вихрем –

холодком...

Город. Будни. Выходные... И закат.

Снова щёки ввечеру

огнём горят...

СИНИ ПТИЦЫ

Как люблю я погоду эту –
Межсезония, без дождей...
Как люблю, когда в ночь – все дома,
И звонки далёких друзей...
Хорошо,

когда все в работе...
Дело милое по плечу,
и когда проясняются дали
от того, что «могу – свершу»,
от того, что даёт Господь силы
жить по совести и любви...
Оттого, что поутру – солнце,
И к закату лишь – хмурят дожди...

Как такую люблю погоду –
равноденствия по весне...
И на крыльях ветров –
сини птицы –
мои скворушки в вышине!

* * *

...На разрыв проверяла жизнь
да на боль:
– Сможешь выдержать иль снести
эту роль?
– Как спастись терпением, –
зависть вкруг,
голоса шипением –
нет подруг...
И признать в слабости
нету сил,
коли статью боженька
наградил?
...По весне соловушка
песни пел,
а года стреножили –
не у дел...
Помоги же, миленький,
я – тебе.
Вместе всё получится
в доброте!
Огради молчанием радость
встреч,
чтоб от кражи вовремя
уберечь –
тишиной да светочем
темень глаз!
...
жить –
как встречу праздновать
в первый раз!

* * *

Самый лёгкий снег – тополиный,
самый трудный снег – седины...
Снова слышится крик журавлиный
в отголосках синей весны...

Вот и скворушки к старым гнёздам
возвратились чрез все моря –
значит, будут роиться звёзды,
растуманятся вечера...

Новым светом помянут дали,
но враньё вчерашних забот
ещё будет томить печалью,
перекосит, в тисках зажмёт!

Ещё будет закат багровым –
станет сердце умней, честней...
В этом мире, таком огромном,
трудно жить без родных людей!

Не прожить беспечно, играя...
Как бы ни были дали светлы,
самый лёгкий снег – тополиный,
самый трудный снег – седины!

ЧЕРЁМУХА

Весной в лесу черёмуха,
черёмуха цвела...
Теплом земли взлелеяна,
дождём оживлена!
Приехал дядька с поездом,
цветенья наломал,
душистую зелёную
он в тряпку увязал!
В рюкзак засунул бережно
и в город укатил, –
цветенья белоснежное
у деревца стащил...
...А по весне черёмуха,
черёмуха цвела,
как девица-красавица,
нарядная была...
Приметная да ладная,
кудряшками дразня,
черёмуха у станции,
как в радости весна!

...
Лишь *деревце* не помнит
обманов и обид
и каждую весною
цветением кипит!
И щедрость эта манит
в родимые места,
где выросла наивной,
доверием чиста...
Когда звенят капли
и трели соловья,
пускай цветёт черёмухой
застывшая душа!

* * *

Когда в лампадке огонёк
перед иконами светился,
ты был уже не одинок –
ведь кто-то о тебе молился...
И теплота молитвы той
тебя в дорогах провожала,
и к небу вышнему слова
перед иконами шептала.

...
Теперь немного помолчим –
так важен мир для пониманья...
Потом... потом поговорим
и уврачуем расстоянья!
... Когда немного прогорит
ночной огонь с зарёю вместе... –
всё будет, будет хорошо,
и воспарит душа,
воскреснет!

ОКРУЖНОСТЬ

От беды бегут, от любви...
от вокзалов, от суеты...
от людей бегут, от себя –
От мелодий вчерашнего дня.
От размолвок бегут, от обид
по асфальтовой дымке плит.

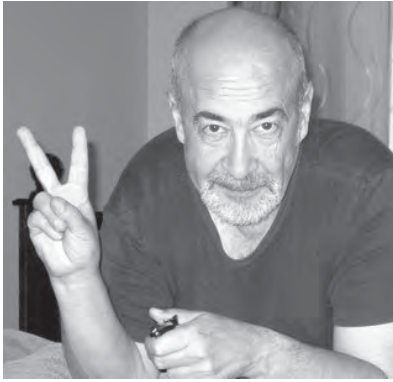
По морям бегут, по пескам,
по лесам бегут, по степям –
от сомнений бегут и забот,
проверяют себя на взлёт –
проверяют на высоту,
на паденье, на глубину...
Всё бегут и хотят понять –
где же лучше – на что менять?
Все бегут...
да кругла земля –
от себя бежать...
до с е б я!

* * *

А весной до неба
горы не дотянутся, –
от сиянья вешнего
резанёт глаза!

...а весной, наверное,
все желанья –
сбудутся
в перезвонах радости
первого дождя!

Яков Левин

г. Иерусалим, Израиль

Где ты не прошептал слова обета,
Не положил к Её ногам цветка.
Где шёл всю жизнь к мечте издалика
Под шорох шелестящего песка.

ОСТАТОК ЛЕТ НАМ СТОИТ ЛИ СЧИТАТЬ?

Без ярких красок жизни гобелен,
И сквозь прорехи бьёт в глаза изнанка.
В лицо смеётся Время-Гуинплен
И нагло лжёт, как старая цыганка.

О том, что мы, как прежде, на коне
И путь наш долог, а желанья святы,
Что истина в стихах, а не в вине,
Что честь не звук и мы её солдаты.

И что живём мы там, где родились,
И дома ждут нас те, кого мы любим...
А может быть, не лжёт цыганка-жизнь?
И нам решать: мы были, есть и будем?
Остаток лет нам стоит ли считать?
Коль хочется любить, писать, дышать.

ЗАПОЗДАЛОЕ СВИДАНИЕ

Мы встретились за столиком кафе
Лет через тридцать после прошлой встречи.
Мы шли сюда, на аутодафе
Любви, в которой не родились дети.

Шампанское, налитое в бокал,
Не смыло нам неловкость ощущений.
А ветер за окном то плакал, то смолкал...
Мы ждали слов, упрёков и прощений.

Меж нами дверь была затворена.
Что кончилось давно – не может вновь начаться.
Иная жизнь, иные времена,
В которых нам не стоило встречаться.
Мы расставались с чувством пустоты,
Ненужной, но исполненной мечты.

ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ

Ты похожа на Кубик Рубика. Несобираемый.
Вся из острых углов с перепутанной верою.
Нет любви и добра. Нигилизм несгораемый,
Заштрихована жизнь и становится серою.
Почему? Потому что ошиблась? Запуталась?
Средь семи миллиардов нашла недостойное?
И в доспех безразличья от боли укуталась,
Душу спрятав от всех, словно вещь непристойную.
Мир реальный закрыт монитора свечением.
Утонула в Сети. И взлететь нет желания.
Замерзает Весна голубым настроением,
Прорастая иголками непонимания.
Нелегко, но рискни сбросить кожу лягушечью
И пошли далеко ты к чертям одиночество.
Маски сбрось и, забывши походку старушечью,
Василисой Прекрасной исполни пророчество.

СВИДАНИЕ МЕЖДУ СТРОК

Меж нами путь Голгофен и далёк.
И выставлен не розами. Шипами.
Его пройду влюблёнными словами,
Назначив Вам свиданье между строк.

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Жду я у моря погоды. С вечера сильно штормит.
Где-то за горизонтом волны качают Крит.
Ветер с песком и солью рвёт на куски дома.
Пахнет зимой и болью. В мыслях сума-тюрьма.

Год жеребьячий-синий в пене рвёт удила,
Стонут Каир и Киев, кровью умыв тела.
Тучи карябают скалы. Пристань пуста. Штормит.
Кто-то, любовью отравлен, пишет стихи. Не спит.

СОНЕТЫ

ПОД ШОРОХ ШЕЛЕСТЯЩЕГО ПЕСКА

Под шорох шелестящего песка,
Что помнит бронзу лампы Аладдина,
Из миража рождается строка,
Тягучая, как песнь призыва джинна.

Сквозь шорох шелестящего песка,
Что полирует камни Иудей,
Семь покрывал летят через века,
И нескончаем танец Саломей.

И возникают замки-миражи,
Где мы должны убить в себе дракона,
Найти любовь над пропастью во ржи,
Найти себя. Ведь выше нет закона.
И где звучит летящая строка
Под шорох шелестящего песка.

НАД ШОРОХОМ ЗВУЧАЩЕГО ПЕСКА

Над шорохом звучащего песка,
Вдаль унося мечты и вдохновение,
Не обещая дождь и искупление,
Плывут, как каравеллы, облака.

Здесь время утекает, как река,
Которой нет конца и нет начала,
Где не найти приюта и причала
Над шорохом звучащего песка.

И стоит жизнь не больше медяка,
В которой нет любви, стихов и света,

Сергей Майоров
г. Подольск, Московская обл.

РУСЬ МОЯ, МОЙ ОТЧИЙ ДОМ!

Здравствуй, Русь моя родная,
Здравствуй, небо и земля!
Нет тебя дороже, знаю.
Ты моя, навек моя!

Я люблю, когда по небу
Проплывают облака...
И когда колосья хлеба
Шелестят от ветерка.

Эти белые озёра...
Звон гитары под окном...
И бескрайние просторы...
И церковный перезвон...

И, шагая по окресту,
Я дышу твоим теплом...
Русь моя, моя невеста,
Русь моя, мой отчий дом!

27.01.2014

НЕ СПИТСЯ...

Вечер поздний... сени дома...
Тени тут и там...
Слышатся раскаты грома...
Грустно небесам.

Сон куда-то мой уходит
В этот поздний час.
Кот на печке морду моет...
В доме свет погас.

Только дед – ему не спится –
Снасть готовит дед.
Может, ночью клёв приснится,
А быть может, нет.

Но настанет всё же утро,
К речке дед пойдёт.
Небо вспыхнет перламутром.
Рыбка в сеть зайдёт.

2000–2004 гг.

ТАК ХОРОШО В РОДНЫХ КРАЯХ!

В моей деревне так блаженно!
Так в радость жить мне на земле!
Здесь ветер лёгкий дует нежно.
И жизнь проходит не во мгле.

И здесь невдалеке от дома
Так плавно реченька течёт...
Здесь всё до боли мне знакомо.
И всё меня к себе влечёт.

Всё так неспешно и опрятно,
Такая благодать в тиши...
Здесь и без слов мне всё понятно.
Здесь льётся музыка души.

А тихий вечер погружает
В раздумья о прожитых днях...
Ничто душе здесь не мешает.
Так хорошо в родных краях!

19.04.2014

О ДЕРЕВНЕ

Там, где скошена была трава,
Потянулись бурьяны ввысь.
Не бежит на лужок детвора,
В городах они обжились.

У разбитого корыта дом,
В доме царствуют пауки.
Лодка сгнила, лежит кверху дном
У заросшей тиной реки,

Да калитка от ветра скрипит –
Скудный плач немой тишины
О разрухе старинных глубин.
Остаётся ей только ныть.

Колосилась золотая рожь,
И когда-то играл рассвет...
Благодати полей не вернёшь,
И детей твоих больше нет.

Не бежит на лужок детвора,
В городах они обжились.
Там, где скошена была трава,
Потянулись бурьяны ввысь.

01.10.2012

ТЕБЯ ВОВЕК НЕ РАЗЛЮБИТЬ!

Россия, ты души родник!
Ты знаешь, так легко с тобою.
А без тебя... ну что я стою?
Могуч твой облик и велик!

Россия, ты мой отчий дом.
Души моей ты колыбель!
В жару, в ненастье и в метель
Мне хорошо в краю родном!

Моя любимая страна!
Я знаю, отойдут ненастья,
И я с тобою буду счастлив!
Ты, только ты во мне одна!

Россия, родина моя!
Явила ты народов братство!
Сердца людей – твоё богатство,
Моя страна, моя земля!

Мне без тебя вовек не быть.
Ведь мы с тобой – друзья навеки.
И если вспять пойдут все реки...
Тебя вовек не разлюбить!

26.02.2014

РУСЬ

Посмотрите вдаль на Русь...
Я вам искренне клянусь –
На любом краю пути
Так легко красу найти!

Глянь... золотые купола...
И зелёные луга...
И пылающий рассвет...
Он восходит много лет.

И поют нам соловьи
Звонкой песней о Руси.
Заливается их звон...
Как блаженно всё кругом!

Как красива наша Русь! –
Я признаться не боюсь!
Нет нигде душе милей,
Чем на Родине моей!

10.01.2014

г. Азов, Ростовская обл.

ПОЛЖИЗНИ НА ОШИБКИ

И жизнь идёт вперёд неумолимо,
С календаря спокойно обрывая лист.
И поезд где-то пролетает мимо,
Ты, главное, покрепче на ногах держись.
Как белка в колесе, так эти стрелки
Бегут вперёд, но остаются на местах...
Отмерив жизнь в десятки километров,
Мы сердце часто разбиваем в мелкий прах.
А надо жить и радостно, и с толком,
Ошибки прошлого оставив позади.
Нам пережить ещё придётся сколько,
И что ещё нас ожидает впереди?

Невидимые чары паутиной
Опутали прекрасное дитя,
Вдохнули жизнь в то, что звалось рутиной.
Теперь Она – моя, теперь моя.
И сердце стало ярче солнца в мае,
И взор её, как у морской волны,
Я рядом с ней в мгновение сгораю,
На пепле будут лишь её следы.
Хотела быть одной – мечтала в детстве,
Теперь не выйдет, miss – не отпущу!
Тоска твоя упрятана за дверцей,
И открывать её я не спешу.
Хотела быть одной? Увы, родная!
Не верила в любовь? Но это зря!
Я чары на тебя наслал из Рая...
А имя этим чарам будет – Я.

Оставь меня в покое, наше Детство!
Я уйду, захлопнув напроочь дверь,
Желанья нет в твоих палатах греться,
Мне нужен в жизни разъярённый зверь!
Я уйду! Поставив жирно точку...
И вдруг захлопнулась под носом дверь...
Прохладно стало и темно, как ночью,
И зарычал неукротённый зверь.
Он нападает? Нет, стоит на месте,
И я, не ожидая, сделал шаг...

* * *

Рассвет в окно лучами брызнул.
«Проснись, поэт, –
 мне день сказал,
Избавься от вечерней мысли.
Проснись, поэт!» –
 сей глас воззвал.

Открыл глаза, узрев обитель –
Светло, прохладно, хорошо,
Тебе спасибо, Жизнь-Учитель,
За всё, что за моей душой!

Смахнул рукой я листьев кипу,
Не нужен сердцу бренный быт –
Пока есть Я и Жизнь-Учитель,
Словам под рифмой точно быть!

Людмила Михеева г. Луховицы, Московская обл.

ОТПОЛЫХАЛА ЯРКО ОСЕНЬ

Отполыхала ярко осень,
наполнив снедью закрома.
Вверху поблекла неба просинь.
Пришла морозная зима.

Листва недружно отцветала,
слетая только на ветру.
А в городах благоухала,
гордясь красую на миру.

Обманута теплом осенним,
как бы не ведала она,
что близится конец цветенью,
впадут деревья в сказку сна.

Тёмно-зелёный лист каштана,
что густо дерево одел,
считал – ему срывать рано.
Он жить хотел. И зеленел!

Берёзы, кудри колыхая,
тянули кроны в вышину,
ржаветь листве не позволяя
и окунаться в желтизну.

Оранжевея и краснея,
плодами щедро огрузясь,
рябина, ягодами рдея,
листву раскрасить не бралась.

Заизумрудевшая озимь
притормозила рост стеблей.
Царила долго чудо-осень,
даря красу глазам людей.

Но неожиданно ударил
в ночь пятиградусный мороз.
Как горе, быстро он состарил
природу, вызвав листьев сброс.

Резной тяжёлый лист каштана
на землю рухнул, не кружась.
Лист сложный ясеня так плавно
парил, ковром вокруг ложась.

И головы берёзок юных
украсил золотом монет.
В ветвях, уже освобождённых,
сквозил теперь небесный свет.

Подули северные ветры,
заколобродив облака.
Припорошило землю снегом
только в начале декабря.

Клубника съёжилась на грядках,
укрыться к стуже не успев.
Растениям теперь несладко.
Как им в морозы уцелеть?

А мы, по-зимнему одевшись,
согреты домом и теплом,
как и всегда, полны надежды,
что холода переживём.

8.12.2002
г. Луховицы

БЕЛО-РОЗОВАЯ СКАЗКА

Бело-розовая сказка
дымкой инея пушистой
обернула каждый пруттик
на деревьях и кустах.

Расписала стёкла окон.
На мосты, дома и крыши
опустила покрывала
в серебристых кружевах.

Предзакатно улыбаясь,
краснощёкое светило
оглядело всё убранство,
даль земную озарив.

Точно ласковый котёнок,
нежность в людях пробудила
бело-розовая сказка,
души умиротворив.

14.12.2002
Луховицы – Рязань

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Вчера с горы неслись ручьи
в стремленье перегнать
друг друга.

А нынче разыгралась вьюга.
На грязь оттаявшей земли
подушки белые легли.

Но передумала пурга.
Утихомирилась.

Снега,
осев, немного уплотнились,
сияньем блёсток осветились,
очистив души и глаза.

Так радуется нежданный снег!
Но у него короткий век.
Растает снежное добро.
Воды и солнца серебро
продолжит свой весенний бег.

26.03.1991
о. Сахалин, г. Холмск

КЛЁН

Весной, когда раскрылись почки,
непросто было угадать,
какого дерева листочки
спешили лето повстречать.

Через неделю лист зелёный
пытливым взглядам отвечал:
– Отец мой – Клён.

Я – Листик Клёна!
И Клён ветвями покачал.

От зноя летнего прохожих
прохладной тенью Клён спасал.
И в день дождливый, непогожий,
как зонт, их кроной укрывал.

Готовясь к обновлению жизни,
раскрасил Клён свою листву.
Ковёр из разноцветных листьев
покрыл тропинки и траву.

Восторгом сердце наполнялось
у тех, кто по ковру ступал.
Все красотой любовались!
Иной и лист на память брал.

От Клёна семена-крылатки
помощник-ветер унесёт.
Потом увидите, ребятки,
как где-то новый клён взойдёт.

Он будет силы набираться,
вершину к солнышку тянуть
затем, чтоб Деревом подняться
и жизненный продолжить путь.

12 февраля –
7 апреля 2010 года.
г. Луховицы

* * *

Несуразица какая –
снег на зелени травы.
Их контраста не смягчает
охра сохнувшей листвы.

* * *

Зимняя берёзка
под моим окошком
вздыхала серёжки,
как улитка – рожки.

Елена Нимчук

г. Краснодар

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Стук захлопнувшейся входной двери болью отдался по телу. По вискам застучали невидимые молотки, в груди запекло. Сжав до судороги кулаки, он зарычал по-звериному, направив рык к двери, мысленно обвиняя её в услужливости перед Алёной. «Ну почему тебя не заклонило?! Почему ты выпустила её?!» Немного оправившись, буквально рванул за девушкой, но внезапно вспыхнувшая сцена из детства остановила его: спектакль отменили, и они с мамой, расстроенные, вернулись домой. Чтобы поднять настроение, решили подшутить над отцом. Подкравшись к гостиной, наткнулись на чемодан. Вадим вопросительно посмотрел на маму. Пожав плечами, осмотревшись, она взяла записку со стола и, прочитав её, стала белой как мел. Сын не успел отреагировать – из ванной комнаты вышел отец. Увидев их, побледнел, стал мямлить что-то невразумительное. Мать властным жестом остановила его:

– Не оправдывайся! Ты сделал выбор! – без колебаний открыла входную дверь. – Удачи!

Избегая смотреть родным в глаза, отец нерешительно взял чемодан. Семилетний Вадим, до этого безмолвно наблюдавший за родителями, вдруг испуганно закричал:

– Мамочка, не пускай папку! – и с вытянутыми ручонками побежал закрывать дверь. Мать подхватила сына на руки, демонстративно громко хлопнув дверью, и скрылась в комнате.

– Успокойся, Вадюш, – прошептала она, прижимая сына. – И запомни на всю жизнь: остановить уходящего можно только отпустив его! Родной нам человек не сможет уйти.

И он запомнил, а повзрослев, понял смысл сказанного матерью.

Помнится, был долгий скандал, мать с отцом бурно выясняли отношения, но потом помирились. Больше в их семье это происшествие не вспоминали.

«Алёнка, – мысленно обратился он к девушке. – Как ты смогла переступить порог квартиры?! Переступить через любовь?! Нет... Родной мне человек не ушёл бы!» – как заклинание, повторил Вадим слова матери, нервно вышагивая по комнате, но желание побежать за ушедшей так и не проходило. По окну забарабанил дождь. Вадиму казалось, что его стук насмешливо отбивает: ушла, ушла, ушла... Не в силах слышать это, он в отчаянии рухнул на диван, накрыл голову подушкой. Вадим несколько не сомневался в правильности слов матери, но как жить с мыслью о потере человека, которого считаешь родным, близким, которого искренне любишь, он не понимал. У него было одно желание – умереть! Дождь усилился, и Вадим вновь услышал: ушла, ушла, ушла...

Звонок прозвучал, как выстрел в тишине. «Любимая» – прочёл он на дисплее телефона и усмехнулся: небось о вещичках вспомнила или забыла сказать что-нибудь, – сердито рассуждал он, пытаясь отвлечь себя от жгучего желания ответить и даже прокричать: «Вернись, Алёнка!» Ничего... Только узнаю, что ей надо, а потом вычеркну её из жизни! Раз она смогла – смогу и я!..

– Да, – холодно произнёс он.

– Здравствуйте, – прозвучал в трубке мужской голос. – Лейтенант полиции Иванов, – у Вадима похолодело в груди. – Хозяйка телефона... – звонивший выдержал паузу.

– Алёна, – практически шёпотом произнёс Вадим, с замиранием сердца ожидая услышать что-то ужасное.

– Она погибла, – Вадим едва не потерял сознание. Из-за помутнения в голове он не смог разобрать объяснение полицейского.

– Я подъеду... сейчас, – с трудом выговорил он. – Адрес...

Поставив голову под холодную воду, он, как заклинание, повторял название перекрёстка, где случилась авария, пытаясь тем самым заглушить регулярно прокручиваемую фразу своего подсознания: «Если бы ты остановил её – Алёна осталась бы жива! Если бы ты остановил её...»

Вынести такое обвинение он был не в силах, от ужаса происходящего Вадим закричал и проснулся от собственного крика. Алёны рядом не было. Часы показывали два часа ночи. Тяжело дыша, Вадим обхватил голову руками, пытаясь понять, что сон, а что реальность.

«Мы поссорились перед сном... Она ушла... Я лёг на диван... Потом позвонили... Сказали...» Вадим судорожно схватил телефон, последний входящий от Алёны был днём.

– Фуф! – выдохнул он с облегчением. – Приснилось, – и вдруг его словно обожгло: – А что если сон вещий? – ему стало не по себе. Он схватил ключи от машины и, захлопнув дверь, побежал по лестнице вниз.

«Я только проверю, как она доехала, – оправдывал он внезапный порыв поехать к её дому. – Увижу, что машина стоит в целости, и вернусь».

Подойдя к своей машине, поблагодарил Бога за то, что его никто не перекрыл, и тут заметил её красный «опель», стоявший на том же месте, где она вчера и припарковалась. «Видимо, взяла такси», – мелькнуло у него в голове, но, заглянув внутрь, увидел спящую Алёну, свернувшуюся калачиком на разложенном сидении.

– Родной человек никогда не уйдёт! – счастливо улыбнулся Вадим, постучав в окно автомобиля...

Ольга Новикова

г. Воскресенск, Московская обл.

ПАПА

Папа Диму поднимает
Высоко над головой:
– Вжиу-вжиу!.. И летает
Самолётик мой родной!

Папа плавно кружит сына:
– Заводи, сынок, мотор!
– Дыл! Дыл! Дыл!.. – лопочет Дима,
Облетая коридор.

Дима весело смеётся...
Он быстрее ветерка
То до люстры унесётся,
То почти до потолка!

Что же делать нам с посадкой?
– На заправку, самолёт!
Кашей манною с добавкой
Заправляйся, мой пилот!..

Дремлет кот, за ухом лапа,
Дремлют звёзды в облаках...
И качает лучший папа
Сына Диму на руках.

ДРУЗЬЯ

Есть у Димы друг Артём,
У Артёма – Дима,
И когда они вдвоём,
То непобедимы!

Комары им нипочём,
Не страшна крапива!
Ловко шпагой и мечом
Действуют – на диво!

ПРИНЦЕССЫ

Вика с Дашей ходят «в танцы»,
Лишь Алёна – в детский сад.
Мама девочкам с аванса
Сшила праздничный наряд.

Все пришли на праздник детский...
Завели мальчишки спор:
– Кто красивей?
– Все – принцессы,
Хороши, как на подбор!

СМЕШИЛКИ

Едут смешилки и почемучки,
Едут кричалки и нехочучки,
С мамочкой Инной,
с папой Серёжей
Сашенька-внучка
с внуком Алёшей

К бабушке Нине, к дедушке Лёне
Мчатся на «Лексусе»,
как на «Фордзоне».
Едут – любимые внуки,
Едут спасать их от скуки...

КОШКА МУРКА

Видишь, Димушка-Димок,
В небо тянется дымок –
Кошка Мурка топит печь:
Пирожки спешит испечь.
Маринке – с малинкой,
Аринке – с рябинкой,
Антошке – с морошкой,
Серёжке – с картошкой!
Наша Мурка – просто класс!
Всё старается для нас:
В тесте лапки и весы,
В пудре сахарной – усы!
Мурка маслит пирожки:
– Подрумяньтесь-ка, дружки!
Да скажите, что для Димы?
Чем его-то угостим мы?
Тут заслонка приоткрылась,
И оттуда – всем на милость:
Пирожки плывут горой...
– Дима – гость мой дорогой,
Выбирай скорей любой!

СЕСТРЁНКА

На кровати у окна,
От стола в сторонке
Тихо Вика спит. Она –
Младшая сестрёнка.
Сон Виктории хранят
Два родимых брата,
Погремушки не гремят,
Не пищат зайчата.
Мирослав шепнул: «Данил,
Глянь – открыла глазки!
Ты, надеюсь, починил
Тормоза коляски?»

ПРО ХОРЬКА

Витя с Верочкой опять
С кем-то вышли погулять...
Может, с котиком Пушком?
Может, с пёсиком Дружком?
Набежала детвора
Из соседнего двора:
Кто сумеет отгадать,
Тот и будет с ним играть...
А ведут они пока
На газон гулять... ХОРЬКА!

ПЕСЕНКА

По ступенчатой дорожке
С Олей мы идём,
Мы и много, и немножко
Мокнем под дождём.
Даже лиственница вряд ли
Принакроет нас,

С неба крупно – капли, капли...
Будто бы алмаз.

*По дорожке мы идём,
Вместе мокнем под дождём,
Нам и громы нипочём,
Если мы вдвоём!*

Вместе с Олей напугаем
Старую Ягу.
Если вместе – то и страхи
Сами убегут!
И не выползет волчица
Из густых ветвей,
Далеко Кощей умчится –
Да и Бармалей.

*По дорожке мы идём,
Вместе мокнем под дождём,
Нам и громы нипочём,
Если мы вдвоём.*

РОДНЯ

Дима сильно деда любит
За его отменный вкус!
Он всегда для внука купит
Самый крупный «чупа-чупс».
Он всегда из магазина
Шоколадку принесёт
И, пропахшую бензином,
Из кармана достает...
Если мама не заметит,
Внуку вручит он тайком
И сухарики в пакете
С луком или чесноком.
Только «Орбит» и «Нутелла»,
«Марс» и «Сникерс», да и «Твикс»
К тапкам липнут то и дело,
Словно к телу банный лист...
Так про них сказала мама,
И ещё – про диатез,
Диме дед моргнул с дивана:
– Ты не бойся! Я-то здесь!
Внук ответил в шутку тоже:
– Ты, дедуль, – моя родня,
У тебя, ну, вкус такой же,
Ну почти как у меня!

НИКА-ВЕРОНИКА

Ника-Ника-Вероника!
Повариха и портниха!
Маме – дочка,
Кукле – мама,
То послушна,
То упряма.
Брат Андрейка – вот герой,
За неё – всегда – горой!

НАПЕРЕГОНКИ

У Максимки и у Димки
Одинаковы ботинки –
Быстроходны и легки.
Им теперь для счастья нужен
Бег со шлёпаньем по лужам –
Наперегонки!

КОТ И ДЖИНСЫ

Нынче утром погулять
Захотелось Мише –
Но не смог он разыскать
Джинсовых штанишек.
Лезет Миша под кровать,
Лезет на другую,
Но стесняется позвать
Маму дорогую.
Хнычет: «Кто одежду так
Спрятал bestолково?
Я уже набил синяк –
Толку никакого!
Видно, это неспроста,
Но урок заучим...
Я не злил вчера кота,
Кот меня замучил!»
Из кладовки вышел кот:
Не глаза – две линзы,
Посмотрел на Мишу: «Вот!..» –
И выносит джинсы.

МАСТЕР

Инструменты – к ряду ряд –
В сундучке у Димы
Аккуратненько лежат,
Все – необходимы!
Плоскогубцы с долотом
Отдыхают чинно,
А вот гвозди с молотком
Стулья с Димой чинят.
Мастер спинки подобьёт,
Ножки подровняет...
Похвалил работу кот:
– Вот кто дело знает!

КРЁСТНЫЙ

Я к Антону прихожу,
Задаю вопросы:
Иглы – как нужны ежу?
Как девчонкам – косы?
Знает всё про всё Антон,
Потому что взрослый,
Потому ещё, что он –
Мой любимый Крёстный!

БАБУШКА-ПРАБАБУШКА

Баба Зоя – бабушка,
Бабушка-прабабушка,
Много знает разных
Сказок и затей.
Дима шепчет: «Лапушка,
Ты – моя крылатушка,
Принеси мне праздник,
Приходи скорей!»

КАРТИНА

На листе, в карандаше,
Радугу рисую,
Многоцветно на душе,
Радуюсь, ликую.
И гляжу по сторонам:
«Вот бы во всю стену!..
Но куда, скажи мне, мам,
Я картину деду?»

ЧУДЕСА

Разыгрались на дорожке
И Надюшки, и Серёжки.
На цветочках аленьких –
Мотыльки.

Чудеса, как из матрёшки,
Для Ванюшки и Антошки –
Их несут в корабликах
Ручейки.

ПОДРУЖКА СОНЯ

Соня – Димина подружка –
Словно кукла, хороша:
Завитушка из-за ушка
И добрейшая душа!
Как увидит кепку Димы –
Так бежит издалека:
– Дима, видишь, у рябины
Притаились облака!
А у синего забора
Есть песок и кирпичи –
Вместе дом давай построим
И налепим куличи!
Соня в домике хлопочет
Понарошечный обед:
В разных формочках
Песочных –
И омлет, и винегрет.
Сладку ягоду-малину
В сливки белые кладёт.
Только слышит: мама Диму
На обед домой зовёт.
Чуть не плача, доедает
Дима дома калачи, –
Соня вдруг соседа Даню
Пригласит на куличи...

ВЕРТОЛЁТ

Что же мне малышке Насте
В день рожденья подарить?
Ведь она и слово «здрасьте»
Не умеет говорить!
Наша Настенька-Настюшка
До того ещё мала,
Что и бантик на макушке
Не достанет до стола!
Вертолёт ей подарю я –
Пусть, как пёрышко, легка,
И нисколько не горюя,
В нём летит до потолка!

ГИТАРА

У Катюши есть вещицы,
Что захватывает дух!
Подрасту, пойду учиться,
Поиграю с ними – у-ух!
Калькуляторы, заколки,
Бусы, сумочки – не счастье!
И гитара у сестрёнки –
Ну взаправдашняя есть.
Поиграть смогу я тоже...
И поближе подхожу:
– Катя, можно?.. О Серёже
Маме я не расскажу!

СЕКРЕТИК

Лучше мамочки моей
Нет на целом свете,
Я для миленькой своей
Сделаю секретик:
Как пойду гулять во двор –
Красоту устрою:
Из цветов сложу узор,
Стёклышком прикрою...
Свой секрет со всех сторон
Спрячу у фонтана,
Будем двое знать о нём:
Только Я да МАМА!

ПРО ФЕДЮ

Почему все дразнят Федю,
Будто Федя съел медведя?
– Я не съел ещё пока
Даже малого жука...
Я люблю ватрушки,
Пироги и плюшки!

ДОКТОР

Заболела баба Маша.
Дима стал её лечить:
То ей руку мазью смажет,
То поможет бинт смочить,
К голове приложит холод,
Грелку тёплую к ногам:
– Я, бабуленька, твой доктор!
Я тебе болеть не дам!

МАША

Маша в гости заходила,
Заводила разговор:
– Кошка вам кого родила?
Чем вы красили забор?
Кто звонил вам? Тётя Оля?
Где Антон теперь, сейчас?
А вы знаете, что в поле
Есть цветок Анютин глаз?
А у нашего Барбоса
Ужин съели воробы,
Отлучался он без спроса –
На хвосте принёс репы!
Где сегодня дядя Слава?
В новой шляпе набекрень
Я вчера его видала:
У соседки рвал ремень...
– Стоп, – сердито тётя Нюша
Вдруг притопнула ногой. –
Маша, вот конфетка, – скушай
И ступай себе домой.
Вытри нос, он в манной каше,
И косички заплети,
И котят в корзине нашей
Ты не трогай, не шути,
Под крыльцом возьми метёлку,
У Барбоса подмети:
Расчеши ему ты чёлку,
Вынь колючки из шерсти...
Улыбнулась тётя Нюша:
– Приберёшься и – в постель!..
Приходи наутро кушать
Свежий с клюквою кисель...

ВНУКУ ДИМЕ

По траве, как по волнам,
Ты резвишься ловко,
Мельтешит по сторонам
Белая головка.
Ты мой цветик луговой,
Маленькое солнце,
Разыгрались над тобой
Света волоконца.
Я соцветья на пути
Развожу руками...
Ты зовёшь меня: «Найди!
Я под лопухами!»
– Ну скорее вылезай,
Из-под крыши травной!
Погляди, как стрекоза
Егозит забавно!
И окутанный легко
Беспечальным смехом
Голосок твой высоко
В догонялках с эхом!

Руслан Овдиенко

г. Азов, Ростовская область

БЕЛЫМ-БЕЛО

Белый за окном снег,
Белый-белый в душе цвет.
Белый свет ускорил бег,
Набело писать сил нет.

Белый на листе стих
Спрятан от глаз людей.
Долгий, протяжный стих
Крик белых лебедей.

Ждут где-то впереди
Сотни белых ночей,
В печке горят труды
И слёзы оплывших свечей.

Белой метели вой,
Видимо, глух был и слеп.
Только лишь за тобой
Белый по снегу след.

СТОРОНЫ

Что-то устал я за это лето,
Будто в жизни моей не было
лета ни разу,
И если ж умереть за это,
То лучше сразу.
Истёк период ожидания твоего эха.
Выпрямившись во весь рост,
упираюсь в тяжесть ушедших лет.
И если та сторона всё ещё верит в Бога,
то эта –
уже нет.
Несвобода точит плоть нашу,
А неумение различать – цвет биоритма.
И мозг наш похож на кашу,
Увязнув в поисках алгоритма.

НЕТ ПУТИ НАЗАД

Нет выхода, и нет пути назад,
Уходит время, и безжалостен песок
В часах, направлен на закат
Взгляд, устремлённый на восток.
В тумане кажутся безлюдны города,
Лишь эхо в узких переулках бродит
И исчезает, заходя в дома,
В которых каждую минуту происходит
Шум от упавшей штукатурки
Или от скрипа отсыревшего паркета,
А может, шороха углей в печурке
Иль шёпота засохшего букета.
А мне же остается только лишь одно,
Хоть это бесполезно, я уверен:
Стучаться в наглухо забитое окно,
Ломиться в крепко заколоченные двери.

ЛЕБЕДЬ

Смотрю на лебедей, в календаре
Уже октябрь, а птицы не спешат,
И в кисее тумана на заре
Крылами белоснежными шумят.
Ведь прежде чем уйти в нелёгкий путь,
В родимой колыбели лишь на миг
Они остались. Крыльями взмахнуть
И улететь, издав прощальный крик
Они успеют. Озера овал.
Здесь всё им так знакомо и привычно.
Но час прощания, увы, давно настал,
Хоть это выглядит не очень поэтично.

И мне на сердце стало тяжелей.
Я всматривался в тающих вдаль
Моих любимых белых лебедей.
Скупые слёзы щёки мои жгли.
Свежо на улице, а мне невмоготу,
И холодно, и скучно, и грустней,
Не оттого ли, что последний раз в году
Успел увидеть я волшебных лебедей?

ОДНОЙ ЗИМОЙ

Деревья все в чахоточной листве,
Румянцем кое-кто из них зарделся.
Клён по первобытной простоте
Бесстыдно пред окном моим разделся.
То тут, то там, закованные в лёд,
Задёрнутые шторой непогоды
Синицы, опоздавшие на взлёт
И принявшие холода невзгоды.
И никого вокруг, кроме меня
И нескольких уснувших насекомых,
Я чувствую теперь день ото дня,
Что больше стало лиц малознакомых.
Но так случается шесть месяцев в году,
Когда всем миром правит увяданье,
Я в полузабытьи или в бреду,
И вместо слов морозное дыханье.
И я уйду, не скрипнув половицей,
И я уйду, чтобы вернуться вновь,
Быть может, той озябшею синицей,
Затерянною где-то среди льдов.

БУДЕТ ЛИ...

Море седое
Нежно ласкает руки,
Облака белоснежные
Мохнатыми гроздьями виснут.
Я на покое.
Лето взяло на поруки.
В узкую щель между скалами
Зноим июльским втиснут.
Море выходит на сушу,
Тихо крадётся по камням,
За геометрией ветра
Пытаюсь следить взглядом.
Ты или я, кто из нас будет разрушен?
Будет пропитан нежной любви ядом.
Будет ли снова небо гореть синим?
Будет ли море таким тёплым ночью?
Буду ли я снова таким же сильным?
Напишу ли ещё хоть одну строчку?

Эмилия Оффледи

г. Пермь

ВОЛЧОНОК

(рассказ)

Жил-был на свете серенький волчонок. Совсем маленький, только зубки прорезались. Сначала он жил с мамой, с братишками и сестричками в лесу. Мама-волчица кормила их молочком, а когда они спали, она бегала охотиться на мелких животных. Однажды мама притащила своим волчатам козлёнка, чтобы они тренировали свои зубки и учились питаться мясом. Вдруг щенки услышали треск веток, выстрелы. Их мама-волчица побежала вглубь леса, чтобы увести охотников подальше от волчат. Было слышно, как взвизгнула волчица, а собаки стали лаять возле логова. Мужик в грубых рукавицах вытаскивал волчат и бросал их в ящик.

Привезли щенков в посёлок. Собрался народ, каждый заглядывал, злобно ругался, что это их мать таскала у жителей птицу, кроликов, ягнят, чтобы выкормить своё потомство. Волчата испуганно жались друг к другу, но уже скалили свои зубы на окружающих их людей. Судьба их решалась бурно: разъярённые потерей домашней живности готовы были тут же забить волчат, некоторые кивали согласно, но твердили, что мать-волчица должна была кормить детёнышей, потому и охотилась не на диких животных, а на тех, что недалеко от её логова, вот и пострадали местные деревеньки. Кто-то предложил сдать волчат в зоопарк в областной центр, вроде как жалко убивать щенков. Вот и согласились двое мужиков отвезти этих осиротевших маленьких лесных зверьков в город.

Набросали им в ящик сена, чтоб не очень жёстко было щенкам во время езды по разбитым дорогам. Даже хлебных корок подкинули. Волчата сначала принюхивались к непривычному запаху, а потом распробовали на вкус и быстренько прикончили и корки, и крошки, чуть не подравшись, так им хотелось есть. А мама-волчица почему-то не появлялась, чтобы накормить их своим молочком.

В багажнике автомобиля было темно, пыльно и душно. Щенки пофыркивали, после нескольких часов пути стали повизгивать, прося еды. Один из мужиков не выдержал, остановил автомобиль, открыл багажник, смачно обругал волчат, но бросил им ещё разломленного на куски хлеба. Щенки заурчали, утоляя голод. Мужик ещё ругнулся, ворчливо приговаривая, что всякая божья тварь жить хочет и что куда же их, сиротинок, деть, не топить же в бочке. Мать их пристрелили, чтобы защитить свою домашнюю живность, а волчат пожалели. Вот уж забота на свою голову!

Автомобиль двинулся дальше. Но дорога заняла немало времени, и когда приехали в областной центр, было уже поздно, в зоопарке остава-

лись только сторожа да дежурный служащий. И то ладно – щенков определили в свободный карантинный загон, вернее, что-то типа клетки. Волчата набросились на корм, потом переключились на воду, снова на корм, похоже, собачий.

Мужики наблюдали из-за решётки: хоть и звери, но маленькие, всё же дети, а взрослыми станут – только попадись – загрызут! Сейчас же поскуливают без матери!

К решётке клетки приблизился один из щенков, самый маленький из всех, и вдруг замахал хвостиком. Ну как обычный дворняга! Мужик, который хлебом подкармливал волчат в дороге, кивнул сторожу и попросил отдать ему этого щенка, говоря, что воспитает его как сторожевого пса. Служащий согласно кивнул в ответ, подманив волчонка ближе к двери, и рукой в рукавице ухватил детёныша за холку. Тот, конечно, сопротивлялся, даже зубы оскалил, но, попав к уже знакомому мужику в ящик, взвизгнул, забился в кучу соломы в угол. Мужик достал из пакета остатки хлеба и бросил в ящик. Волчонок зажал в зубах корку, уткнул мордочку в солому и затих, словно нюхал хлеб.

На ночлег мужики остановились у родича, живущего здесь в городе.

Слушая доводы сердобольного односельчанина, он качал головой, приговаривая:

– Так-то оно так, жалко скотинку, но сколько волка ни корми, он всё равно на лес будет поглядывать! Попробуй, может, и получится приручить!

На ночь волчонка закрыли в ящике.

Утром проснулись рано, так как щенок скулил от голода. Нашлась у хозяина банка концентрированного молока, чуть разбавили водой из чайника, поставили в старой миске в ящик. Волчонок лакал без остановки, чуть урча от удовольствия. А потом, как обычный собачонок, встал на задние лапки, потянувшись передними по стенке ящика к мужику, улыбаясь и по-доброму глядящего на щенка. А тот не выдержал, расчувствовавшись, и, протянув руку к волчонку, погладил его по голове, почесал за ушком. Зверёнок прикрыл глазки от удовольствия, ещё ближе придвинулся к доброй ладони человека.

– Признал тебя, не кинулся кусаться, – проговорил полушёпотом хозяин квартиры, – считай, что подружился с тобой! Воспитывай, как обычного пса, тогда приручишь окончательно.

Мужик кивал в ответ, ничего не говоря.

Вернувшись к себе домой, добродушный мужчина решил устроить щенка в углу между прихожей и кухней, застелив старую корзину куском старого половика. Рядом поставил миску с водой. Волчонок обнюхал лежанку, но вернулся к ноге мужика, лёг рядом, положив голову ему на сапог.

– Вот, значит, как! Тебе не понравилась корзина? Или тряпица не того цвета?

Щенок посмотрел на хозяина и закрыл глаза.

– Ладно, малыш, сделаем вот так, – он вытащил немного соломы и кусок газеты из ящика, в кото-

ром привёз волчонка, положил всё это в корзину, чтобы она пропиталась запахом зверька, и он бы признал своё новое логово. Потом взял щенка на руки, погладил, покачал его, как ребёнка, и положил в корзину.

Звериный детёныш сел, принялся, покрутившись на месте, удобно устроился и лёг, положив мордочку на лапки.

– Вот и правильно, малыш, поспи пока, а я что-нибудь приготовлю поесть, – приговаривал мужик, отправляясь на кухню.

Щенок наблюдал за хозяином, но не выскакивал из корзины.

– Как же тебя назвать? Может, Малыш? Или Дружок? А? Тебе как нравится? – мужик разговаривал со щенком, бормоча себе под нос. – Говорят, как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Вот и тебя нужно назвать так, чтоб ты и в лес не убежал, и хозяина уважал. Вот как считаешь, будем дружить? – он оглянулся на волчонка и от удивления опешил: щенок сидел сзади, внимательно глядя на мужика.

– Фу ты, напугал! Не ожидал, что ты так тихо подкрадёшься. Ну что, будешь Дружком или нет? – хозяин протянул зверьку кусочек колбасы. – На, Дружок, ешь!

Щенок завил хвостиком, почуяв запах. Кусочек оказался маленьким, малыш смотрел на мужика, прося ещё. Получив несколько маленьких кусочков, быстро справился с ними, снова поглядел, прося ещё. Хозяин взял его на руки, погладил, почёсывая за ушком.

– Тебе сейчас много нельзя есть такой пищи, чуть погода будешь есть мясо! Подрасти!

Волчонок чуть урчал, облизывая пальцы хозяина. А тот поглаживал его, приговаривая:

– Дружок! Дружочек! Глаза у тебя всё же волчьи, хоть и добрые сейчас. Вспомнишь ли, что наши мужики мать твою сгубили? Так она столько скотины загрызла! Ты вот тут, а другие щенки в зоопарке, и не факт, что им там лучше. Так что давай дружить...

О СЕБЕ!

Родилась, дышу, пишу
И с судьбою спорю,
Может, как и все, грешу
Или плачу в горе.
Но шучу: я рифмоплёт,
Мозголом и Словоблуд!
Есть в душе моей полёт!
Эмили меня зовут!

Нацарапала тут строчки,
Издавала ещё чуть-чуть,
Только это лишь цветочки,
Ягодки – вот это «жуть»:
Есть и книги, вот и песню
Сочинили мы с Олесей*!
Даже хрестоматию
Предложу читателю.

Альманахи, сборники –
Творчества поборники –
Прозу приняли мою,
Да ещё поэзию.
Наполняю каждый стих
Ритмами сердечными,
Светом солнца, счастья миг –
Ценностями вечными.

А в висках стучится кровь
Волнами прибой:
Да прибудет к вам любовь!
Мира и здоровья!

ГЕНОЦИД

Где наших предков разбросала
То ль злая участь, то ли рок?
Земля, наверное, устала
Преподавать людям урок:
Посеяв зло – получишь всходы,
Когда от ненависти вдруг
Друг друга истребят народы,
И завершится жизни круг.

Что геноцид, как ни крутите, –
От дьявола исходит он.
Забыв о Боге, что творите,
Уничтожая чей-то дом?

Разрознив семьи, вырвав души,
Чужое счастье растоптав –
Не научились Бога слушать,
Простейших истин не познав:
Лишь из добра взойдёт величье,
И мудрость не продукт властей,
А светлый разум – вот отличие
Нас от животных всех мастей.

ПРО СТРАНУ И НАРОД

Телевизор с рассвета
Наши души тревожит:
То грозит концом света, –
Кризис всё уничтожит! –
То зловещими звуками
Голод миру пророчит!
Кто нас видеть безрукими
И безмозглыми хочет?
Кто большую деньги
Из России качает,
Но к чужому к бугру
Поскорей отправляет?
Из родной-то земли
Тянут, тянут богатства
Не чужие – свои,
Не боясь святотатства.
Или, как вороньё,
Над чужим добром кружат,
И любое враньё
Оправданием служит.
Мнят богами себя,
Восседая вальяжно!
И гребут без стыда –
Остальное не важно.
И понятие «совесть» –
Как растаявший лёд.
Вот печальная повесть
Про страну и народ...

* Песня «Я не хочу тебя любить» (муз. О. Атлановой)

Валентина Подгайская

г. Браслав, Беларусь

Вот и шубка в «молоке»,
Шапка, шарф мой тоже.
Что-то мчится вдалеке,
На неизвестно что похоже.

НЕ НАДО

Не надо думать свысока
О том, кто жалок и жесток,
Не надо на колени падать
не спеша:

Он не поймёт, от этого далёк.
Не надо верить, что придёт,
Протянет руку и поддержит,
Волна его невежества несёт,
И душу гордость нежит.
Он не умеет для других,
А знает только «мне бы»,
Ему ведь трудно «на двоих»,
Он спрятаться спешит...

Вот где бы?

Помочь ему? Но как?!
Принять ничто не хочет!
Всё! Стоп! В душе бардак,
И отдых сердце просит.

УТРОМ

Солнца лучик золотой
Улыбнулся мило:
– Я хочу играть с тобой
Весело, красиво.
Ветерок мне шепчет в ухо:
– Я хочу играть с тобой!
...Не хватает только духа
Пробежаться под водой.

* * *

Сколько в сердце доброты,
Столько в нём и злобы,
На себя, друг, посмотри,
Не разочароваться чтобы.
Сколько в мыслях теплоты,
Столько в них и стужи,
И как ты сани ни гони –
Не объедешь лужи.
Сколько в мире темноты,
Столько в нём и света,
Не печалься, глаз не три:
Ничего ценнее жизни нету.

Я СМОГУ

В моём окне стоит туман
И душу шалью застилает,
И страх в глазах, обман
Все жизни силы забирает.

Мне кажется: вот-вот – и упаду,
С насмешкой слышу:
«Не дотащишь».

В ответ я резко: «Я смогу!»
И тут же душу настезь.
И свежий ветер вдруг сейчас
Мои обласкал плечи,
Мне силы дал и веру дал,
Как ярко загорелись свечи!
Вдруг поняла: не надо замыкаться,
Какая б страшная потеря ни была.
Иду вперёд я

с радостью встречаться,
Которая в душе ещё жива.
То радость жизни,

радость счастья,
Надежд, любви и доброты,
И каждый миг её участия
На годы жизни ты благослови.

ЭТО ТОЛЬКО СОН

Не поверите, конечно, знаю,
Скажете: «Неправда, бред!»
Но я часто так летаю,
В небе белый оставляя след.
Взглядом провожу

по перелескам,
Наслаждаясь утренней росой,
И в тумане пышном, резком
Растворяюсь чистой слезой.
Вот и луг, цветочная поляна,
Целует нежно ветерок...
Просыпаться? Нет! Ещё так рано:
Только через час звонок.
И лечу я дальше над водой,
Наполняя тело волшебством
И великой радостью такою,
Внутри дышит всё огнём.
Впереди подруга-туча
Дождиком меня вдруг окропит.
Капельки стучат игриво, жгуче,
Песня радуги звучит.
А потом на Солнце

быстро-быстро,
Отогреться бы успеть.
Пятки подгорают, в глазах искры,
Тело начинает всё гореть.
И бегу с планеты я вприпрыжку,
Ведь боюсь там сильно загореть.
Разошлась и так сегодня слишком,
Хотела с ветром улечь...
И куда ж теперь податься?
Стоп! Наверно, на привал!
Отдохнуть бы постараться,
Скоро утро, волшебству – финал...

ДУША

Играй, пылай, душа моя,
И новым чем-то увлекайся,
Но не сгори, прошу тебя,
Такой же чувственной останься.

Танцуй, рыдай, душа моя,
Всё хорошо, всё к месту.
И чётко бусами звеня,
Найди от грусти средство.

Твори, люби, душа моя,
Зовут – ты откликайся,
Не всё получится у тебя –
Ты всё равно старайся.

Старайся в пятки не упасть
И мелкой ты не будь,
Чтоб на распутье не пропасть,
Гнилой не звали пусть.

СКАЗКА

Каждый хочет в сказку попасть,
Волшебством насладиться,
И от счастья навечно пропасть,
Один раз и взаимно влюбиться.
Хочет слышать слова, не словечки,
От которых бы дух заняло,
Чтоб открытые наши сердечки
Стучали в такт, заодно.
Смеялось бы солнце игриво,
Лаская плечи теплом.
Ветерка пушистая грива
Поднимала бы счастье столбом.

Каждый хочет в сказку попасть,
Волшебством насладиться...
...А можно волшебником стать
И творить чудеса стремиться...

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Солнце светит, а мороз,
Ой, за щёки щиплет,
И пушистый снег с небёс
На дорогу сыплет.

Вера Полякова

г. Воскресенск, Московская обл.

И ГОРОД ВЗДОХНУЛ...

Проезжая весенней порой мимо парка или Дворца культуры «П.О. Минудобрения», люди дружно вздыхали.

Все неурядицы на работе и дома забывались, когда взгляд останавливался на нежных побегах, украшенных небывалой свежести зелёными молодыми листочками, цветущих деревьях. И пение птиц лишний раз привлекало внимание к этой красоте.

Народ в автобусах удивлялся открывшейся перед ним картине бушующей весны, дарящей энергию и желание жить, сливаясь с этой красотой.

Но летом... Летом всё менялось. И уголок лесопарка, сиявший свежестью, превращался в заброшенный участок, принимавший в себя всё нечистое, производимое человеком.

Листья покрывались толстым налётом дорожной пыли или ржавели от регулярных выбросов в атмосферу местного химического комбината.

Высокая трава недавно ещё девственно чистого ландшафта безнадёжно замусоривалась желающими немедленно компенсировать неустроенность своей жизни поглощением содержимого купленных тут же кулёчков и бутылок «горючего», которое должно было заставить их немедленно развеселиться.

Но безропотная природа молчала и, удобренная фекалиями детей и взрослых, вновь возрождалась и одаривала, и удивляла своей неистовой дикой красотой. А пение птиц заставляло восстанавливаться, взбадриваться и продолжать жить.

В этом, 2006, году произошло, однако, что-то невероятное. Люди в автобусах вдруг ахнули. Пронёсся тяжёлый стон нестерпимой боли от осознания безвозвратной потери.

– Зачем?! Кому это мешало?!

– Заставить бы за каждое загубленное дерево сажать два.

С ужасом понимаю – да, всё утеряно безвозвратно. Я даже не заинтересовалась, что это были за кусты, в которых находили приют соловьи и другие парковые птицы. Ведь они, днём совсем незаметные, ранним утром становились несравненным украшением пробуждающегося города. Исчезновение кустов, птиц отзывалось болью в сердце каждого, кто умел замечать и ценить прелесть природы. Наш парк – это исторический памятник, он планировался и разбивался специалистами своего дела. Мои учителя имели обыкновение проводить здесь уроки ботаники или географии. Мы непременно отыскивали старую пихту, нетипичное дерево для наших мест. Старались обхватить её огромный ствол. И прощались с ней, словно с давним любимым другом.

Летом сюда приводили детей, отдохнувших в городских пионерлагерях. Малышей сажали за столики и раздавали им листки с карандашами. В конкурсе участвовали только желающие. Потом объявлялась неделя лучшего рисунка. Тогда работы отбирали на школьный стенд. Участие в просмотре рисунков принимали все, кто хотел. А окончательное решение выносилось председателем комиссии. Присутствие болельщиков не допускалось. Такие мероприятия старались устраивать во время тихого часа.

Победителей объявляли на другой день. Кровь бросалась в лицо, когда неожиданно на утренней пи-

онерской линейке вдруг выкрикивали твою фамилию и имя. Соседи толкали в плечо, заставляя выйти вперёд из колонны. Все хором кричали: «Поздравляем!» И дружно хлопали в ладоши, приветствуя победителя.

Здесь же на столах разворачивались шахматные и шашечные бои. Болельщики старались подсказывать своим. Кипели страсти – споры, обиды, разочарования. Сторонники победителей восторженно кричали «Ура!» Под конец следовали дружеские пожатия рук и похлопывания по плечу.

Не все попадали в списки награждённых, но многие ребята считали себя непревзойдёнными в разных играх, которые устраивали здесь же, в парке. Это и вышибалы – стенка на стенку, и прыжки через двойную верёвку, игры в салочки, «третий лишний», волейбол, картошку. Вы можете не поверить, но всё это было здесь.

Особенно мне нравилась игра «стрелы», когда одна команда, убегая от другой, оставляла знаки, указывающие направление, и в выбранном месте пряталась, предварительно укрыв в тайнике пакет с сообщением для другой команды.

Нужно было быть собранным, внимательным, стараться не отставать от команды и уложиться в заданное время до начала поиска противника.

Порою, быстро обнаружив по стрелам спрятавшихся ребят, вторая команда никак не могла найти пакет.

Сосредоточиться мешали ложные подсказки, шутки и подтрунивания со всех сторон. И тогда командир, торжествуя победу, вытаскивал из незаметного маленького дупла свой пакет. Объявлялась ничья. Изнурённые переживаниями и беготнёй, ребята возвращались в лагерь, где повара уже испекли вкусный пирог, а дежурные накрыли столы и подали мороженое.

Игра сплачивала всех, показывала значимость каждого участника. Заставляла быть дружными, внимательными, ловкими и остроумными.

В парке буйствовало разнотравье, попадались грибы. В определённые дни мы участвовали в сборе лекарственных трав: листьев подорожника, тысячелистника и др. Комиссия оценивала качество и количество собранного. Определялись лучшие сборщики.

В 1960-х годах в парке не было аттракционов. Зато – три пивных, тир, танцплощадка и летний театр, в котором проходили концерты художественной самодеятельности, заезжих артистов, а после заката показывали кинофильмы. Детей на эти сеансы не пускали, поэтому мальчишки пробирались через забор, а если зрителей было много, то смотрели прямо с забора.

По воскресеньям народ стекался на звуки духового оркестра. Вечером сюда сбегалась молодёжь, чтобы потанцевать, пообщаться, выбрать себе спутника или спутницу жизни.

Самым старым аттракционом в парке были качели «лодочки». Они неизменно работали, тогда как остальные механизмы как-то не приживались.

Ещё были карусели-«чашечки». Их устанавливали в глубине, на открытой полянке. Карусель вращалась, и чашечки, расположенные на площадке, двигались, сближаясь так, что можно было протянуть руку соседям. Сами чашечки тоже могли вращаться с помощью руля, управляемого вручную. Визг, восторг, общее веселье.

Значительно позже, уже в 70-е годы, площадку перед центральным входом заасфальтировали и установили невиданные качели, выглядевшие как клетки, раскачиваемые парой катающихся. Кабинки поднимались всё выше и выше, к небесам, и вдруг на глазах у всех переворачивались. Народ ожидавший, что раскачивающиеся полетят вниз головой, облегчённо вздыхал, так как кабинки как-то сами собой опуска-

лись над верхней планкой и принимали первоначальное положение.

Большое удовольствие доставляло детям катание на весёлом паровозике, маленьком чёртовом колесе. А вот большому колесу обозрения не повезло. Оно часто ломалось. И горожане стали его бояться.

При подъёме от страха комок подступал к горлу. И вот она, самая высокая точка, с которой, казалось, придётся невообразимо быстро скатиться вниз. Взору открывался верхний ярус паркового массива. И поражала не панорама города, а, в первую очередь, голые ветки деревьев, обожжённые выбросами химического комбината, и жёлтая больная листва. Становилось жалко деревья. Каких усилий стоило парку поставлять нам чистый воздух!

Воскресенск слыл зелёным городом. Это отмечали все приезжие. А я помню, как высаженные возле химического предприятия тополя ржавели и погибали. Сколько времени прошло, пока разработали план замены старых труб для выброса газов другими, фильтрующими воздух. Город зазеленел, расцвёл. И «лисий хвост» – так называли местные жители едкий газ, клубящийся над заводом, – всё реже стал фигурировать в разговорах.

И всё же нет-нет, а чувствовался химический выброс. Но заботливые деревья мгновенно очищали воздух, не давая «химии» опускаться вниз.

Казалось бы, совсем незаметные, зелёные насаждения встречались на каждом шагу. О них не говорили, они не бросались в глаза, но радость, ими приносимая, была ни с чем не сравнима. Только исчезновение привычного, дорогого сердцу, заставило вспомнить всё хорошее, пережитое в детстве...

Помните, перед воротами парка, ведущими к детской библиотеке, была большая клумба. На ней высаживались простенькие цветы. И часто затапывались детскими маленькими ножками, сбегавшими с этой «вершины». А зимой клумба была в центре внимания всех малышей, потому что на её месте уже вырастала небольшая горочка. И дети, оторвавшись от наблюдавших в стороне родителей, с визгом преодолевали свою первую высоту, стараясь наперегонки забраться наверх и съехать на санках с горы.

Возможно, огромную деревянную горку, испорченную и изуродованную подростками, никто не вспомнит. Но ту, первую, оставляющую в сердце ребёнка не страх, а радость общения, теплоту, не забыть никогда.

Боже мой! Что могло нас развлекать! Особенно в жару. Два фонтанчика с питьевой водой: в центре и около выхода к Москве-реке. Непременно нужно было бежать наперегонки, сделать два-три глотка и, зажав пальцем отверстие в кране, окатить капельным фонтаном друзей. Наиболее сметливые ребята наклонялись и с помощью вентиля внизу усиливали напор, таким образом изменяя направление струи и обдавая самого затейника.

Развлечением становилась глубокая сточная канава. Нужно было спуститься в неё, а потом подняться, не упав. Или перейти через глубокий ров по мосточку.

Изготовление своими руками лука и стрел давало возможность мальчуганам на собственном опыте убедиться, что гибкостью, эластичностью, упругостью и прочностью обладает не каждое дерево. Липа – мягкая. Из неё вырезают ложки, из лыка (коры дерева) плетут лапти. Древесина сосны – прочная, годится для кораблестроения, дуб – самое лучшее – «доброе» дерево для изготовления мебели. Чтобы сделать хороший лук, нужно потрудиться найти кусты орешника или ивы. Отцы с удовольствием передавали свой опыт детям. Устраивали соревнования. Приятней любого приза ощущение победы.

До исчезновения аттракционов юноши соревновались в ловкости и сноровке в маленьком зале для игровых автоматов, и стреляя в тире.

...Цветы в парке всегда привлекали новизной. Каждому месяцу – свои краски. Они не зависели от людей. Природа дарила их просто так, чтобы удивлять и радовать.

Осенью мамы с удовольствием помогали детям собирать красивые листики для школьного гербария. Ребята впервые получали знания о форме листа, названиях деревьев, о том, что по приметам можно угадать, какой подарок ожидает внизу: травы, цветы или грибы.

...В этом году ко мне приезжала крестница. По воле судьбы ей пришлось некоторое время жить в Америке. Она отвыкла от русской речи. Всё больше молчала, прислушивалась. И всё ей казалось уже чужим и незнакомым. Но удивительно: когда эта девушка попала в парк и увидела детский уголок, где играла когда-то, она ожила, на лице вдруг отразились забытые чувства. Она чисто по-русски воскликнула: «Ой! Мои домики! Моя карусель!» Вернулось прошлое и тёплые воспоминания, казалось, уже ушедшие безвозвратно.

Она обняла облезший детский домик, сфотографировалась на его фоне, побегала по асфальтовой дорожке через фонтан, посидела на цементных грибочках, сфотографировалась среди украшающих композицию цветов из цемента. И наконец поняла, что она дома. Вспомнились друзья, детские забавы и первые попытки творчества в кукольном детском театре Дворца культуры «Химик».

Сколько раз спасал нас парк от разных неприятностей! Менялись люди, менялась политика. Но молодые мамы вновь и вновь везли колясочки с новорождёнными и вели за ручку малышей, чтобы дать волю движению, свободе общаться с природой и познавать новое, неизведанное.

В 1980-х годах стало модным музейное дело. При школах и заводах организовывались музеи боевой и трудовой славы. Стали перечитывать архивные документы. И активисты нашего города решили восстановить каскад из трёх озёр на территории парка. Озёра были вычищены, углублены. В них запустили карпов, спины которых высвечивались яркими солнечными лучами в прозрачной воде. Появились любители-рыбаки.

Для нас открылось ещё одно предназначение парка – он стал местом сбора художников.

Возле центрального озера располагались учащиеся художественного кружка Катасоновой Ольги Юрьевны. Она показывала технику рисования пейзажей акварелью. И дети, копируя увиденное, выдавали через два часа уже готовые картины, отражающие окружающую красоту.

В здании бывшей усадьбы, в заброшенных старых залах трудились живописцы с мировым именем. Их шедевры подпирали обшарпанные стены. И чтобы пересмотреть их, нужно было перетаскивать полотна с одного места на другое.

Художники были необыкновенно просты и приятны в общении. Знаменитый рисовальщик цветов Молотов Михаил Григорьевич представлял поколение интеллигенции, предпочитающей праздности ежедневный труд. Он не скрывал своих приёмов, говорил, что никакой институт не может научить так, как учит практика и общение во время работы. И тепло вспоминал дни, когда юные художники брали мольберты и писали картины, перенимая друг у друга манеру письма, приобретая опыт.

Он с интересом выслушивал мнения о своих работах. Цветы, словно живые, выглядывали из букетов, написанных масляной краской, и говорили каждый за

себя: «А посмотри на меня, я тоже красивый!» Такими были полевые цветы. Такие они и в реальной жизни.

Пересмотрев всё, что было представлено, выбрала картину самую любопытную, самую удивительную. Она не была создана для украшения, нет! Там был изображён участок заболоченной местности. Туман покрывал пеленой болотные травы, таившие под собой зыбучую топь. И что-то холодное, колдовское пробегало по телу, вселяя страх перед этой затаённой угрозой. А там, дальше – лес. И жизнь, и нет места страху.

Я попросила помочь одной знакомой научиться рисовать. Художник тут же дал согласие с условием, что подсказывать будет постепенно, по мере продвижения работы.

Когда я посетила во второй раз мастерскую, увы, полувившейся мне картины уже не было. Её продали.

А лицо ожидавшей моего прихода юной художницы было озарено счастьем. Она никогда не думала, что с помощью штрихов кисти можно нарисовать живой букет сирени. Восхищалась, говорила, что это удивительно, непонятно. Что это какое-то волшебство.

...Чем больше я сталкивалась с энтузиастами музейного дела, тем больше открывала для себя удивительных, творческих людей. Занимались ли они рисованием, резьбой по дереву, росписью или созданием моделей самолётов, в обыденной жизни были необыкновенно просты и не выделялись из общей массы.

Мастерство подвластно только тому, кто добивается совершенства. Это правда. Когда художник считает, что достиг совершенства, он перестаёт быть художником.

А творчество нужно в любом деле, тогда от результатов будет и радость, и польза. Творчество предполагает осмысленный труд, оно ориентировано на будущее.

Порою картины создаются очень медленно, но радуют не один век. Бывает, пишутся быстро, будто озарение. Но это – плод незаметной ежедневной внутренней работы.

Поэтому, возможно, мне подчас приходит мысль о том, что не важно, можешь ли ты создавать что-то удивительное. Намного важнее не навредить, не испортить то, что уже создано.

Летом 2006-го года я завернула в парк, чтобы нарвать чистотела. И не смогла ничего найти. Вся трава была скошена машиной для стрижки газонов.

С сожалением подумала, что срезка однолетних растений ведёт к их уничтожению. Вспомнила, как около дома однажды никак не могла найти листа лопуха. На газонах возле домов давно уже не растёт аптечная ромашка.

Досадно, что в лесу пропали белки, лоси, а теперь и кабаны. И этим летом люди заметили, что змей стало намного больше, в том числе и в парке, и за исполкомом. Там, где водятся ежи, змеи стараются не появляться, значит, и ежей поубавилось...

Лес не виноват, что люди так много мусорят.

Людей, а не лес надо наказывать за грязь. А окружающей средой должны заниматься лесники, любящие, а не уничтожающие природу, которой нужна защита от государственного произвола, варварства молодого поколения и даже от многочисленных бездомных, приехавших в поисках лучшей жизни из соседних государств бывшего Советского Союза.

Не надо говорить, что люди плохие. Все насаждения у нас в городе сделаны самими жителями.

В советские времена для уборки парка организо-

вывали учеников школ и работников ЖКХ. Если будет в парке садовник, способный показать, где требуется помощь, и выдающий инструмент под залог для желающих поработать, люди начнут ухаживать за растениями. Учиться создавать красоту никогда не поздно.

Однажды, отвлекая от болезненных тем, связанных с неправильной суммой в квитанции для оплаты телефонных услуг, я стала расспрашивать о парке добрую знакомую, с которой работала раньше на одном предприятии. Может, я не всё знаю. И Анна Михайловна Кониная стала вспоминать, как её семья переехала в Воскресенск из Москвы. Отца тогда пригласили в город в качестве хорошего специалиста. Жили с мамой и сестрой в одном из деревянных домиков на территории парка. Все жильцы дружили между собой. А дети очень любили прятаться и играть на чердаках старых домов.

– Однажды заигрались до позднего вечера. Мама обыскала все углы. Ох и влетело нам тогда. Неделю запрещали выходить на улицу! Наши дома окружал великолепный черешневый сад. А через Москву-реку был протянут мост на понтонах.

Анна Михайловна вздохнула:

– Вот и обидно-то. В нас воспитывали чувство собственного достоинства: добиваться всего своим трудом, чужого не брать, людей не обижать. И мы старались. Я окончила институт и всю жизнь занималась финансами, сестра получила высшее образование и уехала в Москву. Племянники – необыкновенные умнички! Так много уже знают!

...И глаза Анны Михайловны засветились тёплым светом. Слушая её, я вспомнила то время, когда из парка людей переселили в новые квартиры. На старом же месте остались только диковинные садовые деревья. Черешня в наших краях обыкновенно не приживалась. И мы, дети, гурьбой бегали сюда, чтобы насладиться приятными на вкус ягодами.

В 2005 году в парке за озером возникла какая-то странная конструкция, как металлическая «ферма», но деревянная. Появились новые скамейки. Дети сбегались посмотреть, что же здесь будет. Поговаривали, что аттракционы. Были построены деревянные качели.

Ужасающее творение за озером исчезло после первого праздника так же мгновенно, как появилось.

На танцплощадке поставили пивную палатку со столиками для отдыхающих, открыли ещё один закусокный шатёр, где подавали шашлык и вино. Скопившуюся после работы заведений грязь убирали подростки, за плату. Молодые люди иногда с работы сразу приходили сюда, а утром прямо отсюда вновь уходили на работу. Аттракционы были размонтированы и вывезены.

Потом на тротуарах появились большие мусорные контейнеры. Спилили старые огромные деревья, уничтожили кусты. Напротив Дворца культуры построили большое здание, где разместились магазины и кинотеатр. Рядом парк отдали под стоянку для машин. Центр, созданный с использованием новейших технологий, стал популярным местом отдыха и развлечений горожан. Но для его постройки была уничтожена довольно большая часть парковой территории и испорчен архитектурный ансамбль площади.

Санаторий «Ласточка» закрылся. В усадьбе Лажечникова отремонтировали здание бывшего детского сада. Туда переехал старый музей. Бывшего руководителя музея парализовало. На его место пришли новые сотрудники.

2006 год

Алексей Порошин г. Москва

Алексей Порошин родился в 1940 году в селе на Тамбовщине. После средней школы работал, служил в армии. Затем – учился на дневном отделении факультета журналистики МГУ.

Тридцать шесть лет работал в центральном информационном агентстве страны, последние пятнадцать лет – ответственным секретарём ИТАР-ТАСС.

Член Российского союза писателей.

Автор двух поэтических сборников – «Когда нас истины тревожат» и «В поля я летние уйду».

МЫ ДЕТИ ПРАВЕДНОЙ ВОЙНЫ

Мы рождены своей эпохой –
И ею мы закалены.
Мы без обмана, без подвоха...
Мы дети праведной войны.

То были дни печальные, седые.
Как будто время постарело вдруг,
Как будто крылья вечно молодые
Себе спалило о бескрайность мук,
Земных, лежавших пятым океаном,
В глаза хлеставших женскою слезой,
Всегда безудержно, безумно рьяно
Кромсавшим сердца детского покой...
...Рассветы часто пятились от страха,
Лучи в испуге вскинув над собой,
Когда земля дымилась, точно плаха,
Под обезглавленной тишиной.

Я помню первые рисунки на бумаге
И три карандаша мои цветные.
Зелёным рисовал я только ёлки
И травку на поляне между ними.

А голубым я рисовал лишь небо,
На мамины глаза оно похоже,
Где облака пушистые светлели
Из-под ресничек искорками смеха.

А красным –
только солнце с длинными лучами:
Так до него мне легче дотянуться.
Оно всегда над крышами высоко,
Чтоб не могли с земли его поранить...

Стараюсь я судить о фактах строже,
Зачем себя мне ложью обеднять?
Кто в одиночестве грустить не может,
Не может сердцем многое понять.

К суждениям о нас – до боли чутки,
В оценках всех – внимательно строги.
Плясать не хочется под чьи-то дудки
И совесть стаптывать, как сапоги...

Осень. Утро. Застолица скромная –
То меня провожают в солдаты...
Вот и жизнь наступила огромная,
Покидаю родные пенаты.

Мне сердечно сказали напутствие
И мой дед, Перекоп штурмовавший,
И сосед, чьё ценил я присутствие,
Глаз и руку в бою потерявший.

И за мир, и за службу успешную
Вновь стаканы мы сдвинули дружно.
Завершили застолицу спешную...
Вещмешок – это всё, что мне нужно.

Его бросил в телегу совхозную –
И отец тихо тронул от дома.
Как забыть молчаливо нервозную
Тишину, что была незнакома?

...И заплакала мать за околицей,
Здесь отца на войну провожала.
Я боялся, что сердце расколется...
Как спасенье слеза набежала.

Ты прости мне, Родина,
Мой прямой вопрос:
Отчего же пролито
Столько горьких слёз?

.....
Ты ответь мне, Родина,
На больной вопрос:
Отчего же пролито
Столько лишних слёз?

Я за планы, раздумья давно полюбил
Ожидание дальних дорог,
За проверку души и за собранность сил,
За предчувствие новых тревог.

Я ценю расставанье за краткость минут
Да за правду в прощальных глазах:
И за то, что они в этот миг не солгут,
И за то, что не скажешь в словах...

* * *

*Памяти Ивана Макарова –
брата моей матери*

С детства знал о дяде,
В квартире был портрет.
Погиб он в Сталинграде –
Его могилы нет.

Он вырос без порока,
Мне рассказала мать.
Была война жестока –
Его нам не видать...

Он – жертва горькой доли –
И мне не даст ответ:
Как умирать, легко ли
В восемнадцать лет?

* * *

Бездушность города давила,
И угнетала суета.
Жизнь неуютна, больно била...
Куда девалась доброта?

Щемило сердце от печали.
Тоскливо ветрам в проводах...
А вы когда-нибудь скучали
В больших и шумных городах?

СЕРДЦЕ

Николаю Халину – давнему другу

Я рад, что в нём сливается
В неразделимое
Во мне гражданское
И человека.
И, затаив дыхание,
Я сердце слушаю,
Как будто слушаю
Дыханье века...

НАРОД В СЕБЯ УЧИЛСЯ ВЕРИТЬ

Смерть Сталина – законна, в силе:
Жизнь, как всегда, взяла своё,
Когда про смерть про ту забыли,
Почти не верили в неё...

Людей доверчивость губила,
Что он велик, что он умён...
Толпы магическая сила –
До божества был вознесён...

...Народ остался вновь без «бога»,
Как оставался много раз.
Его судьба сложна и строга,
Его судьбы неровен час.

В том и надежда, и потеря –
Кого-то «богом» утвердить.
И тут иным нельзя измерить:
Народ в себя учился верить,
Как дети учатся ходить.

* * *

Весна – природы возрожденье.
Текут столетья – вечная река...
...Очнулся лес – не наважденье:
Набухших почек пухлые бока.

И нет надёжнее соседства –
Возврата с юга вешнего скворца...
И птичий гам, знакомый с детства,
Пробудит заскучавшие сердца.
И солнце щедрым снова стало,
Душе созвучней неба синева.
В крови – брожения начало,
От свежих чувств кружится
голова...

* * *

Ночь темна, черёмух скрыта пена,
Редко слышишь трели на дому.
Соловей выкидывал колена –
Вторить не под силу никому.

Ночь проходит. Трельные размахи
Гонят сон – и не жалею я...
До зари другие смолкли птахи,
Уважая чувства соловья.

* * *

Скоро лето – надежда и радость,
Утешенье домашних забот...
И тепло, и душевная сладость,
И природы высокий полёт.

Лёгкость зорь, каруселью летящих,
Рань рассвета и поздний закат,
Трепет звёзд, над землёю парящих,
Соловьём закипающий сад...

* * *

Мягкой дымкою даль
подёрнулась,
По густой траве ветер стелется...
Журавель скрипит,
грустно горбится,
Цепь провисшая чуть пузатится.

Листья ожили – вьются трепетно,
Своей тяжестью ветки выгнули,
И деревья все напряжились,
Потерявшие равновесие.

Ставни старые тихо хлопают,
Дребезжит окно тонко стёклами.
По жестяному подоконнику
Капли топают, точно голуби.

ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая...
Ф. Тютчев

Гроза рождает вдохновенье,
Как счастье – светлую слезу.
Среди зимы как исцеленье
Я жду весеннюю грозу...
Когда, обрушив грома глыбы,
Свободой заново дохнёт,
И молний синие изгибы
В моей душе разрушат лёд...
И пусть гроза меня пугает,
Как взмах стегавшей лозы.
«Люблю грозу в начале мая»:
Она природу очищает...
Как не было давно грозы!

* * *

Саше Степаненко

У вороны вид печальный,
Никнет дряхлой головой,
Будто камень погребальный
У дороги столбовой.

Сколько лет тебе, ворона?
Неужели триста лет?
Столько слёз
И столько стога,
Столько горя,
Столько бед.

Ты сама тому свидетель,
Как над Русью бил набат...
Неужель на белом свете
Больше горя и утрат?..

Перед чьей встать иконой,
Чтоб от горя не тужить?
Надо просто быть вороной,
Чтобы триста лет прожить.

* * *

Володе Кучко

О друзьях держу сегодня слово,
С кем делил судьбу мою и дни,
С кем всегда готов делить я снова:
Временем испытаны они.

Добротой они своей богаты,
Высоко их искренность ценю.
Им прощаю, если виноваты,
Вновь тянусь к душевному огню.

Непростые годы миновали,
Не один осилён перевал...
Счастливы,
что друзья не предавали,
Как и я друзей не предавал.

* * *

Тишина, тишина, тишина...
Иногда нас пугает она,
Иногда нас спасает она...
Тишина, тишина, тишина.

* * *

Анатолию Гуркину

На заброшенном поле
Мысли тяжко гнетут...
Будто сам я в неволе,
Где не ценится труд.

Где отраднo и славнo
Колосились хлеба...
Изменилось всё в главнoм,
Надломилась судьба.

На заброшенном поле
Поднялись сорняки –
И лежит, как в неволе,
Без хозяйской руки.

* * *

Нам неважная выпала доля:
 На излом нас пытается судьба...
 Наша жизнь – как несжатое поле,
 На корню пропадают хлеба...
 Как снести нам большие невзгоды?
 Нас исхода волнует итог...
 Затянулось распутье на годы:
 Не нашли своих верных дорог...

БОЛЬНОЙ МАТЕРИ

Ты в первый раз не встретила меня,
 Калитку мне навстречу не открыла,
 Не развела домашнего огня,
 Нехитрый стол радушно не накрыла...
 Ты жизнь прошла, как ходят сквозь грозу,
 О помощи напрасно не просила.
 Теперь сдержат тяжёлую слезу
 Тебе, как прежде, силы не хватило...
 Душа горит от горького огня,
 В печали есть неведомая сила...
 Ты в первый раз не встретила меня
 И в первый раз меня не проводила.

* * *

Милосердие утратили мы,
 Всё черствее становится люд...
 Кто нам даст человечность взаимы?
 С чем придём мы на собственный суд?
 И невинный мы делаем вид,
 От добра совершив разворот...
 Потеряли и совесть и стыд:
 За рубеж поставляем сирот.

* * *

Без правоты не будешь праведным,
 Как без сомнений – человеком...
 Как тяжело быть только правильным,
 Воспитанным своим же веком.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Ты поэт от земли и от бога,
 Как звезда, ты светился во мгле...
 И красив, и удачлив во многом,
 Только мало прожил на земле...
 Говорят – бесшабашно ты сгинул...
 Только мне не понять одного:
 Кто смертельную петлю накинул,
 То ли дьявол, то ль слуги его?..

* * *

Нине Александровне

О, сколько грусти в крике журавлином!
 Как взгляд прощальный больно ранит даль...
 Слежу до слёз за уходящим клином,
 Его, как юности ушедшей, жаль.
 Плеснула грустью в сердце неба просинь,
 Неотвратимой горечью дорог...
 В своей печали мне созвучна осень,
 В предчувствии утраты и тревог.
 На мир смотрю печально – не устало:
 И жизнь как жизнь – и участь не нова.
 Печаль во мне – поэзии начало...
 И ты прими все грустные слова.

* * *

Она прекрасна – нет сомненья.

А. Блок

Сомненья нет, что ты собою хороша,
 То ясно всем, когда проходишь мимо...
 Когда же светится в глазах твоя душа,
 Ты в этот миг – совсем неотразима.

* * *

В трудный час покинувшим Родину

У нас судьба несносная порой,
 Пока с невзгодами идём попутно...
 Вы – на чужбину ринулись толпой,
 Когда вам дома стало неуютно.
 И был народ у бездны на краю –
 Вы не делили с ним его страданье...
 Вы Родину покинули свою:
 Мы ваших слов не примем в оправданье.

* * *

Предательство – незамолимый грех,
 Распад души, распад морали...
 За подлость, мерзость дьявольских утех
 Всегда предателей карали.

Теперь пришли иные времена...

* * *

*История есть достояние общее,
 а не каких-нибудь отдельных лиц.*

Л. Мартынов

Зачем спешить увековечить
 Почивших в бозе имена?
 Зачем историю калечить?
 Ошибок тягостна цена...

От заблуждения избавим
 Себя и, может быть, других...
 Чем больше памятников ставим,
 Тем меньше почитаем их.

* * *

*Всё так же сердце гложет
 Печаль тяжёлых дум.*

В. Кириллов

Опять грущу: вернулась непогода,
 Мне суесловьем кажется туман...
 И серость дней, и серость небосвода,
 Моя душа болит от старых ран.

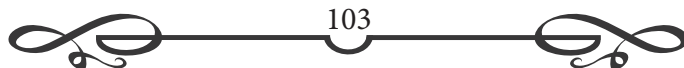
Мне не по силам перепад давлений,
 Как от беды страдаю каждый раз.
 И угнетён, как перепадом мнений,
 Сомненьями, терзающими нас...

* * *

Поэт всегда должник вселенной.

В. Маяковский

Предназначение поэта –
 В народ святую истину нести...
 В его словах – источник света,
 Нам с ними легче ясность обрести.
 Богаче мир строкой нетленной,
 Не восхищаться ею не могу...
 «Поэт всегда должник вселенной» –
 И перед ним вселенная в долгу.

Светлана Прохорова г. Воскресенск, Московская обл.

* * *

Свой песенный мотив
С берёзок листья сыплют,
А дятел выбивает,
Играя, клювом стук,
Весенние цветы
Росинки утром выпьют,
Летающая пчела
Оставит в поле звук...

Небо – в неизвестность
круглое окошко,
Может, я в окошко
счастье позову.

Звёзды так высоко –
не боятся ветра,
Нам бы хоть немного
с ними пошутить,
Ночка улыбнётся
и забавно, щедро
Вдруг решит на память
тайну подарить.

* * *

Как сладок радости глоток!
Твоей любовью обжигалась
И думала: «Вот счастье! Вот!»
Но это только мне казалось...

Зачем наполнила судьба
Меня тоской неимоверной,
Когда сама с собой борьба
Терзает сдавленные нервы?

И чудный гул летит
Со всех сторон вселенной,
Природа востепенулась
И грезит о стихах.
И, точно в сказке, вздох
Красавицы надменной
Напомнит чей-то стон
В несказанных словах.

* * *

Мы в суете мирской забыли,
Как облака по небу плыли,
Как пахло сено в сеновале,
Как звёзды, падая, мигали,

Наверно, следует познать
Печаль и горечь поражения,
Чтоб с благодарностью принять
От жизни новые мгновенья...

Блеклый свет мерцает –
лунная дорожка,
Волны огибают
влажную траву,

Как месяц улыбался вдруг,
Сияньем озаряя круг,
Как в той ночи мы с восхищеньем
Нашли с тобой уединенье.
Про всё забыли... А напрасно.
Всё это было. И прекрасно.

* * *

* * *

Безветренная тихая погода,
Лишь щёлкает поодаль соловей...
Ах, что за чудо – летняя природа
В красе неповторимости своей!

Как сладко пахнут свежие травинки,
Как сладостно кружится голова,
И каждые упавшие росинки
Невольно превращаются в слова.

Прохладой дышит светлая водица,
Спешит ручей, и ждёт его река,
И я спешу к тебе, и мне не спится,
И вот щеки касается щека...

Покой природы проникает в душу, –
Есть радость долгожданная в пути,
Когда ты шепчешь: «Милая, послушай,
Ведь это наше счастье впереди!»

Уснул, покоем наслаждаясь, мир.
Вокруг травой запахло и прохладой,
Пришёл на землю сон – ночной кумир –
И одарил мечтою и отрадой.

Одна звезда не знает, как ей быть, –
Уснуть ли ей под крыльями Морфея,
А может, свет влюблённым подарить,
Как фея?

* * *

Уходит вдаль железная дорога,
Мои мечты уносят далеко,
Растаяла последняя тревога,
И на душе становится легко.

И кажется, что в поезде потёртом,
Которому мигает светофор,
Ритмичные колёсные аккорды
Вступают в бесконечный разговор.

НОЧЬ

Как ночь темна, и трепетна луна,
А тучи снова превратились в море.
Но снова одинока тишина,
И нет ей пары ни в любви, ни в горе.

Повсюду расплзлась глухая тьма,
И кажется, нет выхода оттуда,
Где царствует безмолвная луна,
Мелькнёт меж туч и спрячется покуда.

Вжимаюсь крепко в поручни вагона,
Ласкает ветер и лицо, и грудь.
Спешит, уходит вдаль моя дорога,
И мне с ней, наверно, не свернуть.

Александр Пчелинцев

г. Москва

Я ЗАБРЁЛ ПО АЛЛЕЕ...

Я забрёл по аллее на липовый цвет
И застыл, и не слушались ноги.
Словно старый садовник огромный букет
Положил на скамью у дороги.

Я стоял и пытался глазами объять,
Позабывшись в душистом обмане...
И свисали цветы, как забытые Ять,
Светлой охрой точились на раны...

День вливался в закат, как гранатовый сок.
Размывались дневные интриги...
И лежал мой букет в очереди этих слов
Ароматной закладкой для книги...

А ЛЕГКО ЛИ ЗАБЫТЬ...

А легко ли забыть...
Ни лица, ни изнанки...
Заболеть пустотой,
Пережить вопреки...
Написать сверху вниз
Иероглифы танка –
Пятистрочье вины
Исколотить на карниз.
Сизокрылые клёны,
Раскрывшие перья,
Накормить маятой
Забродившей весны...
А легко ли забыть...
Притворённые дверью –
Обречённую страсть,
Приручённую стыть.
А легко ли забыть...
Обнажённые ночи
С перестуками дней –
Бисер грусти на нить.
Ты себя не проси,
Если даже захочешь –
Поцелуй весны...
А легко ли забыть...

Берёзовых стволов открытое звучание.
Несмелые мазки пробившейся листвы.
Разбужена вода... и лодки у причала
Качаются под смех подвыпившей весны.
На солнце разомлел нехоженный пригорок.
Желтеет первоцвет – сезонный семафор.
Намаялся апрель... и уступил дорогу
В зелёный беспредел, в цветастый перебор...

ЛЕТО ДЕВОЧКОЙ ВБЕЖАЛО...

Лето девочкой вбежало...
В разноцветном сарафане,
Босиком, в руках сандалии –
Небо чиркалось стрижами.
Одуванчики сквозь хохот
Раздували ветром щёки...
Развалившись у дороги,
Подорожник тихо охал.
А жасмины в белых фраках
Доминантно сателлитны.
Тыфу ты, даже стало стыдно,
Что сказал... а запах, запах...
Шмель, в себя упрятав жало,
Клянчит капельки нектара.
Все в цветастых сарафанах...
Лето девочкой вбежало...

Коллекцию потёртых мелочей,
Наколотых на нервные иголки,
Легко собрать, переполняя полки
Души... украв в кичливой толчее
Остатки веры. Ссоры, кривотолки
Меняла сей в расчёты не берёт.
По курсу неуверенности спишет.
И если мы себя, увы, не слышим,
Заполнив забродившей думой рот,
Разрушит всё... от пола и до крыши.
Сплетёт из чуть заметной паутины
Сомнений сети, крепкие, как снасти.
И, облечённый неподсудной властью,
Сожрёт нас... а финал всегда един –
Из мелочей дорога к скорой казни.

Я иду на восток... солнце целится в спину,
Растянув впереди серой тенью мишень.
Я покорно ведомый. В прицел уязвимый.
А мой крест на груди – указатель на цель.
Перечёркнуты напрочь привычные фразы.
Под заилненный камень сочится вода...
И друзья на пути превращаются в стразы,
Жерновами в труху растирая года...

Я иду на восток... солнце выстрелом в спину.
Каждый шаг – перевал, а закат – поводырь.
И мой замок всё больше похож на руины,
А пошитое платье – на множество дыр...

Онемевшие буквы осыпались хрупкой листвой.
Их в слова неумело сметает неряшливый ветер.
Удручённо бросая на рифмы дырявые сети
И пугая пустой, как глазницы блокпоста, зимой...
Карандаш безнадежно застыл на холодном стволе.
Серой точкой нацелился в стену источенный грифель.
Затерявшийся в зрительном зале доверчивый зритель,
Ждущий новых анонсов... и пиршества новых ролей...
Всё проходит... уверен, пройдёт и нежданный антракт.
Распахнутся страницы, впуская продрогшие чувства.
И строфа за строфой – буквы талой водой разольются,
Послеснежьем стихов оплетая армейский приклад...

* * *

Так беззащитна от соблазнов память...
Скользнув непрочной тенью силуэта,
Чуть прикоснёшься – без стыда раздета...
Течёт по свежим срезам, словно камедь.

Парадный холод обречён растаять,
Упав снежинкой между строк поэта...

Легко уйти... Ты даже не пыталась
Скатиться в небыль каплейкой разлуки.
Мольбы к рассудку оставались глухи.
Любовь вошла, обёрнутая в шалость.

Как в шелуху. Сомнений не осталось...
Лузга слетела... Зёрна пали в руки...

Созревшие до безрассудства страсти,
Порочащей незыблемые скрепы...
Сколь праведные, столь же и нелепы...
Запреты все расколоты на части...

И сложены... в простое слово – Счастье.
А мы его лишь кроткие адепты...

* * *

Ты одета в платье из органызы,
Скрыв едва свои нагие чувства.
В воду акварель и в тюбик масло –
Замерло изящное искусство.

Пальцы вязью по изгибам тела.
Ткань, послушно небо закрывая,
Падает к ногам почти смиренно,
Как платок на саблю самурая.

Полная луна... истома света.
Вылит силуэт китайской вазы.
Ночью... иероглифом ответа –
Ты и я... на платье из органызы...

* * *

Всюду тьма... И конец пути.
Господи, Ты прости меня!
Только засвело впереди –
И всё... Темнота незримая.

Я ж просил тебя... помоги!!!
Света дай глазам, помилуй!
Но обуглились фонари,
Крестами торчат в могилах.

И не видно, куда идти –
Воронье вокруг или голуби.
Только что-то ещё внутри
Не сдавалось, рубило проруби.

Безнадёжности вопреки,
Руки в кровь, и зубы крошены...
Я кричал тебе... помоги!!!
Рано быть на плаху брошенным...

Серый цвет бесконечных стен...
Он – надежда прозренья – первая.
Вслед прорезал сдавивший тлен
Лучик солнца... В него и верую...

ДВА БИЛЕТА – ТУДА И ОБРАТНО

Два билета – туда и обратно...
Параллелями вычерчен путь.
Монотонит привычно стаккато,
Стук которого клонит уснуть.
Тихо бряцает ложка в стакане,

Вспоминая про выпитый чай.
Фонари полустанков мелькают –
Растворяют в дороге печаль.
И не кажется узенькой полка,
Не смущает казённо постель –
Всё прощает дорожная стопка,
Разгоняя в крови лёгкий хмель.
Два билета – туда и обратно.
Рельсы знают искомую суть.
Поезд мчится в зачатое завтра,
И вчера мне уже не вернуть...

* * *

Маленькая девочка – красочные куклы.
Подросла девчонка – платица и туфли.
Девушка взрослеет – юноши и книги.
Молодая женщина – дерзкие интриги.
Годы пролетают, сменяются игрушки.
Ты уснёшь устало на своей подушке
С мыслями о дочке, с мыслями о доме.
Как же всё непросто в этой женской доле.
Книги запылились, грязная посуда,
И совсем неважны чьи-то пересуды:
Что всё снова в том же, и опять всё та же.
А соседка снизу всё и всем расскажет.
Чем измерить счастье? Где твои караты?
Ни судьба, ни годы в том не виноваты,
Что в шкатулке камни и шальная ночка.
Ну а счастье? Вот же! Подрастает дочка...

ТВОИ НЕГРОМКИЕ СЛОВА

Твои негромкие слова
Молчать заставили оркестры,
Так праведны, как в меру честны,
Чтоб не слетела голова.
И рифмы остудили печь
Горящего в душе отчаяния,
А наросты в тверди сознания
Снёс стека благородный меч.

И снова затихает зал –
На холст выплёскивают мысли,
Палитрой глупостей и смысла –
Мой эшафот... твой пьедестал.
Твои негромкие слова,
Казалось, были неуместны –
Столь сладостны, как в меру лестны,
Но, бог мой, в том ты и права.
Твои негромкие слова...

НОЧЬ ПРИЛИПЛА...

Ночь прилипла. Мазок индиго...
Море в звёзды не наглядится...
Небо утром – пролёт фламинго –
Чистят метлами крыльев птицы.

Волны шепчут: приди, амиго.
Пальм распахнутые ресницы...
Плеск лазури в глазах Карибов –
Я готов в них навечно влиться...

Ветер кружит палитру моря,
Лентой пены целует берег,
На песчинки рассыпав зори.

Лишь прибой никому не верит
И следы, словно тайну Ноя,
Смоет с талии двух Америк...

**Я НЕ ЗАМЕТИЛ,
КАК ПРИШЁЛ ДЕКАБРЬ...**

Я не заметил, как пришёл декабрь,
Калёным ветром разогнав прохожих.
Стал город непростительно похожим
На моряками брошенный корабль,
Дрейфующий до пристани «Зима»
С задраенными наспех мостовыми
И с палубами площадей – пустыми –
Меж улиц, скользких, словно леера...
Вдоль тротуаров мачты фонарей,
Как маяки, манили тусклым светом...
И на вопрос чуть слышимым ответом
Снег сыпал хлопья сорванных снастей...

**ДЕНЬ ОТБЫВАЛ
С НЕСПЕШНОСТЬЮ ТРАМВАЯ...**

День отбывал с неспешностью трамвая.
В конце маршрута зашершавел дождь,
Немного съёжившись кружил, внимая,
Как стынут капли, погружаясь в ночь.
Наброском сепии на уличные шоры,
Разбелом выкрав чёрный штрих ветвей,
Снег через тьму уже раздвинул шторы,
Рассыпав свет продрогших фонарей...
Белели сны, дворы, светлели души.
А он всё сыпал, сыпал сквозь рассвет...
И старый дворник разбудил послушать,
Прошаркав снежно-утренний концерт...

СКОЛЬЗИТ ПЕРО...

Скользит перо. Бежит рисунка нить.
Ложится на пожухлый лист альбома
Скупая осень... Мы давно знакомы,
Но каждый раз ещё хочу вкусить
Стволов нагих изящные изломы,
Седых мостов потёртую финишь.
Зеркальным оттиском дрожит офорт,
Балует нас пред скорым ледопадом,
На ушко шепчет, что зима уж рядом,
И белых чаек колдовской эскорт
Кружит над осенью чужим парадом...

**ПОСЛЕДНИЙ
ОСЕННИЙ КОНЦЕРТ**

Последний осенний концерт
Под кронами старого парка.
Срывается ветер в фальцет,
Листву рассыпая мозаикой.
Серёжек негромкий пассаж
Добавил в мелодию ясьень.
Звучит музыкальный пейзаж –
По нотам прощается осень.
Изгибы скрипичных ключей
Изысканной вязью узоров
Плетут в силуэтах ветвей
Дубов обнажённые взоры.
Три ивы полощут в пруду
Изящные, тонкие руки.
А дятел дробит... Тук-тук-ту...
Сигналил о скорой разлуке...

СМОТРЮ В ГЛАЗА, НО ВЕРИТЬ НЕ ХОЧУ...

Смотрю в глаза, но верить не хочу...
В скупом прощанье затаилась Осень.
Щетинятся пустые кроны сосен,
Лист сиротливо падает к плечу...
Художник в сквере застудил пейзаж,
В палитре очагом кармин и охра.
А на холсте так холодно и мокро,
И только греет огненный плюмаж
На киверах гвардейцев тополей,
Склонивших головы к её приходу.
А в лужах-зеркала чернилит воду
Зеркальный отсвет грустных фонарей...

ПОДСОЛНУХИ ВАН ГОГА

Подсолнухи он не писал...
Шёл в поле – там и рвал.
Лён на куски,
Цветы в мазки.
На холст швырял букеты...
И шмякал краской в лепестки,
Собрав всё солнце лета.
Шкодливо пальцем завивал
Подсолнечьи причёски.
Мазок к витку,
Виток к мазку.
Сам рыжим стал под солнцем.
Подсолнухи он не писал...
Гулял по полю света.
Он на холстах
Их возвращал
В оранжевое лето.

* * *

Выкован стебель цветка.
Узкое горло кувшина.
Стенки – послушная глина,
Воды сочатся у дна.
Дышит вуаль лепестков
Тонкой виньеткой у зева.
Цвет, словно юная дева,
Снял с себя тяжесть оков...

ПУСТОТА

Пустота.
Руки обмякли в бессмысленном поиске стен.
В чёрной дыре чертят линии жрицы судьбы.
Звуки сплелись в монотонной пульсации вен.
Вагоны несут по туннелям, словно гробы.
Пустота...
Мысли качаются в такт, утомлённо глядя.
Пустые сиденья не верят, что счастье ушло.
Время катает бутылку распитого дня,
Взорам подставив гнилью пропахшее дно.
Пустота...

* * *

Снег рассыпался чистым листом –
Вновь дарённое Богом начало,
Заснежая былые печали,
Жмётся в ноги пушистым щенком.
Синева перекрестья дорог
Вдоль обочин мирских испытаний,
Заметая страницы скитаний,
В светлый дом освящает порог.

Гузель Рахматуллина

г. Уфа

* * *

Снова дождь, и унылый пейзаж за окном
Мне играет печальные гаммы.
Одинокий октябрь за холодным стеклом
Растревожил сердечные раны.

В блюзе листьев осенних особая грусть.
Под порывы холодного ветра
Мы с тобою расстались, и что ж, ну и пусть.
Почему? – я не знаю ответа.

За окном примелькались зонты и плащи,
Чьи-то взгляды, усталые лица.
Ты меня не зови, не звони, не ищи.
Я не стану тебе даже сниться...

Только мысли мои разноликой толпой
Одиноко кружат в ночи.
И бредут к тебе, и идут за тобой,
Хоть молчи или криком кричи.

Я любовь загоняю в проулки души,
Может, там, заблудившись, устанет,
Позабыв о тебе, в покое, в глуши
Успокоится и отстанет.

И тогда, наслаждаясь осенним дождём,
Я пойду по расплывшимся лужам,
Растворившись среди зонтов и плащей,
Отыщу того, кто мне нужен.

* * *

Ты мне сказал, что любить уже поздно –
Осень пришла.
Небо становится призрачно-звёздным –
Скоро зима.

Скоро затянет унылую песню
Злая пурга.
Быструю речку у чёрного леса
Спрячут снега.

Будут трещать в твоём доме поленья
В старой печи.
Будут терзать твою душу сомненья
В этой глуши.

Станет горчить терпким соком рябина
В горькой тоске.
Может, другому ты скажешь: «Любимый», –
Там, вдалеке...

Ты мне сказал, что любить уже поздно –
Юность прошла.
Небо становится призрачно-звёздным –
Скоро зима.

* * *

Учащённое дыхание,
Быстрый взгляд и сила рук.
Между нами расстояние –
Путь от встреч и до разлук.

За сиреновой рекою,
Где кувшинки и камыш,
Засиделись мы с тобою
До зари на скатах крыш.

Нам чудесно напевали
На рассвете соловьи.
И друг другу не устали
Признаваться мы в любви.

Было время – были песни.
Трепетанье как испуг.
Запах мёда и полыни,
Вкус твоих горячих губ.

Позабыв про всё на свете,
Прочь летели от земли
Серафимы на рассвете
На крылах моей любви...

Только в мире всё не вечно,
Наше счастье длится миг.
Опустела моя речка,
А камыш усох и сник.

И грядёт, грядёт расплата
За счастливые деньки.
Чернобыльник до заката
Плачет горечью земли.

* * *

Сегодня выпал первый снег.
Я так его ждала!
Тоскливой осени разбег
Зима оборвала.

Накрыла белой пеленой
Деревья и дома.
И наступил такой покой...
Зима пришла, зима...

Я наблюдала у окна,
Как в первый зимний день
Узоры снежные плела
Кудесница-метель.

Как в детстве, буду на стекле
Тихонько рисовать.
В тоске забытой букву «В»
В рисунках шифровать.

Всё холоднее за окном.
Зима уже. Зима...
Немеют пальцы над стеклом –
Замёрзли ото льда.

Быть может, где-то на земле
В один из снежных дней
Ты, тихо радуясь зиме,
Вдруг вспомнишь обо мне.

Галина Самусенко г. Коломна, Московская обл.

РЫЖИЙ ТРАМВАЙ

От остановки спелым апельсином
под горку рыжий катится трамвай,
заламывая лихо повороты,
отстукивая стыки, как по нотам,
подзор тумана зацепив за край.

И в серой безысходности туманной
с потёками холодного дождя
несётся он, приветственно гудя,
глаз радуя наружностью румяной,
раскрыв пантограф парусом объёмным
и ветер электрический лоя.

Бросается дворнягой неуёмной
под колесо промокшая земля.

* * *

Расхристанный месяц, насмешливо скалясь,
болтался на небе оттенка индиго.
А звёзды лучистые в лужах купались,
и ветер куда-то бежал – торопыга –
по веткам деревьев,
швырял облаками
в хохочущий месяц, расплёскивал лужи.

Вот так же судьбина швыряется нами –
сегодня в фаворе, а завтра – не нужен.

ПАМЯТЬ

Память странная штука –
то не вспомнишь, что было вчера,
то вдруг выплывет то,
что случилось давно и далёко
и совсем не со мной.

Чьи-то лица –
как будто родные? –
в ночи у костра,
чей-то голос знакомый,
звучащий во тьме одиноко.
Иногда вижу косы
под стареньким
тёмным платком.

Вспоминаю девушку
и хлебные крошки в ладошке.
И бревенчатый, старый,
живущий надеждою дом,
и в печи чугунок
обжигающей руки картошки.
И ещё похоронку.
Потухшие в горе глаза,
помертвевшие губы –
лицо, точно список иконы.
Щёки, белые в мел, –
их ещё не омыла слеза.
Тишина на разрыв,
словно нить,

от невольного стона...

Это было когда-то давно
и совсем не со мной.
Отчего же я помню
до самых мельчайших отметин
похоронки листок,
что держала дрожащей рукой,
как испуганно-тихо,
потерянно плакали дети...
Память странная штука –
то ласкает, то жжётся огнём,
вызывая из прошлого
в Лету ушедшие тени.
Мы дорогами
памяти предков
по жизни идём,
ставим вехи на них
для идущих вослед поколений.

УЖЕ

Ты говоришь «уже»?
Как безнадёжно
звучит короткое словцо.
Уже – и стало невозможным
увидеть милое лицо.
Уже – и отзвенела юность,
уже – накрыло сединой.
Уже – мы где-то разминувшись,
и встрече не бывать.

Постой,
но лучше...

Согласись, ведь лучше,
когда «ещё», когда «пока».
Пусть через множество излучин
несёт нас времени река.
Нас встретят те, кто был нам дорог,
на том последнем рубеже...

Ну а пока – дорога в гору.
Не стоит говорить «уже».

* * *

Мне показалось – чувства отгорели,
быльём колючим поросла дорожка,
которой мы бродили по апрелю.
Мы там летать учились понемножку.

Потом рванулись и порвали крылья.
И перестало быть доступным небо –
поникли крылья в тягостном бессилье.
Никто из нас с тех пор в полёте не был.

И вдруг сегодня распрямились плечи
И зачесались яростно лопатки.
На крылья я поставила заплатки
и жду –
с тобою встречи.

Татьяна Савельева

г. Москва

ШАГ НАВСТРЕЧУ

Усталый после длительного полёта Орёл отдыхал, гордо восседая на одном из своих любимых выступов в скале. Неторопливо чистил перья своих могучих крыльев и время от времени без особого интереса поглядывал вниз, где в зелёной долине мирно паслись антилопы.

– Не помешаю? – раздался рядом звонкий писк.

Орёл вздрогнул от неожиданности.

– Места много, – пробурчал он, увидев примостившуюся возле него крошечную птаху.

Ободрённая успешно начатой беседой пичужка приосанилась, весело повертела милой головкой и продолжила:

– Как сегодня прошла охота?

– Как обычно, – скупое, с едва скрываемой усмешкой, обронила царская птица, с некоторым удивлением взирая на тщедушное создание.

Осознавая всю значимость встречи и внимания, ей уделяемого, птаху, пододвинувшись ближе к орлиной ноге, напыжилась, распушила тонкие пёрышки и важно пропищала:

– А скажите, любезнейший, далеко ли Вы видите с высоты своего полёта?

– Достаточно, – не изменяя себе, отвечив Орёл. Диалог явно начал забавлять Покорителя небес. Он с нескрываемой иронией и любопытством уставился на дерзнувшую нарушить его покой.

Пичужка обрадовалась. К ней проявили интерес! И кто! Царь птичьего мира!

Лихорадочно соображая, что же ему сказать, о чём спросить, чтобы внезапно возникшее царское любопытство тут же и не пропало, птичка, немного помявшись, уже не так смело задала очередной наив-

ный вопрос:

– А Вы всегда один летаете?

– Да!

Такой сдержанный ответ не мог удовлетворить крошку!

– И Вам никогда не бывает скучно и тоскливо?!

Орёл удивлённо взглянул на вопрошавшую, хотел было что-то ответить, но вдруг задумался и, вскинув голову, посмотрел куда-то вдаль.

«Как странно, – подумал он, – а ведь мне и правда никогда не хотелось поделиться с кем-то увиденным...»

Пташка, долго не слыша ответа, заволновалась и, желая привлечь к себе внимание, вытянулась на своих тонюсеньких ножках, напряглась всем своим маленьким тельцем и уже готова была произнести очередную сакраментально-напыщенную фразу, но... не удержалась от налетевшего порыва ветра и свалилась вниз!

Орёл, мигом заметив исчезновение нечаянной соседки, незамедлительно ринулся следом. Подхватив своей широкой мускулистой спиной почти невесомое тельце несчастного создания, он мягко спланировал на выступ пониже.

Птаху оцепенела от ужаса и счастья, охвативших её крошечное сознание одновременно.

– Как ты? – обеспокоенно поинтересовался Орёл.

– Жива! – пискнула обомлевшая душа.

– Разве можно быть такой неосмотрительной?! – сурово произнёс Орёл, пытаясь скрыть неловкость из-за возникшей неожиданно заботливости.

– Я нечаянно... – начала оправдываться крошка.

– Ладно, – попытался пробурчать сердито Царь птиц. А потом вздохнул и предложил: – Ну что, полетели?

– Вместе?! А можно? – не веря своему счастью, едва молвила птичка.

– Нужно! – по-доброму усмехнулся Орёл. – Тебе, дружок, нужно многое и узнать и увидеть, чтобы уметь не только высоко летать, но и крепко стоять на ногах!

РУССКАЯ КРАСОТА

Где-то ночи в россыпь звёздны,
где-то воздух чист и свеж.
В кудрях молодых берёзок
ветер прячется надежд.

По утрам трава в росинках,
и молочной пеленой
стелется туман в низинках
перед яркою зарёй,

знойный полдень всепропитан
ароматом луговым,
а в овраге чуть забытый
ручеек среди травы...

Всё в согласии с душою –
щебет птиц и тишина.
И приятно под ногою
кроткая шуршит листва.

ТРУБАЧ

На мосту заливался трубач,
нескладный, худой, как жердь,
разбивая о землю плач,
не желая сердце беречь!

Откровенно играл музыкант,
оголая утробный звук.
«Да у него талант!» –
бросал проходящий люд.

Над мостом же грома раскаты
и безумно удушливый зной,
междуоблачные дебаты
были с музыкой заодно!

Без смущенья звала труба
в даль такую, что не доплыть,
в страну, где всегда Весна,
где каждый умеет любить...

Ты – мечтатель, мой музыкант,
и, наверное, одинок,
и, наверно, в любви дилетант...
Только пусть льётся нотный поток!

ПОМОЛЧИМ

Посиди со мной на завалинке,
помолчим с тобой обо всём:
о подснежниках, о проталинках,
обнажающих чернозём.

Помолчим? А в немом разговоре –
щебетанье и птичий свист,
нескончаемый шелест прибоя
превращается в вальс-каприз,

Аккуратные звон-переливы
с колоколен монастырей,
синеву растворяя мотивом,
устремляются в высь скорей.

Ты послушай моё молчание:
это музыка для души!
Её ноты заветные, тайные
сладкозвучием станут в тиши.

Тишина в этом суетном мире
так устала от пушечных фраз,
первозданной природой хранима,
себя сберегает для нас.

ПРИГОРШНЯ РАДОСТИ

Незабудки веточка
на страницу брошена...
Затерялась девочка
на лугу нескошенном,

Замечталась душенька,
бегая по клеверу,
стрекотанье слушая,
с пчёлами беседуя.

Смехом заливается:
хорошо на волюшке!
И букашек ряженных –
целая пригоршня!

Две косички в бантиках,
голубое платьице
с бирюзовым кантиком,
чтобы всем понравиться.

Как бутончик маленький
с лепестками тонкими,
к разноцветью травному
ластится ручонками,

собирает бережно
луговые цветики,
складывая в нежные
свежие букетики...

Веселится солнышко
безмятежным летом,
теплотой до донышка
вся душа согрета!

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Погашен свет. И занавес опущен.
Зал пустотой и тишиной упруг.
И ветер, в ложе музыку подслушав,
у кресел начинает вальса круг.

Коснётся мягко красноватой замши,
забытый кем-то унесёт платок
и, одурманенный, помчится дальше,
минуя междурядья холодок.

На сцену взлёт! Цветочные корзины...
Признание!.. Заслуженный успех!..
Манит к двери гримёрки запах винный
и обольстительно прелестный смех...

Прельщая, ароматы на фуршете
амбре хмельным заковывают в плен...
И утомлённый, опьянённый ветер
задремлет, обнимая чью-то тень.

МАРТ

Холод канительно
рядится в сугроб,
въедливо, метелью
на измор берёт.

В сердце – пепелище.
Вера – уголёк.
Не найдёшь, не сыщешь
оберег-замок.

Будни – серы волки.
Ночи – сны-дурман.
Март – ленивый дворник,
горсть тепла – обман.

Звёзд-надежд – несметно,
оторопь берёт,
и мечтой рассветной
будит небосвод.

НАДЕЖДА

Остыть. Забыть. Простить.
И в ожиданье снова быть.
С тревогой вглядываясь в лица,
надеясь, что повторится
безоблачный души рассвет
и ласковый любви привет.
Беречь тепло. Дарить улыбки.
Нанизывать мечты на нитку,
носить их бусами в часы печали
и верить, стоя у судьбы причала,
что счастья парусник появится
и за бортом вся грусть останется.

Александр Савостьянов

г. Клинцы, Брянская обл.

Печатался в различных газетах, журналах и коллективных сборниках. Автор семи книг стихов и прозы. Член Союза брянских литераторов и других литературных сообществ. Лауреат и номинант различных литературных конкурсов и премий.

ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ

(Гирлянда синквейнов)

Как здесь
Довлеет рок,
Сомнений давит тьма –
Бесплотной гранью ледяной
Стены.

Зла мести! –
Я одинок...
Додекаэдр – тюрьма!
Мне тоже счастье и покой
Нужны!

Исчез.
На дно прыжок.
...Опять сошёл с ума?! –
Мне чары силы колдовской
Ясны!

Небес
Увял росток.
Скрывает слов обман
Мир над обратной стороной
Сил Тьмы.

Лет взвесь.
Виток дорог.
Вселенной закрома
Вновь мёртвой обогну петлёй
Луны.

Как здесь
Я одинок! –
Опять сошёл с ума
Мир над обратной стороной
Луны...

ГЕНЕРАЛ ПАЛАЧ

«Казнить нельзя помиловать...»

Героям – шипы и розы, нищим – Луна и грош.
Бойцы революций – черти – лихо несутся вскачь.
Скелет гильотины грозен: лезвием страха – нож.
Совсем равнодушен к смерти мой Генерал Палач.
О Боже, в огне Вандея – жертва тёмных людей.
Свобода, Равенство, Братство – пленники неудач –
Во все глаза проглядели слёзы и кровь страстей...
Отвага – залог богатства, мой Генерал Палач!
Изгой ищет хлеба, сильный ищет везде подвох.
Нелепый театр абсурда – связка «бедняк-богач».
Курганы, кресты, могилы, всхлип и бездонный вздох.
Под маскою драматурга – мой Генерал Палач!
От времени не старея, жив до сих пор Дракон...
Историю судит строго мой Генерал Палач,
Где гроздьями гнева зреет Новый Армагеддон.
Палач – заместитель Бога. Только... при нём не плачь!

ВОДА И КРОВЬ

(Панторим-логаэд)

Чёрные веки затмения.
Дремучий страх.
Мёртвые реки забвения.
Зыбучий прах.
В море утонет безбрачия
Аборта скорбь.
Горы законов незрячие.
Болота топь.
В сточной канаве неверности –
Любви струна.
Точно лекарство от ревности –
Ручьи вина?!
Слёзы мужские и женские,
Война полов.
Грёзы чужие развенчаны.
Стена долгов.
В споре о главном ударился
Китаец лбом.
Скоро бесправный состарился
Скиталец-бомж...
Всех увлечёт эксцентричная
Звезда волхвов.
– Грех? – истечёт необычная
Вода... и кровь...

НАРКОМАНЫ АНАГРАММЫ

(Анаграмма+криптограмма)

Карман Илоны / – грехов ловушка,
Романы Клины, / где жёлтый дьявол
Канар лимоны / посыпал стружкой
На ром Калины / лукавой славы.
Намокли раны / житейской прозой,
Наркома Ланы / оскал гиены.
Комар ныл Ани / от передоза:
«Ил, наркоманы...» / – Надулись вены.
Оман накрыли / песками бури,
Лиман Арконы – / в инсайте полном.
На камни – рыло / от козней фурий,
И мы – кран лона, / суть – вне закона.
Анкор «Малины», / сверкнула решка,
Ком ран Лианы / в эфире боли.
Коран... налимы... / всё вперемешку:
Камин... Орланы / в безумной роли.
КОЛИ НАРЫ НАМ... / – Смертной дрожью...
НАРКОМАНЫ ЛИ / бездорожья?!

Денис «ТИГР» Сафронов г. Пекин, Китай

По образованию лингвист, окончил переводческий факультет МГЛУ (бывший МГИИЯ им. Мориса Тореза).

Автор поэтических сборников «Комментарии к жизни» (2006), «Исповедь ремесленника» (2014).

«... работая в Китае, я стал замечать, что

время от времени у меня получаются стихи, похожие на хокку, но таковыми в строгом смысле не являющиеся.

Феномен этот, получивший благозвучное название оолохоку, более грамотные знакомые расшифровывали как наложение друг на друга японской, китайской и русской традиций стихосложения».

...как хочется работать дворником, пишущим по ночам
стихи,
как хочется очиститься от разной шелухи,
но не получается, не получается...
и приходится ждать момент, когда кто-то влюбляется...

...как хочется сниматься не только в массовке,
но чтоб никто не узнавал... ну, разве только свои,
быть нужным всем и каждому
и не жалеть ни о чём...
Но роман, оставшийся в мыслях,
не будет опубликован даже в Инете.
Остановись.
Подумай, стоит ли писать, если просто живёшь на свете.
Важнее просто жить на свете.
Важнее – просто жить, не предавать
и не влюбляться в посторонних, проходящих мимо.
Важнее – вовремя вставать
и делать своё дело, а не играть пантомиму.
Важнее – быть собой, отбросив любимые маски.
Важнее – жить в реальности, помня,
что она страшнее сказки.

Важнее – жить, и любить, и знать,
чего ищут дети.
Задумайся, для чего писать,
если просто живёшь на свете...

УСПЕНИЕ (СТРОЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА)

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!

Как недостойному прийти к Тебе и просто встать?
И как молитву правильно сказать?
Одна надежда –
Ты услышишь сердце, не слова.
И мыслей нет.
И кругом голова:
я прибегу к Тебе из суеты,
но что вложу в слова? Слова пусты.

Из глубины воззвах к Тебе, Господи. Услыши мя, Господи!

И странно, и чудно.
Источник Жизни – и Господь, и Приснодева.
Стремлюсь к Тебе.
Кто не умрёт, тот не воскреснет.
И зерно,
в земле умерши, в плоде воскресает.
«О, Благодатная, возрадуйся!» – воскликнул Гавриил.
Но Ангел девушку невинную смутил.

«Тобою миру милость подана».
И ныне к Сыну Ты идёшь, Ему верна.

Пресвятая Богородице, спаси нас!

С рожденья девство сохранив,
до дня последнего
шла мирно, кротко.
И перешла – из жизни в Жизнь –
молитвами спасать от смерти грешных нас.

Напророчь мне, август,
Млечный Путь,
чтобы в свете звёздном отдохнуть,
среди гор в подлунном мире плыть
и дышать свободно, и любить.

Нарисуй мне, август,
мой простор
из лесов, морей или озёр,
из летящих в небо птичьих стай,
призывающих: «Взлетай! Скорей взлетай!»

Дома, леса в цветах, душе родных, –
как хочется обнять всю эту осень!
Погожие деньки редки, чудны.
Вагон плывёт по волнам по лесным.
И мы с тобой о чём друг друга спросим?

Какие волны!

...яркий листопад,
кленовый джаз,
рябиновое танго...
и – всплеск души, мгновеньям ярким рад! –
внесёт все ощущения на бумагу.

Ты хочешь быть в пути и там, и здесь,
Ты хочешь петь, пока душе поётся.
А за окном мелькает новый лес.
И в облака опять дорога вьётся...

Осенний ветер растревожил душу –
ей хочется дороги и любви...
И тишины, чтоб шелест листьев слушать.
Чтоб жизнь – как миг:

иди,
дыши,
живи.

Ольга Степанова г. Воскресенск, Московская обл.

Цепляя тучи дождевые,
Гора здесь держит небосвод.
Извечный страж целебных вод
Хранит легенды вековые.
Окутан тайнами Машук
(Меж миром дольным, миром горным).
И ветер к небесам покорным
Возносит Арфы тихий звук.

ЗИМА. ТРИГОРСКОЕ

Зима звенела санками, коньками.
Снега мела высокие.
Мы отвечали ей снежками,
Походницы румянощёкие.

С утра (Луна ещё над крышей.
Чуть слышен хрип далёких петухов.)
Мы с томиком стихов –
В Тригорское, на лыжах.

К трём голубым холмам (В мороз!),
Где Сороть подо льдом чуть движется.
Свечой крещенскою берёза
Путь освещала лыжницам.

Сбивая снег, мы топали в сенцах,
Дыша на пальцы отмороженные,
Входили в Дом, как Он в сердца.
Радостно. Восторженно.

Он жив, Поэт, его здесь ждут.
К окну прильнули грации...
...И мы вошли в этот уют,
Чтоб с ним не расставаться.

Вот старый парк. Снега навесом.
Скамья. Сам юный гений.
Мы слышим отповедь повесы.
Татьяна вся в смятении...

...День отходил. И солнце спать
Ложилось в даль безбрежную.
Мы ж вихрем – с гор! (Не удержать!)
В долину снежную.

И пахло сеном, сельской баней,
Поленницей морозно-свежей.
Полозьев скрип – вот чьи-то сани...
Колодца мерный скрежет...

А в сумерках (Колючий иней.
Дымок над избами. И тишь.
Деревня вся в сугробах синих) –
Лишь стук промёрзших лыж...

МАШУК

Машук, престол живой природы,
Влечёт замшелой головой,
Густой росистой травой,
Прохладой гротов и свободой.

ЗВЕНИГОРОДСКИЕ СОЛОВЬИ

Звенигородский лес в апреле
Звенит от соловьиных трелей!
Над утренней речной прохладой –
Призывно-звонкие рулады.
Ракитник над Москвой-рекой –
Звнящий соловьиный рой.
Вот, ветви в воду уронив,
Вся в гроздьях птах семейка ив,
Склоняясь, слушает певцов.
Заливисты (Со всех концов!)
Раскаты птиц неугомонных
Звучат ликующей, стозвонной
Всеобщей здравицей (Без слов!).
Триумф весенний соловьёв!

ПО ДНЕСТРУ

Вольно же плыть, едва касаясь
Реки порожистой веслом!
Понтон скользит, слегка качаясь,
С шестью матросами на нём.
Один лишь скипер-ветер правит
Судёнышком!
...Беспечный наш
(Доверившись волнам! Без правил!
На борт взяв фрукты!) ЭКИПАЖ,
Снижая парус, отставая,
Замкнув эскадру, курс берёт
На берег.
...Радостно шагая,
Ведя за трос свой лёгкий плот,
Бредёт (Счастливый! Загорелый!)
Вдоль кромки, мимо хуторков,
Смеясь, хрустя «Наливом белым»!
...Шесть босоногих чудачков!

ДОРОЖНОЕ

Как путешествовалось раньше вдохновенно!
Решалось невзначай всё и мгновенно.
Изношенный рюкзак был на подхвате.
Отмеченный едва, маршрут на карте
Уж торопил к составам отходящим,
К ветрам полынным, к встречам с Настоящим!
...В вагоне – соплеменники с гитарой.
За окнами – закаты, как пожары;
Зарницы над уснувшими степями.
И рядом: «Вам куда?.. Давайте с нами!»
Улыбки, зазывающие в лето:
Счастливый путь открыт! По всем приметам!

Елена Степура г. Краснодар

Елена Николаевна Степура – член литературного объединения при Краснодарском региональном отделении Союза писателей России. Печаталась в газетах: «Кубанский писатель», «Рассвет», в журналах: «Здравствуйте», «Невский альманах», «Краснодар литературный», в поэтических сборниках. Участник многих конкурсов, семинаров и литературных встреч. Автор стихов в сборнике песен «Золотая грусть». Автор книги стихов «Прикосновение», издательство «Советская Кубань», 2011 год. Дипломант IX Православного фестиваля «Величай душе моя» в номинации «Поэзия».

РОДНИКОВАЯ КУБАНЬ

Мне весенний непокой
Кружит голову с утра...
Удивительной строкой
Льётся стих из-под пера.

Пахнет скошенной травой...
Ах! Как дышится легко!
Полететь бы над землёй,
Будто птица, высоко!

Край мой крыльями обнять,
Сил черпнуть из родника
И летать, летать, летать
С лёгкой песней ветерка...

Созерцать вершины гор,
Сердцу близкие края...
Крикнуть, глядя в синь озёр:
– Хороша Кубань моя!

* * *

Соберу в ладони грусть –
И на улицу
Отнесу её, и пусть
Небо хмурится!

Пусть грустинки льют с небес –
Сердце радуют...
Дождь люблю и мокрый лес –
Грусть не надо мне!

Каждый лист после дождя
Жизнью светится...
Значит, вышла я не зря –
Счастье встретится!

ВЕСНЯНКА

Ледышкой лужа,
А в луже – небо...
Плетенье кружев
В полоске снега.

Вверх глянешь – края
Не видно морю,
Волна седая
С рассветной спорит...

А воздух нынче
Горчит озоном,
Пронизан птичьим
Весёлым звоном.

Пичуги вместе
Зовут Веснянку –
Щебечут песни
Ей спозаранку,

Чтоб снять скорее
Запрет с природы...
Я жду с волнением
Весны прихода.

ВЕЧЕР

На дома, на дорогу
Тени вечер бросает –
Гасит день понемногу,
Светом в окнах свисает...

В полутёмном пространстве
Я шагаю устало.
День закончится странствий
За чертою квартала.

У порога я брошу
Все дневные волненья,
В дом войду с лёгкой ношей –
С туеском вдохновенья.

РОМАНТИКА ДОРОГ

Года уносятся,
И старость просится
Седыми ливнями на мой порог.

Душа противится
И хочет вырваться
В просторы дивные,
в разлёт дорог...

И ветры нежные,
Обняв по-прежнему,
Зовут, залётные,
в мир светлых грёз,

И я, послушная,
Квартиру душную
Меняю с лёгкостью
на стук колёс.

* * *

За окнами стужа.
Ночь холодом дышит.
Сосулек рой дружно
Прильнул к краю крыши.

Снег кружит бездомный,
Гонимый ветрами –
Он ищет укромный
Приют за дворами.

Фонарь стонет глухо –
То светит, то гаснет.
Калитка-старуха
Скрипит свои басни.

Ворчит в будке пёс –
Лето видит во сне...
Ты розы принёс
Неожиданно мне.

Светлана Уланова

г. Полысаево, Кемеровская обл.

Уланова Светлана Владимировна родилась 2 января 1967 г. Живёт и работает в г. Полысаево Кемеровской области.

Окончила Кузбасский политехнический и Томский архитектурно-строительный университеты. Замужем, трое детей.

Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Бег», «Русский писатель» (СПб), «Московский вестник», «Наше поколение» (Кишинёв), в альманахах: «Автограф», «Жарки Сибирские», «Чувства без границ», «Кольчугинская осень», «Образ», литературных сборниках «Поэты России», «Поэзия без границ», «Лик», в приложениях к журналу «Огни Кузбасса»: «Шахтёрская доля такая», «Вечного неба печаль», в московском еженедельнике «Слово» и др.

Автор книг стихотворений: «На тонких струнах любви» (Приложение к журналу «Огни Кузбасса») и «Кольчугино колечко».

ЧУЖАЯ НЕ ЧУЖАЯ БОЛЬ

Примерю на себя чужую боль...
Ей сердце отзывается привычно...
Поверь, что будет всё потом отлично,
Мне душу воскресить твою позволю.

Пройдёт немного времени, и ты
Увидишь всё сквозь новый угол призмы,
Запустит жизнь другие механизмы
И выведет из этой темноты.

А мы с тобой не станем ворошить
Всё то, что было в недалёком прошлом,
Потом оно покажется киношным...
Давай всплакнём, подруга...
Надо – жить!

ОНА

Она привыкла быть всем доброй
матерью,
На праздник стол накрыть, да белой
скатертью...
Зачем судьбой навек была
отброшена –
Войной и голодом совсем изношена?
Детишки выросли да поразъехались,
И часто «горькая» – теперь
утеха ей...
Кто был, да с крыльями – тот
за околицей...
Другому пыль глотать бескрылой
горлицей...
Трудилась праведно с серпом
и молотом,
За всё платили ей совсем
не золотом...
Теперь орудия – в сарае ржавые...
Уже не помнит, как сама
держала их...
Добро нажитое почти всё продано...
Просить ей милости
не у природы ли?
Накроет детям стол вновь белой
скатертью,
Боюсь увидеть я её на паперти...

ЛУННАЯ ПЛЕННИЦА

Я, усталая лунная пленница,
Ночь не первую напролёт
За Большой наблюдаю Медведицей,
Как она воду звёздную пьёт...

Погрузилась я в мысли тревожные
Так, что выбраться не могу,
Всё пытаюсь постичь невозможное,
Стоя здесь, на земном берегу.

Может, там, за другими пределами,
В океане из тысячи звёзд,
Я свой тихий приют приглядела бы,
Где не будет ни горя, ни слёз...

А Большая Медведица ковшиком
Зачерпнула мне звёздной воды:
– На, испей и не думай о прожитом,
Не жалею Богом данной судьбы.

Звёзды эти такие холодные –
На земле есть любовь и весна,
Ты устала там жить несвободною,
Я же здесь совершенно одна.

МОЛЧИТ ДУША

Свечи огарок в полумраке
Мне тему зыбкую пророчит,
И отблеск света на бумаге –
Как будто тени многоточий...

Молчит душа, и стены немые.
Минуты тают с тёплым воском.
Тоскуют рядом хризантемы
Воспоминанием о прошлом...

Точёный грифель колет палец,
Пронзая мозг незримой шпагой,
Ловлю потоки мыслей-странниц,
Как долгожданную награду.

Огонь души – горящий факел
Во тьме ночной проявит знаки.

НА ИЗЛОМЕ

Поджатые губы кричат мне:
«Не надо!»
На взрывы упрёков – отсутствие
взгляда...
Могла не заметить, в сердцах
хлопнув дверью,
опущенных плеч на изломе
доверия...
Так просто обидеть – понять же –
не просто...
Простит ли он? Сможет? Мой
трудный подросток...
В опущенных плечиках – ломаной
линией
упрёки родителям в детском
бессилии...

ВЕСНА

Земля всецело лишь тобой
Загружена,
Лучистой талою водой
Залужена...
Дымишься сотнями костров
Размеренно,
Ростками будущих лугов
Беременна...
Целуясь с тёплым ветерком
Изменчивым,
Раскрылась первым лепестком
Доверчиво.
Любовь безмерную на всех
Обрушила,
На лица нам прольёшь свой смех
Веснушием.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Обратный путь – теперь он для меня
не близкий,
И равен пусть не километрам,
а годам,
Годам, которые сложились
в обелиски
Моих побед и поражений тут
и там...
Луна софитом ярким смотрит
вниз упрямо,
По обе стороны дороги –
тополя, –
Они так выросли с тех пор...
не так уж странно...
А вместе с ними, значит,
выросла и я...
Летит домой душа снежинкой
невесомой –
Теперь пойму я песню доброго
скворца,
Где сердцу моему всё близко
и знакомо –
Зелёный коридор – до самого
крыльца...

КТО ОН?

Кто Он, тот, что смотрит за нами
сейчас свысока,
Который следил за рождением
планет во Вселенной?

И кто наблюдает за нами уже
не века,
А тысячелетия, за каждым,
за каждым мгновением?
Как знать, может быть, это Он
посылает нам дождь
Из мыслей и образов – собранных
в звёздном пространстве?
И, может быть, именно Он
посылает нам дрожь,
Пронзая амурной стрелой,
как протуберанцем?
Каков Он, как выглядит, кто Он,
и как нам постичь
Его Вселюбовь, Всепрощение
к каждой пылинке?
Незримой рукою людей от беды
оградив,
Он вновь запускает судьбу – вековую
пластинку...

НАШ ДОМ

Наш домик здесь корнями врос
Среди раскидистых берёз,
И будто руки он вознёс
В молитве
За возмужавших сыновей,
За повзрослевших дочерей,
Незримой ласкою своей –
Родитель...

Часовня рядом... Купола,
Как два незримые крыла...
И зазвонят колокола
Набатом,
Когда неверный выбран путь,
Несладкой доли нам хлебнуть,
Захочет память нас вернуть
Обратно!

Года летят, стареет дом...
С воспоминаньем о былом,
Но вновь сияет торжеством
Обитель.
Над миром мелочных обид
Его душа о нас болит,
Но, как всегда, он всем простит –
Спаситель...

ВСЁ ТРУДНЕЙ

Всё трудней дышать
Липким воздухом,
Не поёт душа –
С горем-посохом.

Осенив крестом,
Тихо молится –
Далеко престол
В небе кроется...

На неё глядит
Небо совестью.
Отстучит в груди
Сердце горестно,

Окунув себя
В мир не радужный –
Видя, что земля
Нище-ряжена...

СТАЛИНГРАД ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА (очерк)

К 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне

Мария Кондратьевна – жительница Сталинграда. Она была участницей и свидетельницей тех страшных событий, которые происходили в Сталинграде в Великую Отечественную войну. В 1942 году ей было пятнадцать лет, она была старшим ребёнком в семье. Кроме неё ещё четверо детей, младшему – годик.

«Мой отец работал на Сталинградском тракторном заводе. После работы трудящиеся вместе с гражданским населением под руководством военных инженеров на окраинах города копали противотанковые рвы, другие защитные сооружения, а также готовили землянки-бомбоубежища. Мы знали, что война докатится и до нас. Потом с отца сняли бронь и призвали на фронт. Мы не получили от него ни одной весточки. Впоследствии пришла справка о том, что он пропал без вести.

Немцы наступали. В августе 1942 года началась бомбардировка Сталинграда. Помню, самолётов было так много, что небо сделалось чёрным, словно от полчищ саранчи. Сначала бомбардировщики сбрасывали специально просверленные бочки, которые оглушали нас приближающимся пронзительным воем, наводящим ужас и панику. Самолёты налетали волна за волной: одни заходили на город, сбрасывали бомбы и отворачивались, через несколько минут появлялись другие, и снова сыпались из них чёрные точки бомб. Это было ужасающее и завораживающее зрелище. На наших глазах они разрушали город на протяжении всего дня до темноты. На следующий день, как только рассветёт, всё повторялось. После бомбёжки прилетал самолёт-разведчик «рама», фотографировал, а сразу после «рамы» опять прилетали бомбардировщики. Над Сталинградом стояли дым, гарь, пыль. Волга горела живым огнём».

23 августа силы 4-го воздушного флота гитлеровцев произвели самую долгую и разрушительную бомбардировку. Авиация разрушила город, убила более 90 тысяч человек, уничтожила более половины жилого фонда. После фугасных бомб бомбардировщики сбросили зажигательные. Образовался огненный вихрь, который дотла сжёг центральную часть города и всех его жителей. Температура доходила до 1000 градусов Цельсия. Вес бомб достигал 500 килограммов.

«Кончились запасы продовольствия. Начался сильный голод. Съели всех домашних животных, которые уцелели в бомбёжке. От павшей лошади через

несколько минут ничего не оставалось. Варили даже копыта.

Наше положение было намного хуже, чем в блокадном Ленинграде. Там хоть хлеб давали по карточкам и другие продукты, а сталинградцы были предоставлены сами себе.

Сидели в землянках голодные, без воды. После бомбардировки, как стемнеет, люди обвязывались бутылками и ползли среди раненых и убитых к Волге за водой. Немец был близко, он захватил большую часть города. Мы находились у Мамаева кургана, который переходил из рук в руки.

Уцелевший элеватор с запасом зерна оцепили красноармейцы, никого не подпускали. Потом зернохранилище подожгли, чтобы хлеб не достался врагу. По темноте, прикрываясь клубами чёрного дыма, мы ползали по пожару и нагребали в карманы, в сумки, у кого что было, горелое зерно вперемежку с грязью. Принесённую добычу продували на ладонях, перетирали с водой вручную и делали так называемую малыгу. Мама завёртывала её в тряпочку и давала пососать моему годовалому братику. Молока у мамы не было. Братик не выжил. Мы его похоронили рядом с землянкой в найденном небольшом корытце, положив туда иконку. Ели что было, полусырое. Огонь нельзя было разводить – сразу ударит артиллерия. Ходили патрули и смотрели, чтобы не было огня и никто не курил.

Ежедневно наши убежища по ходам сообщений обходила с непрерывной молитвой «Отче Наш» одна монашенка. Однажды мы находились в землянке, и началась бомбёжка. Взрывы гремели тут и там. Над нами послышался сильный свист, и через мгновение пробило бревенчатый потолок нашей землянки. Мы жутко испугались, думали, что это конец. Когда пришли в себя, увидели в полу большую авиабомбу с хвостовым оперением. Не разорвалась! Мы сидели не шелохнувшись. После бомбёжки пришли сапёры, вывели нас, обследовали бомбу и сказали, что в бомбе нет взрывчатки. Значит, и на той стороне были противники войны. Может, на немецких заводах работали военнопленные и вредили фашистам как могли, не вкладывая в боеприпасы взрывчатку, надеясь, что этим они спасут чью-то жизнь.

Многие, кто не успел эвакуироваться, умерли от голода или замёрзли».

23 августа 1942 года из 400 тысяч жителей Сталинграда было эвакуировано около 100 тысяч. 24 августа Городской комитет обороны принял запоздалое постановление об эвакуации женщин, детей, раненых на левый берег Волги. Все горожане, включая женщин и детей, работали над постройкой траншей и других фортификационных сооружений.

«Люди были сильно истощены. Весной 1943 года не успевала расти трава. Все побеги, росточки лебеды съедали выжившие. Выкапывали корешки из земли, обдирали кору с деревьев и кустарников. Кругом была голая перепаханная пустыня. Но слава Богу! – мы выжили!

Затем нас эвакуировали, а через некоторое время я приехала в Воскресенский район. Выучилась в ФЗУ и стала работать в литейном цеху текстильной фабрики, переоборудованной в военное производство, там мы отливали траки для танковых гусениц».

Людмила Чебышева

г. Воскресенск, Московская обл.

Людмила Леонидовна ЧЕБЫШЕВА родилась и живёт в городе Воскресенске. Член Союза писателей России. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью имени А. П. Чехова, памятной медалью «А. С. Грибоедов», памятной медалью «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову». Лауреат литературного конкурса «Золотой диплом». Награждена лигой писателей ЕВРАЗИИ золотым дипломом имени Михаила Юрьевича Лермонтова, дипломом Московской областной организации Союза писателей России за верное служение отечественной литературе. Получила диплом и литературную премию имени А. П. Чехова за верное служение отечественной литературе. Лауреат премии районного конкурса «Воскресенск литературный», лауреат литературной премии имени Елены Слободянюк, награждена медалью имени Елены Слободянюк. Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души», «Сквозь разлуку и грусть». Публиковалась в антологии «Золотая строка Московии», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая», «Созвучие», «Созвучие 2», «Серебряный дождь» и в других периодических изданиях. По образованию – экономист. Закончила Московский финансово-экономический институт. Работает в частной фирме.

турный», лауреат литературной премии имени Елены Слободянюк, награждена медалью имени Елены Слободянюк. Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души», «Сквозь разлуку и грусть». Публиковалась в антологии «Золотая строка Московии», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая», «Созвучие», «Созвучие 2», «Серебряный дождь» и в других периодических изданиях. По образованию – экономист. Закончила Московский финансово-экономический институт. Работает в частной фирме.

* * *

Тепло июльских вечеров
Укрыло плечи, словно шалью,
А мамин тихий, нежный зов
Наполнил сердце вновь печалью.
Застыла тишина вокруг.
И всё сильнее в душе волнение,
И всё отчаянней влекут
В храм божий тайные сомненья.
Ах, мама, мамочка моя...
Как воздух ты необходима.
Ну где же молодость твоя?..
Бегут года неумолимо.

* * *

Подари мне в ночи тишину,
Млечный Путь подари и луну,
А ещё подари мне закат,
И в саду золотой листопад,
И заросший раkitами склон,
И вечерний малиновый звон.
Я же, хочешь, тебе подарю
Восходящую в небе зарю,
Море синее, тихий прибой,
Небосклон голубой-голубой.
И, прогнав все сомнения прочь,
Подарю эту звёздную ночь.

ПИСЬМО МАМЕ

Как ты живёшь, моя родная?
Знаю, знаю, нелегко.
Тебя я каждым нервом знаю.
Сейчас глядишь, небось, в окно?
Твою печаль, твою улыбку
Я сердцем чувствую всегда.
Из сотни женщин без ошибки
Тебя найду я без труда,
Найду закрытыми глазами
И угадаю голос твой
И руки, что давно устали,
Но так теплы, нежны со мной.

Прости, любимая, я знаю,
Как часто ты одна грустишь.
И как никто я понимаю,
Ночами отчего не спишь,
Покая сердцу не находишь,
Всё думы думаешь о нас,
И в храм молиться часто ходишь,
Чтоб нас хранил Небесный спас.
О, как же на тебя похожа
С годами стала, мама, я.
Я, как и ты, волнуясь тоже
И за детей, и за тебя.
Не сплю, грущу, переживаю
И каждый день за всех молюсь.
Тебе стократ труднее, знаю.
Я потерять тебя боюсь.

* * *

Лишь только желтизна едва
Листвы коснулась осторожно,
Запахло осенью... Дрова
Трещат в камине чуть тревожно.
Кружатся листья за окном.
Уже дожди не за горами,
И ляжет иней серебром,
И станет грустно вечерами.
Наводит осень мне мосты
В моё далёкое былое,
И от щемящей красоты
Осенних дней печальней вдвое.
Я возвращаюсь в ту весну
С сиренью и цветущей вишней
С надеждой, что тебя верну,
Что я не буду третьей лишней.
Зачем я снова ворошу
Былого грустные страницы,
По тихим улочкам брожу
Своей души, когда не спится?
Пусть снова осень и дожди,
И потянулись к югу птицы,
Ведь будут вёсны впереди,
И что-то доброе случится.
Я верю в это...

* * *

С годами дни становятся короче,
И больше всё ненужной суеты,
И всё длиннее и тревожней ночи,
И в сердце – непонятной пустоты.

О Бог! Вот он, разлад души и тела.
Растерянность, и не видать ни зги.
Душа бы жить ещё хотела,
А тело гибнет от тоски.

Я не боюсь нелепой смерти
И неизбежной не боюсь.
Но если я умру, поверьте,
На белый свет опять явлюсь.

* * *

О, как печальна тишина
В час предрассветный
в нашей роще.

Её не вычерпать до дна,
А было бы гораздо проще
Забыть однажды навсегда,
Забыть далёкое, бывшее.
Но откровенна ли с собою
Я буду, Боже мой, тогда?

Нет, нет! Забыть всё невозможно,
И малости не позабыть,
А на душе опять тревожно.
Что делать мне, как поступить?

Как отголосок светлой грусти,
Летит по ветру жёлтый лист.
Да разве прошлое отпустит?
Да разве сердце мне простит?

Плохое всё уже случилось,
Что суждено – не миновать.
Чего боюсь, скажи на милость?
Чего хочу?.. Тебе ль не знать...

* * *

О, как же в юность хочется вернуться,
В тот уголок, где повстречались мы.
Пусть даже снова больно обмануться,
Но чтобы рядом был, любимый, ты.

Вновь в шёлке трав с тобою затеряться,
Слова любви взволнованно шептать,
Бежать, упасть, и снова целоваться,
И ничего уже не понимать!

Хочу любить безумно, безоглядно,
До первых петухов с тобой гулять,
Пить аромат цветов восторженно и жадно
И каждый миг от счастья погибать!

* * *

День засыпал вновь сном младенца.
Кругом царила тишина.
За дальним плёсом скрылось солнце,
А круглоликая луна
В плену у серых туч томилась.
Ни звёзд на небе, ни луны.
Как будто злая ведьма злилась
И ликовали колдуны.

И стало мрачно, неудобно.
Казалось, вечность до зари.
А ветер, странник бесприютный,
Качал устало фонари,
Стучался в дверь, в окно стучался
И не давал никак уснуть.
То затихал, то возвращался,
Пытаясь окна распахнуть.

Бродили тени возле окон,
Вселяя в душу непокой.
Свеча горела одиноко,
Псалтырь лежал передо мной...
А смерть стояла у порога,
Манила маму в мир иной.

* * *

Весна! Ты мой восторг и боль,
Нечаянная радость и тревога.
Но так ли откровенна ты со мной,
Куда ведёт меня твоя дорога?

Забрезжил за рекой рассвет.
Ещё мгновение – тишина взорвётся,
И заструится над землёю свет,
И песня соловьиная польётся.

Дрожат в росинках листья на ветру,
И первый луч скользит по небосводу.
Рвануть бы за зарёю поутру,
Почувствовать в душе своей свободу.

* * *

Мне часто снится детство конопатое
И красная рябина у крыльца,
И как девчат в деревне парни сватали,
И запах в огороде чабреца.

Мне часто снится юность ошалелая.
Пророчица-кукушка на суку,
И за окном сирень душисто-белая,
И мы с тобой целуемся в стогу.

Мне часто снятся наши годы зрелые,
Мои родители, в деревне отчий дом,
Твои признанья, слишком запоздалые,
И спелая черешня под окном.

* * *

Середина лета. Ласковый июль.
Колокольчик нежно на меня взглянул.
Наплывает густо аромат цветов,
И волнует сердце красота лугов.

Ах, какое солнце! День и ночь теплень.

Мята, одуванчик, горькая полынь.

По утрам туманы. Не видать ни зги.

Чертят над рекою ласточки круги.

Распустили косы ивы над рекой,

Тихие покосы и стога гурьбой.

На губах медово-горьковатый вкус.

Я тебе, Россия, каждый день дивлюсь!

* * *

Звёзд голубой холодный свет,
Луны безбрежное сиянье,
Как будто прошлой жизни след,
Несут в страну воспоминаний,
Несут меня сквозь гущу лет.

В последнем вальсе листопад
Кружится лихо над землёю.
Запорошил беседку, сад,
Крыльцо янтарною листвою.
Снимает праздничный наряд

Златая осень. Кончен бал.
И гаснут в небе звёзды-свечи.
В густой осоке задремал
Шальной, неугомонный ветер.
О, если б ты, любимый, знал,

Как тяжело на свете жить
Одной наедине с любовью,
Что было в прошлом, примирить:
Любовь с разлукой, радость с болью.

* * *

Стихает шум дневной, и тишина
Ложится ласково на плечи.
Едва видна вдали луна.
Совсем не звёздный этот вечер.

И выдают меня глаза.
И слёзы вновь мой взор туманят.
А боль всё чаще, как оса,
Меня безжалостно всё жалит.

Смерть не страшна, но всё ж милей
Бессмертной на земле родиться.
Мне за родителей страшней.
Не дай Бог – с ними что случится.

Летят безжалостно года,
И на глазах они стареют.
Всё б ничего, всё б не беда...
Но чаще всё они болеют.

И всё бессильней я помочь
И не хочу в плохое верить.
Гоню печаль свою я прочь,
И лишь надежда сердце греет.

Юрий Черепнёв

г. Воскресенск, Московская обл.

Черепнёв Юрий Фёдорович родился в городе Красноводске на Каспии. Жил, учился, работал в городе Душанбе. В армии три года служил в Белоруссии под Гомелем. Закончил Таджикский политехнический институт по специальности архитектура. С 1990 года живёт и работает в городе Воскресенске. Член Союза московских архитекторов.

МЫ НЕ МОЖЕМ ДРУГ БЕЗ ДРУГА

У тебя глаза опасные:
Светит в них венчалность круга.
Мы с тобой такие разные,
Что не можем друг без друга.
То, что рядом, – чья заслуга:
Мы же вместе – неудобные?
Но не можем друг без друга:
Мы же оба шалопутные.

Но влекут нас ночи страстные,
Манит нас венчалность круга.
Кто придумал, что мы разные,
Раз не можем друг без друга?
Вот и бродим неприкаянно
И понять одно не можем:
Тратим время мы отчаянно,
Ищем мы одно и то же.

В небе россыпи алмазные
И луна – венчалность круга.
Никакие мы не разные:
Мы не можем друг без друга.

ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

Искали признаки пророчества,
Судьбу молили вновь и вновь.
Стремясь спастись от одиночества,
Свою придумали любовь.
Потери наши изначальные
Только потом осознаём.
Не стали дни чтобы печальнее
И одиночество вдвоём.
Любовь не дарит утешение,
Её лекарства горек вкус.
В любви горенье – очищение,
А одиночество – искус.
Напрасны поиски пророчества:
Мы убеждались вновь и вновь.
Лечения нет от одиночества:
Лекарство, яд – сама любовь.
Презрели мы судьбы пророчества:
Песнь на два голоса поём.
Спасёмся мы от одиночества,
Если любовь – полёт вдвоём.

ГРЯДЁТ ЛЮБВИ ВЫСОКАЯ ПОРА

Грядёт любви высокая пора,
Являя нам заветные приметы.
На сцене жизни вечная игра,
Свои у Времени – Ромео и Джульетты.
Какие страсти снова закипят!
Какие яркие интриги и сюжеты!
Шекспиры новые уже века не спят,
Чтоб написать бессмертные сонеты.
Она придёт прогнозам вопреки,
Развеет снов нелепые кошмары.
На берегах своей Святой реки
Соединит возлюбленные пары.

БЕЗ ОСЕНИ МЫ БЫЛИ БЫ ДРУГИМИ...

Без Осени мы были бы другими...
Беспечными? И это может быть.
Ведь только осенью так можно погрузиться
И, как деревья, быть душой нагими.
Без грусти радость стала бы иной:
Наивней?... может быть, попроще.
Душе раскрыться легче только в роще,
Где жёлтый цвет кружится с синевой.
Без Осени мы были бы иными:
Бездушнее? И это может быть.
И только Осенью так можно полюбить,
Чтоб стать
навечно
самыми
родными.

УТРЕННЯЯ МЛЕЧНАЯ ЗАРЯ

Всё проходит поздно или рано:
Грусть о летней ласковой поре...
Молоко сентябрьского тумана
Осень пьёт на утренней заре.
Всё проходит... И печаль светлеет:
В отпуске, в деревне, в сентябре,
Где меня взбодрит и согреет
Молоко парное на заре.
Вновь ко мне тепло вернётся лета,
Но недолог призрачный обман...
И слова прощального привета
Унесёт с собой в октябрь туман...
Всё проходит поздно или рано:
Осень жизни раскрывает суть.
И быть может, молоко тумана
Уплывает
в Млечный
звёздный путь...

Анастасия Шебеко

г. Москва

«Стихотворения – это мысли, чувства и образы, обретающие форму, это песнь и сказка, это струны человеческой души».

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ

С тех самых пор,
как вновь заснеженно-угрюмо
Глядят пустеющие голые поля,
Всё Королевство лишь одна тревожит дума:
Оно лишилось в одночасье Короля.

Давно во время коронации в соборе
Монарх обет давал беречь народ от зол,
И верен был; но вдруг людей постигло горе:
Исчез Король, пустым оставив свой престол.

Молва гласила, что неделей, верно, ране
К ним в Королевство прибыла издалека
В карете девушка с печальными глазами.
Дрожала, бледная, и куталась в меха.

Назавтра бал давал Король в своём именье,
И гостя тоже ко двору приглашена
(Как оказалось после бала, к сожаленью),
Весь вечер рядом с Королём и провела.

Окончен бал, Монарх устал, и гости вскоре
В кареты сели и поехали домой.
Лишь эта девушка осталась в тех покоях,
Где почивал всегда утомленный Король.

Пять дней покои оставались те закрыты,
Покуда не было дано врагом причин –
Необходимости для королевской свиты
Искать Правителя, но сгинул Властелин!

Всё гибнет в битве, смехе недруга, от шума,
Что издаёт под небом стонущим земля.
И Королевство лишь одна тревожит дума:
О, как вернуть им их обратно Короля?..

* * *

Я дарю тебе хрустальный цветок,
Многогранную белую розу,
Ветер с севера на юго-восток
И прекрасную старую прозу.

Я дарю тебе блеск алых лун.
Я дарю тебе крики мечей.
Шёпот чёрных магических рун
И дыханье багровых свечей.

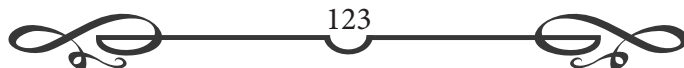
Я дарю тебе мутный елей,
Лик святой и обман Люцифера,
Дикий стон неживых королей,
Серебристую странную сферу.

Я дарю тебе тысячи ролей,
Ощущение страстной свободы.
Не любовь, а подобие боли
За богов, за людей, за народы.

Я дарю тебе замок у моря,
Бледный свет предрассветных лучей.
Тишину в перламутровом горе.
Я дарю тебе горный ручей.

Я дарю тебе мифы и землю,
За которую драться шли кельты.
Я дарю тебе тёмную келью,
Я дарю тебе музыку флейты.

Я дарю тебе пепел надежды,
Никогда что не сможет согреться.
И часами, и вечностью между...
А иначе – дарю своё сердце.

Ирина Шумина г. Екатеринбург

* * *

Из цикла «АХ, ЭТИ ВЕЧНЫЕ ТРАГЕДИИ ЛЮБВИ»

* * *

Любовь их на небо не строила лестниц,
Не клеила крыльев из перьев куриных.
Он пилился жадно на бюсты прелестниц,
Она изводилась от сплетен рутинных.
Он мыслями часто отсутствовал в браке,
В них женщин других изучал досконально.
Она же – готовилась к новой атаке,
Ревнуя его просто маниакально.
Он ей говорил, что останется верен.
Фантазии – это не грех, просто шалость.
Она, чемодан выставляя за двери,
Рыдала, давя и на долг, и на жалость.
Он в крики её поцелуем вонзался,
Она отбивалась, как строгая леди.
Чем акт примирения их завершался,
Порой знал весь двор, а не только соседи.
Любовь их была точно соус «Табаско» –
Взрывная волна чувств нутро выедала.
И эта пьянящая, бурная «сказка»
Глумилась над сердцем почище вандала.
Когда наступала развязка, он долго
Молчал в пустоту, как положено мужу,
А женщина рядом без умолку громко
Просила отдать ей и сердце, и душу.

* * *

В сомнения, в обиды погружённые,
В терзающую душу злую боль,
Достигнув дна любви, опустошённые,
Они смотрели в небо исподволь.
Всё больше отдаваясь от реальности,
Пролистывая горечь прошлых встреч,
Теряли душу в новой виртуальности
Тех чувств, что не смогли в огне сберечь.
Ожоги страсти мазали бальзамами
Из грёз, суливших радостный конец,
Но жизнь сорила в душу мелодрамами,
Вбивая колья между двух сердец.
Любовь для них была как наваждение.
Лаская ночью призрачный фантом,
Подушке доставляли наслаждение
Объятьями и забывались сном.
Наутро, устыдившись происшедшему,
Шли на работу вновь с тоской в глазах
По времени, нелепо так ушедшему,
Растраченному в ссорах и слезах...

Ты звёзды вырезала из фольги,
На бархатную клеила бумагу.
Подобно доморощенному магу,
Кричала: «Ветер, сердцу помоги!»
Глаза ласкала лунная ваниль.
Искала в небе ты Кассиопею.
Желания, что вслух сказать не смеют,
Летели в миллионы звёздных миль.
А ветер сквозь стенания шептал,
Но слов не разобрать в протяжном вое.
Не встретились опять на свете двое.
Не отыскивали нужный им портал.
Летит к тебе его вчерашний свет.
Твой свет ответный запоздает тоже.
Холодной змейкой мысль скользнёт по коже:
«Зачем он так далёк в пространстве лет?»
Он где-то так же смотрит ввысь любя,
Найдя твою звезду на небосводе.
И всё в порядке в ваших жизнях вроде,
И сделал каждый выбор для себя.
Жаль, рядом вашим звёздам не гореть.
Им даже взглядом пересечься сложно.
Когда-то всё изменится, возможно.
Гадать не стоит... Ни сейчас, ни впредь...

БОНУС

На лёд в бокале плеснул martini
И протянул ей его небрежно.
Она спросила: «Ты будешь нежным?»
А он: «В какой из сюжетных линий?»
Она застыла с улыбкой странной.
Вопрос сразил её мозг блондинки.
Открылись прожитых дней картинки
Вдруг где-то в памяти старой раной.
Он, наслаждаясь, смотрел с прищуром.
И взгляд его «раздевал» и «плавил».
Теряя баллы в игре без правил,
Она вела себя, словно дура.
В усмешке лёгкой кривились губы.
Легко «добыча» в силки попала.
И он с досадой сжал дно бокала.
Финал был столь предсказуемо глупый.
Она краснела, легко смущалась,
Шутить пыталась, но как-то криво.
Рукой задев вдруг его игриво,
Сказала: «Ой, извини за шалость!»
Он встrepенулcя – близка развязка!
В постель сгодится – к чему лукавить.
Он мог с победой себя поздравить...
Теперь начнётся ночная сказка:
Он сжал колено её и просто
Шепнул: «Поехали, есть идея!»
Она, от счастья такого млея,
В глазах искала луну и звёзды.
Стеклянный взгляд, лёгкий вдох – готова!
Он увозил её в сумрак ночи,
Не слыша, как Дьявол в ней хохочет,
Считая бонус с её улова...

ЗАБЫТЫЙ БРИГ

Где-то ветры событий пыль странствий мели,
Развевая знамёна любви и побед.
А на бриге забытом, что сел на мели
И печально склонился под тяжестью лет,
Доски палубы что-то скрипели в туман.
А бушприт, глубоко «проникая» в луну,
Создавал эротически-странный обман,
Что легко одолеет любую волну...
Где-то песни звучали и слышался смех.
Там на скатерти пущен был шёлк парусов.
Там вино дополняло дни сладких утех
И рекой полноводной текло в темы снов.
А любовь, как Ассоль, тихо счастья ждала
И с надеждой смотрела в пустой горизонт,
Утешаясь, что, видно, ещё есть дела
Поважней у него, но вот-вот приплывёт.
...В волосах белой змейкой струилась печаль.
Наполнялись тоской голубые глаза.
И ему иногда было чуточку жаль,
Что спустил с гордых мачт он свои паруса.
Алый цвет их уже не увидит рассвет.
На другом берегу ждёт напрасно она.
У сменившего душу на тяжесть монет
Есть иллюзия бочки со счастьем без дна.

ИЗ ЖИЗНИ ОФИЦИАНТКИ

Избитых фраз столько услышала, что примолкла.
Не мне выводить заблудившихся из рутины.
Кусочки картофеля в масле кипят прогорклым
В кафе, что давно посещают одни мужчины.
Порой в их глазах любопытство, но чаще похоть.
Её не унять и гарему в сто одалисок.
А толстый бармен принялся языком вновь цокать,
Увидев, насколько мой вырез на блузке низок.
Плыву мимо столиков с гордостью королевы,
Шлепки ниже пояса словно не замечая.
О Господи, рыцари в белых доспехах, где вы?
Где ноги вас несут, Вселенную изучая?
Ищу смысл жизни в осколках надежд разбитых,
Себе говорю, что уеду отсюда точно.
Под чавканье ртов и под гул голосов пропитых
Опять повторяю: «Линять, дура, надо срочно!»
В ответ посетители жгут вожделеньем тело.
Лавирую ловко по залу, держа улыбку.
Я тысячи раз убежать от их глаз хотела,
Но вновь попадалась на взгляды их глупой рыбкой.
Их грубые ласки уже частью жизни стали.
Я в этом вопросе давно перешла границы.
И сердце моё превратилось в клинок из стали,
И принцы на белых конях перестали сниться...

* * *

Потухшим взглядом провожал закат.
Душила ревность, и сжимались губы.
Упавший в сумрак открывал свой ад.
В нём выли скрипки и трубили трубы.
В попытках стон из сердца удержать
Он ткань любви рвал в клочья от досады.
И выпускал на волю мыслей рать,
Где изменившей больше нет пощады.
Линялым ситцем в дом вползал рассвет,
А он смотрел в своё пространство муки.
И словно видел: включает свет,
К другому тянет и лицо, и руки...
Их поцелуй сжигал дотла его.
И он кричал, кляня такую долю.
Прося у Бога только одного –
Дать сил простить и отпустить на волю.

КУРТИЗАНКА

Игривая улыбка на губах.
Шёлк тонкий облегает нежно тело.
И где-то глубоко запрятан страх,
Развеян по любви ушедшей прах –
Теперь она свободна и умела.
Ей вызвать жар в мужчине так легко,
И искущённость эта не обманка.
Удерживая свой взгляд и его,
Фантазии уводит далеко
Прекрасная богиня-куртизанка.
Ей чувственность, как никому, идёт.
Мерцает кожа в декольте глубоко.
Бог Эроса в бокал вина налёт,
И будет поцелуя пряный мёд
Пронзая кровь в венах
Сладострастным током.
Её глаза стыду не проколоть.
В искусстве обнажения желаний
Нет места тем, кто не способен плоть
Сознанием и волей побороть
И подчинить секретам древних знаний.
Властительница грёз! Вулкан любви
Переполняет огненная лава.
Но мысли, как большие корабли,
Вновь к берегу-вопросу привели –
Нужна ли ей столь низменная слава?
Душа её состарилась давно,
А к телу проявило время милость.
Влюбляться ей по-прежнему дано,
Но вера, что вернётся всё равно
С любовью боль, увы, не изменилась.
«Счастливей многих!» – скажет вам она
И в чём-то будет правой, я не спорю.
С ней кубок страсти выпьешь ты до дна,
И это не Всевышнего вина,
Что души жриц любви подобны морю.
Шторма его крушат всё на пути,
И мощи этой силы нет предела.
– Ты хочешь... что-то новое найти?
На несколько часов с ума сойти?
Прости, что за неё спросить посмела...

СВЕТ ЛУНЫ

Свет луны из окна на подушку лёг, словно любовник.
Серебристым лучом соткан профиль, прозрачна рука.
Полюбила весна отчего-то вдруг мой подоконник,
Подарив лепестки облетевшего с ветки цветка.
Я напрасно слежу за часами, считая минуты.
Милый друг не звонит,
ждёт во сне надоевшем, пустом.

Очевидно, на карте его изменились маршруты,
И в другой стороне оказался мой мир и мой дом.
С поцелуем луны засыпаю в объятиях ночи.
На моём одеяле танцует из звёзд хоровод.
Но привычка мечтать покидать меня вовсе не хочет.
Я «рисую» картины, где счастье меня снова ждёт.
Из руин строю замки, лечу обожжённое сердце.
Раздражаюсь на вялость и скуку обыденных дней.
Отпускаю разлуку – пусть вновь ищет единоверца.
«Распускаю шарфы» из поблёкших надежд и потерь.
Я его ещё жду где-то там, в уголке сердца, может...
И порой душу трогает сладостно память опять.
Но лишь отблеск луны на моё опускается ложе,
Закрываю глаза... Луч луны всё равно не обнять...

КОРОЛЕВА

Видимо, сердце... Что-то кольнуло слева...
 В сумраке ночи слёзы не очень видно.
 Что же, простите, Белая Королева!
 Ход сделан вами первой, мне не обидно.
 Было не больно... Было, пожалуй, странно.
 Слишком внезапно, в чём-то необъяснимо.
 Было, возможно, даже чуть-чуть забавно
 Вам не мешать бить Страницу с Пилигримом.
 Пусть я лишь пешка – чёрная, дело ваше,
 Как назовёте. Больше не стану злиться!
 Ваши поступки точно не станут краше,
 Не отопреют руки, сердца и лица.
 Вы упустили, впрочем, не очень много.
 Но мне хватило тени пройти до края.
 С вами на равных стала я перед Богом.
 Ведь Королевы судьбы не выбирают...

* * *

Перекинулись взглядами... Молнии мыслей
 Устремились в подкорку, терзая нещадно.
 Мы, святыми обрядами души очистив,
 Отмывали сердца от словесного яда.
 Дымка сплетен уносит лаем собаки,
 Чей-то вымысел тянет на «Оскара» точно.
 Хорошо, что пока не доходит до драки,
 Выражается только – конкретно и сочно!
 Нам ходить за советом не надо к гадалке.
 Тот вопрос, что ребром, не измерить на жёсткость.
 Образ жизни, привычно ни шаткий ни валкий,
 Переводим мечтами в иную мы плоскость.
 Механизм воплощений желаний изучен.
 Жизнь не против, чтоб сплетни реальностью стали.
 Бренный мир без порывов чувств бледен и скучен
 И страдает от комплексов тайной печали.
 Теплота поцелуев ложится на щёки.
 Губы жадно пылают, мечтая о встрече.
 Но, исследуя взглядов косых солнцепёки,
 Мы с улыбкой теряем друг друга под вечер.
 Снова мысли в глазах пишут строчкой усталой:
 «Мне так хочется быть хоть чуть-чуть к тебе ближе».
 А закат, награждая царапиной алой,
 Просит сердцем любить хоть немного потише...

* * *

Я не искала с тобой больше встречи.
 Зря ты надеждами сердце калечил.
 Мне по привычке тебя не хватало.
 Было паршиво, и лучше не стало.
 Я уповаю порой лишь на чудо.
 Ты продолжаешь играть в Робин-Гуда.
 Страсть прячешь так, что найти крайне сложно.
 Тропы её изучить невозможно.
 Мне надоели и ямы, и раны,
 Тайные сети, силки и обманы.
 Я поплутала, спасибо, довольно.
 Матерный сленг рвётся в память невольно.
 Жаль, научить я любовь не сумела
 Лишь твою душу любить, а не тело.
 Тема, достойная суперобложки!
 Всё, надоело играть в мышки-кошки!
 Как же запуталась в чувствах я, боже!
 Ты скалишь зубы, подслушал, похоже.
 Сияясь понять, ну на кой ты мне нужен,
 Я улыбаюсь, в отместку, не хуже...

КОТ

На батарее ржавое пятно.
 Запрыгнул кот на белый подоконник
 Понаблюдать сквозь пыльное стекло,
 Как двор метёт, ругаясь матом, дворник.
 Под гул машин в подъезд с трудом несёт
 Мужик, кряхтя, большой мешок картошки.
 А кот сидит и терпеливо ждёт,
 Когда к помойке соберутся кошки.
 Вдруг, испустив в мир свой истощный «мяв»,
 Кот прыгнул в форточку и прочь на волю,
 Год сытой жизни равнодушно смяв
 И позабыв в момент хозяйку Олю.
 Его душа кипела и рвалась
 С могучей силой к продолжению рода.
 С инстинктом страха он разрушил связь –
 Взяла своё кошачья страсть-природа.
 Кот до утра любил подруг как мог
 И даже дрался дважды у забора.
 Подробность сцен оставим между строк.
 Но где любовь – там рядом бродит ссора.
 Пресытив тело, укрепив свой дух,
 Довольный кот взлетел в окно обратно.
 Был взор хозяйки строг, а голос сух:
 «Мой муж так делал! И неоднократно!»
 ...Кот взгляд ловил и тёрся у ноги.
 Хозяйка, слёзы с глаз смахнув, простила
 И написала новые стихи
 Как зря ждала, но всё равно любила...

* * *

Я думала, встречу забыть будет просто.
 Подумаешь, взглядами вдруг зацепились.
 Он мне прошептал, что для нас двоих создан
 Был мир, где галактики все поместились.
 А я у виска пару раз покрутила.
 Ну это же бред! Кто в такое поверит!
 В словах его крылась упрямая сила,
 Но я всё равно указала на двери.
 Уныние – грех! Эта заповедь снова,
 Как годы назад, в мысли громко стучится.
 И сердце, лишившись красивой основы,
 С реальностью серой не хочет мириться.
 Он мимо проходит куда-то налево.
 Я молча стою, строя планы впустую.
 Когда-то была для него королевой,
 Теперь превратилась в пастушку простую.
 ...О чём-то ином призадуматься мне бы
 И жить во Вселенной без шума и пыли.
 А фразы его развенчать в сердце в небыль –
 Ну мало ли кем друг для друга мы были!
 Но солнце моё, заплутавшее в тучах,
 Не светит, не греет, застыло как будто.
 Надежду на то, что вот-вот станет лучше,
 Низводит на нет одинокое утро.
 ...Я жду от него и улыбки, и взгляда.
 Ход мыслей моих так красив, безупречен –
 Мечтаю по жизни идти с милым рядом
 Так, чтобы наш путь был на небе отмечен!
 Иные галактики мне не помеха.
 Энергии сердца – вот это серьёзно!
 Я верю, добьюсь непременно успеха –
 Мечтать и любить даже в сто лет не поздно!

* * *

Я смотрю на тебя и смотрю –
не могу всё никак наглядеться!
Паруса моему кораблю
распускаю, беря курс на сердце.
Да, похоже, в душе я пират!
Захватить тебя в плен мне хотелось
С той минуты, как в огненный Ад
погрузился, кляня твою смелость.
Ты напрасно скользишь по волнам
моих мыслей, с ветрами их споря.
Я и малого шанса не дам
пересечь это море без боя.
Неужели не видишь мой флаг –
две скрещённые в небе рапиры.
Я не стану желать тебе благ
и звучаний восторженной лиры.
Так случилось, ветра перемен
нас свели в этом плаванье вместе.
Хочешь воли, а что дашь взамен?
Поединок без правил и чести?
Я согласен – давай, начинай!
Вырывайся, пока веришь в силы!
Я не тот, кто в подарок даст Рай,
и не тот, кто воткнёт в спину вилы.
Я в глаза твои снова смотрю –
в них любовь безграничная плачет,
Все старания сводит к нулю.
Не пойму я, что всё это значит?
В ноги падаешь... Слышу твой стон...
Ты без боя сдалась до рассвета.
Но вопрос, кто кем был покорён,
я оставил в душе без ответа...

ПРОСТОЕ

Он выбирал из многих женщин королеву –
Такую, чтобы искры сыпались из глаз.
«Крутил» любовь он и направо, и налево,
Но королеву повстречал лишь раз в анфас.
Она взглянула на него так, что он обмер...
Весь вечер пил, пытаюсь дрожь в себе унять.

И говорил с усмешкой: «Чёрт, вот это номер!
Такую бабу в оборот не просто взять!»
Искал подходы к ней он долгими ночами.
Потеря сна была не так уж и страшна.
Он грезил лишь её бездонными глазами,
И мысль любая, что о ней, была грешна.
А королева улыбалась бесконечно,
Сияя празднично среди будничной толпы.
И флиртowała так изящно и беспечно,
Одним лишь взглядом превратив мужчин в столбы.
Он скрежетал зубами громко от досады,
И мат отборнейший вонзался в небосвод.
Не ожидал он от любви такой засады!
Не верил, что она вот так к нему придёт
И безответной станет! И среди безотказных
Найдётся та, чьё сердце он не смог сразить.
На свете много женщин ярких и прекрасных,
Но лишь к одной его душа тянула нить.
Он вечерами одинокими смеялся
Сам над собой, твердя: «Да, брат! Ну, ты попал!»
И сотни раз друзьям своим ближайшим клялся,
Что вырвет с корнем из своей души запал.
Дела обычные ввергали жизнь в рутину.
Суровый график дни его в секунды сжал,
Но всё равно во снах привычную картину
Её волшебный облик снова разрушал.
Однажды он решил поставить точку всё же.
Нашёл путём несложным нужный телефон.
Назначил встречу. Получил на ней по роже
За то, что годы жизни зря потратил он.
Летели под ноги цветочные ошметки.
Ему казалось, что в неё вселился бес.
Она вопила, как вопят на рынке тётки,
Что он разбил ей сердце, а потом исчез.
...Со стороны казалось – двое идиотов
Руками машут друг на друга и орут.
Да, у любви земной немало странных взлётов.
Её поймать в силки – такой тяжёлый труд!
Она рыдала на плече спустя минуту.
Он гладил волосы её и целовал.
Адреналин в крови кипел. Всё было круто!
Счастливей дня, чем этот, он ещё не знал...

* * *

Ей показалось, принц из снов застыл на утреннем перроне.
В руках большой букет цветов. Она же всё ещё в вагоне...
Ей показалось – лишь на миг, – как он целует на рассвете
Её, и образ вдруг возник, в котором – он, она и дети...
Он взгляд её поймал легко и улыбнулся ей тревожно.
Зачем она так далеко? И сколько жить ещё так можно?
Он ждатель тепла давно устал. На сердце горечь от разлуки.
Любовь возвёл на пьедестал, но с каждым днём сильнее муки.
Она молчала... Он молчал... Метались мысли по перрону –
К соединению начал вели, как к нужному вагону.
Он сделал шаг навстречу ей... Всё для себя она решила.
Плевать на мнения друзей! Есть в мире движущая сила,
Которой годы нипочём, с которой хочется считаться,
И ярким солнечным лучом самой себе порой казаться.
С которой жизнь хоть и горька подчас бывает, и печальной,
Но это лишь двоих вина, чья страсть не стала обручальной.
Она шагнула вниз, туда – в объятия шумного вокзала
И прошептала: «Не беда, давай начнём опять сначала!»
Рассвет алел в букете роз, и солнцем взгляды наполнялись,
Двоим ответив на вопрос, зачем их души повстречались...

Содержание:

Лев Котюков	3	Надежда Косова	65
Сергей Антипов	5	Вера Кошелькова	68
Леонид Дудин	6	Олеся Кудеркова	69
Владимир Лория	8	Алексей Кулешов	70
Денис Минаев, Галина Самусенко, Сергей Калабухин. «О портрете И. И. Лажечникова»	12	Любовь Кушнир	75
Марина Гридько	15	Николай Кушнир	81
Елена Хмырова	16	Надежда Лаврушина	83
Татьяна Алексеева	17	Арина Ладенка	84
Галина Аляева	23	Яков Левин	87
Наталья Бедная	25	Сергей Майоров	88
Наталья Брылёва	26	Максим Маклюк	89
Татьяна Бутяйкина	27	Людмила Михеева	90
Надежда Вамуш	29	Елена Нимчук	91
Александр Висленев	31	Ольга Новикова	92
Иван Водяков	32	Руслан Овдиенко	94
Сергей Газин	35	Эмилия Офледи	95
Жанна Германович	36	Валентина Подгайская	97
Ли́ка Градо	38	Вера Полякова	98
Николай Дик	40	Алексей Порошин	101
Александр Драло	41	Светлана Прохорова	104
Ольга Дьякова	42	Александр Пчелинцев	105
Владимир Есин	44	Гузель Рахматуллина	108
Фёдор Зуев	45	Галина Самусенко	109
Эльви́ра Зенина	46	Татьяна Савельева	110
Евгений Иваницкий	48	Александр Савостьянов	112
Александр Калинин	50	Денис «ТИГР» Сафронов	114
Марина Кабанова	52	Ольга Степанова	115
Екатерина Каргопольцева	53	Елена Степура	116
Алёна Карпова	54	Светлана Уланова	117
Мария Коробкина	56	Юрий Фокин	119
Михаил Коробов	57	Людмила Чебышева	120
		Юрий Черепнёв	122
		Анастасия Шебеко	123
		Ирина Шумина	124

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»
представляет:

*Песни на стихи Сергея Антипова,
Эмили Оффеди, Дениса Минаева и др.
в исполнении Олеси Атлановой
в новом CD-диске*

«СЕРЕБРЯНАЯ ОКТАВА»

Приобрести альбом
можно в нашем интернет-магазине:
<http://www.tvoyakniga.ru/magazin/magazin/292/>

ISBN 978-5-906438-88-1

9 785906 438881